

КАК ЗАИГРАЛ КРАСКАМИ «РУССКИЙ МАНЧЕСТЕР»

Жителям было указано
не заниматься земледелием

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ЧЕМУ УЧИТЬ В ШКОЛЕ?

С ОГЛАСНО ОДНОМУ ИЗ НЕДАВНИХ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (проведен «Левада-центром»), граждане России хотят, чтобы в школах больше внимания уделялось преподаванию русского языка и истории (по 43 процента высказались за углубленное преподавание каждого из этих предметов). На втором месте по значимости оказалась математика (39 процентов опрошенных).

С одной стороны, такие предпочтения отражают чисто прагматический расчет: русский язык и математика являются обязательными для сдачи во многие вузы. С другой – налицо и определенный «гуманитарный голод», все более осознаваемый нашими гражданами и порождающий интерес к родной истории, языку и культуре. К корням, к истокам, лежащим в основе, как теперь модно говорить, национальной идентичности. Родители также жалуются, упрощенно говоря, что «дети мало читают» и «сидят в телефонах», вот и возникает желание, чтобы больше читать побуждала школа. Любопытно, что двадцать лет назад среди приоритетных предметов значились информатика и иностранные языки. Сейчас иностранные языки отодвинулись на четвертое место, а информатики, по мнению родителей, детям хватает и в повседневной жизни. Также любопытно, что реже всего россияне высказывались в ходе опроса за усиленное изучение истории религии и предметов типа «этика», «военное дело», «семейные ценности».

В последнем случае, говоря о «нелюбимых предметах», наверное, не стоит слепо ориентироваться на vox populi, однако прислушаться к нему стоит. Не слишком ли много «искусственно придуманных» отдельных предметов в нашей школе? Может быть, те задачи, которые ставятся в процессе их преподавания, можно решить иными способами – во время внеклассной работы, в рамках специальных образовательных проектов? И тогда непосредственно в учебное время можно будет сосредоточиться на главном.

РУССКИЙ МИР

- 06 Стратегия развития
08 Космос говорит по-русски
12 В поисках генерала

ИНТЕРВЬЮ

- 14 «В искусстве
стабильности
быть не может»

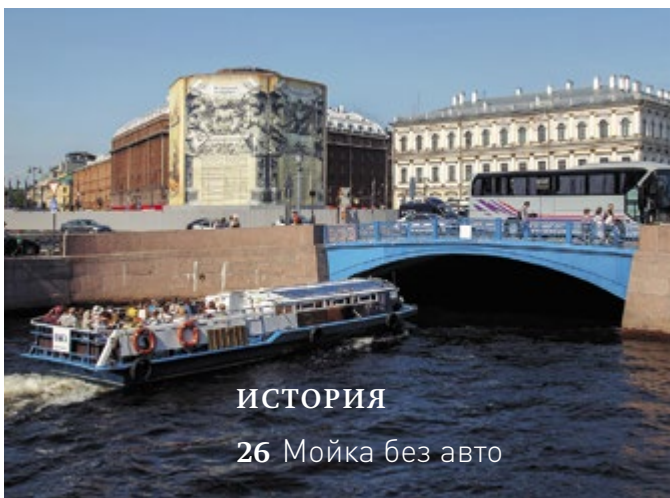

- 20 Хранители русского
фронттира

КУЛЬТУРА

- 46 «Ой, полна, полна коробушка,
есть и ситцы, и парча...»

ИСТОРИЯ

- 26 Мойка без авто

СИТУАЦИИ

- 54 Судьба
поводыря

НАСЛЕДИЕ

- 36 Моя
напасть,
мое
богатство

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 60 Неистовый поиск себя

ГОРОДА РОССИИ

68 Соль Галичская

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Страж леса

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

82 Маршруты
Пресни

РЕПОРТАЖ

90 Ода к радости от Федора Михайловича

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НЕДОСТАТОК ФИНАНСИРОВАНИЯ, НЕХВАТКА УЧИТЕЛЕЙ, ЧАСТЫЕ ПРОВЕРКИ, НИЗКИЙ УРОВЕНЬ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ – ЭТИ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБСУДИЛИ ДЕПУТАТЫ, ЧИНОВНИКИ, ЭКСПЕРТЫ И УЧИТЕЛЯ В СТЕНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

В РОССИИ 41 ТЫСЯЧА ШКОЛ, ИЗ которых 17 тысяч – городские. В них учатся 16 миллионов детей и работают 1 миллион 300 тысяч педагогов. На проект «Образование» государство выделило 785 миллиардов рублей. Эти цифры министр просвещения Ольга Васильева сообщила в ходе парламентских слушаний «О мерах по повышению качества образования в Российской Федерации», прошедших в конце июня в Государственной думе. Мероприятие состоялось в Большом зале заседаний. Оно вызвало такой интерес, что гостей пришлось размещать даже в Малом зале, организовав для них прямую видеотрансляцию.

ШКОЛЫ МАЛОЙ КОМПЛЕКТНОСТИ

Конкретного определения, какая школа является малокомплектной, не существует, заявил председатель Госдумы Вячеслав Володин, добавив, что руководители регионов, пользуясь ситуацией, часто просто избегают от небольших учебных заведений. В Псковской области есть школы, где учатся всего два-три ученика в начальных классах, добавила Ольга Васильева, отметив, что они не должны закрываться, несмотря на то, что содержание их обходится дорого. Каждая пятая сельская школа – малокомплектная, всего в стране таких учебных заведений более 8 тысяч. «Если закрывается школа, пре-

кращается жизнь на селе, потому что школа – это социокультурный центр», – уверена министр.

К проблеме финансирования малокомплектных школ привлек внимание и председатель комитета Госдумы по образованию и науке Вячеслав Никонов. «Считаю, что не Минфин должен решать, каким должен быть норматив финансирования малокомплектных школ, а региональные власти, им на местах виднее. И, безусловно, расходы на малокомплектные школы ни в коем случае нельзя считать расходами неэффективными или даже нецелевыми, как порой считают в Минфине», – заявил он.

Нельзя отдавать эту тему на откуп только регионам, необходима поддержка федеральных ведомств, а для этого нужно подготовить нормативную базу, добавил Вячеслав Володин. Он предложил Министерству просвещения подготовить концепцию по сохранению малокомплектных школ.

ЗАРПЛАТА И НАГРУЗКА

Президент поставил задачу: зарплата педагога должна быть не ниже средней по региону, причем 70 процентов – это гарантированная часть, а 30 процентов – стимулирующая. Эти требования выполняются не во всех регионах, что приводит к низкому уровню зарплат учителей, рассказала Ольга Васильева. И при этом нагрузка на педагогов в нашей стра-

не одна из самых высоких в мире. Возраст 39 процентов современных учителей – старше 50 лет, доля молодых педагогов (до 29 лет) составляет лишь 5,5 процента. На бюджетные места педагогических вузов поступает более 62 тысяч человек в год, до школ доходит только каждый второй. Есть и проблема качества подготовки: практика составляет лишь 50 часов из всего курса обучения.

Указ президента об оплате труда учителей не выполняется в 75 регионах, уточнил первый заместитель главы комитета Госдумы по образованию и науке Олег Смолин. Депутат рассказал, что большинство педагогов работают на полторы ставки, а 13 процентов вынуждены работать на две ставки. Олег Смолин уверен: полноценно осуществлять свои педагогические обязанности при такой нагрузке невозможно. Депутат поднял еще один вопрос, вызывающий большое напряжение в педагогическом сообществе: неравенство регионов по зарплате. Если в Москве учителя могут получать 70–100 тысяч рублей в месяц, то в других регионах эти цифры в несколько раз меньше. От имени профильного думского комитета депутат предложил внести в рекомендации по итогам слушаний предложение высчитывать зарплату педагогов не по средней по региону, а по средней по стране.

Внедрение рыночных механизмов в школьное образование оказалось неверным, как и расчет на то, что рынок самотрегулирует зарплату учителей и качество учебников, констатировал руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Сергей Кравцов. Он добавил, что перевод образования в сферу услуг резко ухудшил его качество и привел к разрыву единого образовательного пространства в стране.

КАЧЕСТВО ЗАВИСИТ ОТ ЛЮДЕЙ

«Качество образования зависит от огромного количества параметров, которые мы сегодня сознательно сузили, чтобы поговорить о самом насущном. Очевидно, что качество образования зависит от культуры и знаний в стране, от культуры родителей, от раннего развития и дошкольного воспитания, от федеральных государственных образовательных стандартов, примерных образовательных программ. Оно зависит от материально-технического обеспечения, от компьютеризации, от качества педагогического состава, мотивации учителей и учащихся, от их здоровья, от ресурсов, которые выделяются на образование, от качества государственного управления, качества законов, от системы оценивания. Огромное количество факторов. И, безусловно, оно зависит от людей, от тех, кто учит, и от тех, кто учится», –

Председатель Госдумы Вячеслав Володин
(слева) и глава фракции КПРФ
Геннадий Зюганов

Председатель комитета Госдумы
по образованию и науке
Вячеслав Никонов

Министр просвещения
Ольга Васильева

сказал Вячеслав Никонов, добавив, что по расходам на образование как доле в валовом внутреннем продукте страны Россия занимает 98-е место в мире. Образование у нас хорошее благодаря заслугам конкретных людей, работающих в отрасли, но мы не сможем удерживать высокие позиции, находясь на 98-м месте по финансированию отрасли, уверен глава думского комитета.

«Решение множества вопросов зависит от одного фактора, на мой взгляд, важнейшего, о котором мы, депутаты, говорим постоянно: российская система образования, как и российская система науки, недофинансирована очень серьезно», – заявил Вячеслав Никонов, добавив, что с этим напрямую связана проблема нехватки кадров: на нынешние ставки заработной платы выпускники педвузов просто не пойдут.

В свою очередь, Ольга Васильева отметила вопрос качества образования в сельской местности. Она привела пример: лауреатами Всероссийской школьной олимпиады стал 2231 ребенок, из них лишь 74 учатся в сельских школах.

«Технологический прорыв без школы не решается», – заявил глава фракции КПРФ в Государственной думе Геннадий Зюганов, добавив, что именно из-за неграмотности Россия проиграла русско-японскую и Первую мировую войны. С ним не согласился лидер ЛДПР Владимир Жириновский. По его словам, японцы испугались продолжения войны и подписали мировое соглашение на условиях России без контрибуций. А Первую мировую войну России помешали выиграть большевики, устроившие Октябрьскую революцию. Он напомнил, что некоторые меры не требуют большого

финансирования, например преподавание детям правдивой истории, обучение умению отличать правду от пропаганды.

Сергей Кравцов отметил, что результаты ЕГЭ и тестов радуют. Система совершенствуется, в экзамен включены творческие задания. Особенно заметен рост среднего балла по истории: если в 2014 году он составлял 46, то в этом уже 55. На шесть пунктов вырос и средний балл по математике. Однако сохраняются проблемы с изучением иностранных языков: сегодня этот предмет выбирают для сдачи ЕГЭ всего 10 процентов выпускников, а ведь в перспективе иностранный язык должны будут сдавать все.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

И без того немалую нагрузку на учителей увеличивают частые проверки и требования чиновников подсчитывать и предоставлять разнообразные статистические данные. Назвать точное количество деревьев во дворе, посчитать девочек и мальчиков, принимавших участие в мероприятиях, – это хоть

Глава фракции ЛДПР Владимир Жириновский

и абсурдные, но реальные требования проверяющих организаций, которые привела в пример Ольга Васильева. Министр сообщила присутствующим хорошую новость: будут внесены поправки о сокращении количества отчетов учителей. «В школе должны остаться и останутся четыре документа: рабочая программа по предметам, регулярно-тематическое планирование, электронный журнал, электронный дневник», – добавила Васильева.

«Если пришли проверять, проверяйте все в конце августа, и больше чтобы вас не было. И если вам нужна какая-то информация, то законом определено, какая информация должна быть на сайте образовательных организаций, и это исчерпывающая информация, никакой другой информации никто запрашивать не должен. Нельзя удовлетворять свое любопытство, часто чисто бюрократического свойства, за счет времени учителей, которое должно быть отведено на учеников», – убежден Вячеслав Никонов.

Участники парламентских слушаний обсудили и ряд других вопросов, влияющих на качество образования и здоровье детей. Среди них – организация горячего питания, ликвидация второй и третьей смен, комплектование школ логопедами, дефектологами и вспомогательным персоналом и даже строительство нормальных современных туалетов. «До сегодняшнего дня и в обозримой перспективе у нас нет стратегии развития отечественного образования – ни общего, ни профессионального. А без такой стратегии мы не сможем выработать наше видение будущего – того будущего, ради которого мы все работаем, будущего, ради которого стоит жить», – подвел итог слушаний Вячеслав Никонов. ■

Космонавт
Александр
Лазуткин
после
приземления.
1997 год

СЕРГЕЙ МЕТЕЛИЦА / ИТАР-ТАСС

КОСМОС ГОВОРIT ПО-РУССКИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РИГЕ ПО ПРИГЛАШЕНИЮ РУССКОГО ГУМАНИТАРНОГО КЛУБА «КУЛЬТУРНАЯ ЛИНИЯ» ПРИНИМАЛИ ПОЧЕТНОГО ГОСТЯ – ГЕРОЯ РОССИИ, ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА АЛЕКСАНДРА ЛАЗУТКИНА, УЧАСТНИКА 23-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. ОНА ПОЛУЧИЛА НАЗВАНИЕ «ЭКСПЕДИЦИЯ СМЕРТНИКОВ» И БЫЛА ЗАНЕСЕНА В КНИГУ РЕКОРДОВ ГИННЕССА ПО КОЛИЧЕСТВУ НЕШТАТНЫХ СИТУАЦИЙ.

3 А ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЭТО уже третий «звездный» визит российских покорителей космоса в латвийскую столицу. До этого на дискуссионной площадке клуба перед рижанами выступали летчик-космонавт Юрий Батурин и его коллега Юрий Усачев. Бортинженера Александра Лазуткина, помимо отечественных наград удостоенного еще и двумя медалями НАСА, зал встретил овациями.

ДОКТОР-БОРТИНЖЕНЕР

В 1997 году в составе международного экипажа, включавшего космонавтов из России, Америки и Германии, Александр Лазуткин провел 185 дней на орбите. За это время им пришлось пережить около 40 аварийных ситуаций, в том числе пожар на борту, полное отключение электричества и... столкновение с транспортным грузовым кораблем «Прогресс». Такого не было ни до их экспедиции, ни после. И если бы не

опыт командира корабля Василия Циблиева и не мастерство бортинженера Лазуткина, неизвестно, чем бы этот полет закончился...

Хотя сам Александр Иванович признался, что ощущал себя не инженером, а скорее, врачом, которому достался сложный пациент. Но поскольку последний был заранее детально изучен, никаких серьезных опасений за его здоровье не было. Тем не менее тяжелейшая нервная нагрузка отразилась на самочувствии «доктора». После возвращения на Землю ему пришлось почти два года восстанавливаться, в итоге второй раз в космос полететь уже не довелось.

Сейчас Александр Иванович работает в Звездном городке начальником отдела в Центре подготовки космонавтов и заместителем генерального конструктора НПП «Звезда». Кроме того, прославленный космонавт стал организатором образовательного проекта для школьников «Космическая Одиссея», в рамках которого провел десятки встреч с учащимися школ в разных городах России и других стран. И вот дошла очередь до Риги. Александр Лазуткин отвечал на вопросы латвийских школьников, рассказы-

вая о своих ощущениях в космосе, о жизни в невесомости, о работе с американскими астронавтами, о подготовках к полетам, об учебе в школе и даже – о пользе пения и танцев.

ПЕРВЫЙ ПОШЕЛ...

«За несколько дней до полета я спрашивал у космонавтов, летавших на орбитальную станцию, сколько нештатных ситуаций ждать, как часто они случаются, – рассказал Александр Лазуткин. – Старшие товарищи заверили, что обычно от двух до пяти, не более. Уже при взлете одна антенна раскрылась не до конца, но это была мелочь, мы знали, как решить проблему. Но я начал считать. Через сутки – авария, выходит из строя пульт управления. Включаем резервный блок, корабль движется к станции в автоматическом режиме. И вот начинается процесс стыковки, и в этот момент корабль останавливается. Берем управление в свои руки и успешно стыкуемся. Итак, три нештатные ситуации за первые двое суток. Думаю, хорошо, остались только две, а потом полгода спокойной жизни... А через две недели новое ЧП – пожар на станции! Загорелась кислородная шашка, пришлось тушить огонь. Когда успешно справились и с этим, я констатировал: четыре! Командир говорит: нет, это была серьезная авария, она идет за две! Я успокоился, думаю, ну все – лимит исчерпан!..»

Это оказалось не так, и в скором времени Александр Лазуткин бросил считать количество аварий. Да и не до того было, ему случалось по двое суток работать практически без сна. Сначала отказала система, подающая кислород, потом – поглощающая углекислый газ, а вскоре отключилась система терморегулирования, затем на станции полностью исчезло электричество... «В тот момент мы впервые услышали, что такое космическая тишина, – поделился Александр Иванович своими ощущениями. – На станции ведь постоянно что-то из приборов работает, почти как в самолете все время что-то тихо жужжит. Мы три месяца сутками напролет слушали этот гул, а тут вдруг все исчезло. Станция просто кружилась в пространстве, а нам нужно было узнать, с какой скоростью мы вращаемся, чтобы ее остановить. Но как это сделать? Ни один прибор не работал!

Герой России Александр Лазуткин на встрече в Риге в течение двух часов отвечал на вопросы из зала

Когда в гости к рижанам приезжают русские космонавты, в клубе «Культурная линия» свободных мест не бывает

К счастью, я вспомнил, что в школе мне объясняли, как можно с помощью вытянутого вперед большого пальца руки определить скорость – надо посчитать, через сколько секунд к нему подходит какой-то движущийся объект, например машина, заходит за палец и выходит из-за него. Зная диаметр пальца, можно посчитать, сколько секунд за ним прячется машина, и вычислить ее скорость. В космосе роль машины сыграли звезды, они и помогли нам в итоге все правильно высчитать, и мы вскоре восстановили ориентацию станции»...

Но самым опасным был момент, когда произошло столкновение с грузовым комплексом «Прогресс», что привело к разгерметизации станции. Это случилось спустя пять месяцев с начала экспедиции. Экипаж принялся за ликвидацию последствий от столкновения. Повозиться пришлось долго.

Как потом подсчитал бортинженер, за 180 дней полета у него было в общей сложности не более пяти спокойных ночей, когда он спал по расписанию – с вечера до утра.

Но нештатные ситуации «догнали» космонавтов даже во время приземления. Не сработали двигатели мягкой посадки, так что встречающие на земле не были уверены в том, остались ли космонавты целыми и невредимыми. К счастью, все обошлось, хотя выглядел «экипаж смертников» в тот момент действительно не лучшим образом.

МОСКВА-ХЬЮСТОН-КОСМОС

На вопрос, на каком языке говорили между собой члены экипажа, космонавт рассказал, что поначалу, когда разрабатывалась программа совместных полетов, американцы настаивали, чтобы язык общения был только английский, а руководить полетом, по настоянию американских партнеров, должен был только их ЦУП из Хьюстона. Хотя российская сторона предлагала использовать оба языка и совместное руководство полетами. Предложение не прошло... Но когда наши космонавты приезжали в Хьюстон на тренировки, то американцы просили их говорить с ними по-русски, поскольку хотели лучше выучить язык. Даже сотрудники американского ЦУПа в разговорах переходили на русский. В итоге астронавты действительно

хорошо выучили язык и в космосе, находясь на МКС «Мир», говорили только на русском и с удовольствием смотрели русские фильмы.

А со временем и управление совместными полетами тоже полностью перешло к специалистам российского ЦУПа, поскольку у американцев не было опыта длительных полетов. Когда в космосе случались технические проблемы, без помощи российских коллег Хьюстон справиться не мог. В один из осенних сезонов в штате Хьюстон начались природные катаклизмы, и оттуда пришлось срочно эвакуировать весь ЦУП. Поэтому вопросы управления совместными полетами дальше решала Москва. Возможно, теперь в связи с санкциями ситуация изменится. «Санкции со стороны США были всегда, американцы воспринимали с подозрением все, что мы предлагали, с ходу все отвергая. Но в итоге здравый смысл побеждал. Поэтому сейчас я тоже не вижу ничего страшного, – уверен российский космонавт. – Мы же раньше работали без американцев, и ничего! И в космос наш Гагарин первым полетел без них, и Леонов без них вышел первым в открытый космос, и станцию первую космическую мы без американцев запустили».

И хотя отношения между космонавтами и астронавтами всегда были хорошими, в космосе разница на ментальном уровне все же ощущалась. Из-за этого порой в полете возникали разногласия, которые обычно удавалось разрешать мирным образом. И все же...

ГРАНИЦЫ НЕВЕСОМОСТИ

«Я по натуре – интернационалист, да и человек неконфликтный, поэтому был уверен, что со всеми смогу поладить. С немецким астронавтом Райнхольдом Эвальдом у нас сразу сложились нормальные отношения, а вот с первым американцем, Джерри Линенджером, без напряжения не обошлось, – признался Александр Лазуткин. – Все началось с того, что ко мне обратился немец и спросил, можно ли ему поставить свой чемоданчик с приборами для исследований в рабочем модуле. Я ему нашел свободное место, где он никому не мешал, и улетел по своим делам. Через некото-

Экипаж 23-й международной космической экспедиции: Райнхольд Эвальд, Василий Циблиев и Александр Лазуткин (справа)

Летчик-космонавт, Герой России, заместитель генерального конструктора НПП «Звезда» Александр Лазуткин на базе российского НПП «Звезда» в Московской области

рое время немец подлетает ко мне и жалуется на американца, говорит, что тот его выгоняет вместе с приборами. Я полетел разбираться, спрашиваю Джерри, зачем он выкинул немецкий чемодан, ведь тот никому не мешал. Американец говорит мне: «Нет, Саша! Это территория США. И НАСА ее оплатила, поэтому данное место принадлежит полностью нам»...

После этого мелкого инцидента в экипаже начало ощущаться напряжение. Когда люди несколько месяцев находятся в тесном, замкнутом пространстве, они остро реагируют на любые раздражающие факторы. На станции начались проблемы с подачей кислорода и забором углекислого газа. Для сокращения расхода было принято решение на какое-то время отказаться от физкультуры. Все ребята это приняли с пониманием. Кроме американского астронав-

та. Джерри продолжал активно тренироваться, объясняя это тем, что он хочет приземлиться здоровым...

В космосе у всех много работы: надо проводить научные исследования, следить за приборами и т.д. – все по расписанию. И только поломки случались вне расписания. Для их устранения экипажу приходилось работать за счет сна. Тому же бортинженеру и командиру корабля иногда удавалось поспать не более трех-четырех часов в сутки. Астронавт НАСА за полчаса до сна бросал всю работу и улетал в свой отсек, пожелав спокойной ночи, зная, что другим, возможно, придется возиться до утра... Для русских такое отношение, конечно, было, мягко говоря, странным. Раздражение нарастало. Поэтому когда через три месяца Джерри закончил свой полет и его сменил другой астронавт, остальные члены экспедиции не расстроились.

«Мы ни разу не сказали ему ни одного плохого слова, но внутри, конечно, все кипело. Я думал, после этого никому не посоветую работать вместе с американцами, – признался Александр Лазуткин. – Но наш новый член экипажа, Майкл Фул, оказался совсем другим человеком. В первый же день после ужина мы с командиром полетели работать, а Майкла отправили отдыхать. Но он полетел за нами, сказав, что он здесь для того, чтобы нам с ним было хорошо. Поэто-

ЕВГЕНИЙ ОДИНЦОВ / РИА НОВОСТИ

му он будет работать вместе с нами столько, сколько нужно. Вы знаете, когда он это сказал, мы с Василием растерянно переглянулись, а я почувствовал, что у меня прямо комок в горле от этих слов...».

АМЕРИКАНЕЦ И РУССКИЙ ХАРАКТЕР

После столкновения с «Прогрессом» они проработали сутки и день без перерыва, восстанавливая герметизацию модуля. Майкл в какой-то момент, как рассказывал Александр, просто рухнул: «Все, парни, простите, я больше не могу...» Конечно, его отправили отсыпаться. В полете космонавты очень сдружились с Майклом, и, когда выдавалась свободная минута, Александр любил с ним поговорить на самые разные темы. Так, однажды они даже обсуждали особенности русского национального характера. Майкл сказал своему напарнику фразу, которую тот хорошо запомнил: «Саша, в мире существуют русские и иностранцы. Ты с этим согласен?» «Ну, конечно, мы все между собой отличаемся по менталитету, темпераменту, по характеру», – согласился Александр. «Нет, ты меня не понял! Существуют русские и все остальные. Остальные между собой во многом похожи. Но вы, русские, вы особенные, вы не такие, как все. За это вас не любят, – сделал вывод американец. – Вы единственные, кто способен

страдать. Вы живете не для себя, а для кого-то или ради чего-то, это ваша чисто русская национальная особенность».

По словам Александра Лазуткина, Майкл тогда его поразил до глубины души. Откуда у этого американца, который и русский-то язык выучил всего полтора года назад, такие глубокие размышления и наблюдения? «Когда я его в лоб спросил об этом, Майкл сказал: об этом же пишут в ваших книгах! И он начал мне перечислять имена литературных персонажей из романов Достоевского, Толстого, Чехова, рассказывая, что вот эти герои уже давно были описаны в русской литературе. Вот это и есть русский характер...» – рассказал Александр Иванович.

«КАЛИНКА» НА РУКАХ

Однажды, выступая в США вместе с американским коллегой перед школьниками и отвечая на вопрос, кто такие космонавты и чем они отличаются от астронавтов, Александр Лазуткин обронил фразу: «Космонавты могут все!» А в классе ребята шустрые попались, не поверили – так уж и все? Они вытолкали вперед афроамериканского мальчишку, который сделал стойку на руках под одобрительные крики товарищей. «А вот так русские космонавты могут?» – с усмешкой спросил самый высокий парень в классе. Но они же не знали, что перед ними стоит мастер спор-

После завершения встречи Александр Иванович еще долго раздавал автографы и отвечал на вопросы рижан

та по гимнастике! Александр Лазуткин сбросил пиджак, встал на руки и лихо прошелся от доски до дверей и обратно, сорвав овации. Спорт выручил космонавта и в Бразилии, где его пригласили на шоу с участием туристов из разных стран. Конферансье приглашал из зала представителей Испании, Китая, Польши... и оркестр тут же начинал играть популярную национальную мелодию, под которую иностранный гость на сцене или пел, или танцевал. И вот доходит очередь до русского, да еще и космонавта, героя из России. «А я в школе, к сожалению, не любил ни петь, ни танцевать и никогда этому не учился, считая, что в жизни летчику, кем я мечтал стать, эта ерунда никогда не пригодится, – вспоминал Александр Иванович. – Я встаю в полной растерянности, оркестр начинает играть «Калинку-малинку». Публика, разогретая предыдущими испанскими танцами, начинает хлопать под музыку. Мне протягивают микрофон, и в этот момент я почувствовал, что – за мной вся страна... Если я сейчас выйду, поклонюсь и скажу, что ничего не умею, то буду выглядеть полным дураком. Но русские же не сдаются! Я встал на руки, сам не знаю для чего, и начал переставлять руки, опираясь то на правую, то на левую, пытаюсь их размять. Но получилось, что я это делаю в такт музыке, что было совершенно неожиданно для меня. Наступила гробовая тишина, многие привстали со своих мест, желая увидеть, что там этот русский вытворяет. А оркестр опять грянул «Калинку-малинку». Теперь я уже специально, переставляя руки под музыку, начал передвигаться на руках к сцене под аплодисменты всего зала. Это я к тому вам рассказываю, чтобы вы, ребята, знали – в школе надо изучать все предметы. Космонавты должны уметь все!» – закончил гость клуба рассказ, обращаясь к самым юным участникам встречи. Двух часов не хватило для всех желающих задать вопросы Герою России, но по окончании встречи Александр Иванович еще долго раздавал автографы рижанам с пожеланиями беречь мир вокруг нас, беречь нашу Землю. Самую красивую планету во Вселенной. Он был в космосе, он знает. 🇷🇺

В ПОИСКАХ ГЕНЕРАЛА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

НОВОСТЬ ПРИШЛА ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ТИРОЛЯ. НЕ ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ, ИТАЛИИ И АВСТРИИ ВЕДУТ РАБОТЫ ПО ПОИСКУ ЗАХОРОНЕНИЙ РУССКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ, ОКАЗАВШИХСЯ В ПЛЕНУ И ПОГИБШИХ В ДОЛОМИТОВЫХ АЛЬПАХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. А ТАКОВЫХ НАСЧИТЫВАЕТСЯ БОЛЕЕ 10 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Н О В ПРАКТИКЕ ПОИСКОВИКОВ-ЭНТУЗИАСТОВ СЛУЧАЮТСЯ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ.

С Великой войной не связанные, но связанные с судьбами наших соотечественников. Тирольский краевед Андрей Прус сообщил, что на лютеранском кладбище знаменитого курортного городка Мера-но найдено захоронение генерала от кавалерии Леонтия фон Баумгартена. Нюанс в том, что львиная доля источников, рассказывающих о жизни Леонтия Николаевича, говорит о том, что умерший в 1931 году генерал похоронен на кладбище во Франции, в городе Меран. Это в 500 километрах к югу от Парижа, в Пиренеях.

Казалось бы, что особенного? Еще один подданный российской короны, эмигрировавший из страны после событий 1917 года. Встретил последний час не во Франции, а в Италии. Наши могилы разбросаны по всему свету. Русские солдаты и моряки спят вечным сном по всей Европе, в Южной Африке, в Турции, Аргентине, США, Канаде, Иране, Корее, на Филиппинах... Особенное в том, что не так много было в истории «полных» генералов, чтобы десятилетиями место их упокоения оставалось неизвестным.

Леонтий Баумгартен – потомок старинного остзейского дворянского рода, сын генерала от кавалерии, продолжатель военной династии. Корни рода надо искать в Эльзасе, потом – в Швеции, откуда Баумгартены перебрались в Прибалтику во второй половине XVII века. Род был плодовитый. Мужчины по большей части предпочитали военную стезю. По меньшей мере пятеро имели генеральские эполеты за службу царю и Отечеству. Отмечены наградами за участие во многих войнах, которые вела Россия. Так, отец Леонтия, генерал от кавалерии Николай Карлович, отличился в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов и польских событиях 1830–1831-го. Рожденный в 1806 году, он окончил Царскосельский лицей. Семилетний разрыв в возрасте вовсе не исключает, что он был знаком с Александром Пушкиным и другими лицеистами первого призыва.

Леонтий Николаевич родился в 1853 году. Происхождение и заслуги отца

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Могила Леонтия фон Баумгартена на лютеранском кладбище в Мерано

метно для большой публики и очень тяжело для казаков. Всегда впереди, день и ночь под выстрелами, и в жар, и дождь в движении, все это пришлось перенести казакам. Были случаи, когда по 3–4 дня не приходилось расседлывать лошадей, питаться сухарями с водой, не имея возможности даже согреть чаю. Все это казаки стойчески сумели перенести, всегда поражая своим веселым, беспечным видом и беззаветной отвагой».

В связи с общим неуспехом в той войне и революционными событиями, нахлынувшими на Россию, награждения происходили с некоторым запозданием. И все же к 1907 году мундир генерала Баумгартена украсил орден Святого Владимира 2-й степени. Еще одна, более значимая награда – Золотое оружие «За храбрость» с георгиевским темляком, которое с 1913 года было указом императора Николая II приравнено к ордену Святого Георгия. К слову, за русско-японскую войну только четыре генерала были отмечены такой наградой. Также за боевые отличия Баумгартен был произведен в 1905 году в генерал-лейтенанты.

Начиная с 1907 года Леонтий Николаевич, оставаясь в военном чине, занимался сугубо мирной деятельностью. Был почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии и членом советов и управляющим хозяйственными частями Московского училища орден Святой Екатерины и Александровского института. Видимо, с московским периодом жизни связана и деятельность его сына Александра, как сейчас сказали бы, в сфере недвижимости. Знаменитый «Дом Баумгартена» до сих пор стоит на Плющихе. Правда, изрядно опошленный новорусскими образцами архитектуры.

Застигнутый Великой войной на отдыхе в Германии, генерал Баумгартен получил статус военнопленного. Однако спустя считанные месяцы сумел вернуться в Россию, получил чин «полного» генерала, но по причине нездоровья от строевой службы был освобожден. Ушел в отставку с мундиром и пенсией сразу после Февральского переворота 1917 года. ■

позволили ему поступить в самое элитное учебное заведение России – Пажеский корпус. Любопытная деталь. Согласно официальным данным, Леонтий считался в службе с 1866 года, то есть 13 лет от роду. Корпус же окончил в 1872-м, 18-летним. Несложно догадаться, что учеба в «Пажах» шла в зачет военной карьеры. Вышел в один из самых престижных кавалерийских полков – лейб-гвардии Гусарский, пропитанный царским потом и лермонтовским духом. В чинах рос быстро и на Русско-турецкую войну 1877–1878 годов вышел уже штабс-ротмистром (нечто среднее между современными старшим лейтенантом и капитаном. – Прим. авт.). Воевал славно, раз вернулся в Россию с тремя боевыми орденами, среди которых «четвертый» Владимир с мечами и бантом.

Далее карьера в годы мирного царствования Александра III развивалась не менее стремительно. В генерал-майоры был произведен за отличие в 43 года. В начале XX века командовал лейб-гвардии Уланским

Ее Величества полком. Вышел в запас в 1904-м, но, едва грянула русско-японская война, вернулся в строй и отправился на восток в качестве командира 1-й бригады Сибирской казачьей дивизии. В 1905-м временно командовал всей дивизией. Насколько сибирские казаки успешно исполняли воинский долг, говорят строки из репортажа корреспондента «Сибирского вестника»: «Много разговоров было здесь по поводу сибирских казаков. Говорили, что они очень ленивы, что они спят на постах, плохо производят разведки и проч. Но люди, близко стоящие к казакам, совершенно беспристрастно отзываясь о них с большой похвалой, указывая на то, что казаки всегда делают очень аккуратно все, зависящее от них. <...> Со дня вступления в Маньчжурию сибирскому казачеству пришлось попасть в передовую линию нашего правого фланга и центра. Были случаи, когда казаки имели возможность отличиться громко, но, в общем, служба их прошла неза-

«В ИСКУССТВЕ СТАБИЛЬНОСТИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА
АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

О ПРАВИЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ
ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА
В ТЕАТРЕ, О БОГАТСТВЕ КЛАССИКИ
И СПОСОБНОСТИ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ
ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU»
РАССКАЗЫВАЕТ НАРОДНЫЙ
АРТИСТ РОССИИ, ЛАУРЕАТ ЧЕТЫРЕХ
ГОСПРЕМИЙ, ГЛАВА ГИЛЬДИИ
ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕЖИССЕРОВ,
ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА СОВЕТА
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО КУЛЬТУРЕ
И ИСКУССТВУ ВАЛЕРИЙ ФОКИН.

— **В** АЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, У ВАС
появляются все новые проек-
ты, параллельные режиссер-
ской работе. В Год театра идет

*Театральная олимпиада, на Петербургском куль-
турном форуме вы руководите секцией театра.
А в Александринке состоялись две премьеры —
о Сталине и...*

— Сначала выпустили на малой сцене спектакль
«Какая грусть, конец аллеи...» Резо Габриадзе, по-
том — «Сталина». Да, дел много, и главная про-
блема заключается в том, что нужно отделять
собственно режиссерскую работу от работы ад-
министративной. Приучил себя жить так, чтобы,
грубо говоря, менеджер не забивал творческого
человека. Если чувствую, что менеджер начинает
ему мешать, делаю все, чтобы отодвинуть любые
организационные дела на второй план.

— Тема «художник и власть» в вашем случае
трансформировалась — «художник во власти».
Главный театр страны — это и бюджеты хоро-
шие, и площадок много...

— Но это ведь старейший национальный театр!
В нем работает почти 800 человек, две сцены, по-
этому должен быть большой бюджет. И он боль-
шой лишь по сравнению с другими коллекти-
вами. Но если говорить про все задачи, которые
мы выполняем... Мы не балет, не опера, не музы-

кальный театр, в драме совсем другая составля-
ющая, нам приходится думать о том, как заработать
деньги. Сегодня это вопрос, без которого не про-
живешь! И мы думаем, какие спектакли делать,
на чем зарабатывать — каких-то эксклюзивных
возможностей нет. И с государством надо нахо-
дить общий язык, что зачастую непросто для лю-
бого художника. Проблем немало.

— Например?

— Об этом давно говорится. В театральном про-
странстве много «мертвых» театров, существую-
щих формально. А в труппах зачастую невозмож-
но совершить необходимую режиссеру ротацию.
Это драматические проблемы, связанные с людь-
ми, их амбициями и страхами. Задача трудная,
и мы пока не готовы к решению. Это продемон-
стрировало одно только предложение о союзе
двух театров, Петербурга и Ярославля, вызвавшее
бурю негативных эмоций, причем у каждого —
свои мотивы. Если есть лидер, творческая про-
грамма — почему нет? Всякие варианты должны
быть, только — с умом, не бездарные, как где-то
кукольный театр с филармонией взяли и объеди-
нили! Ну о какой реформе может идти речь, если
начать ее сейчас! Мы не готовы вообще! И это не
тот случай, когда мы хотим проводить реформы,
а чиновники не пускают.

— Но реформа по живому будет резать...

— Как и любая реформа. Операция делается, боль-
но ведь бывает, иногда без наркоза, но делают-то
для того, чтобы человек выздоровел. Понятно, что
все мы хотим стабильности. Но в искусстве ста-
бильности быть не может. Это такая территория,
на которой стабильность — смерть. Здесь все вре-
мя нужно развиваться. И в творческом, и в орга-
низационном плане — одно тянет другое. И суть
вопроса не в контрактной системе как таковой,
а в том, что она дает возможность обновления теа-
тральных коллективов. Конкурентоспособность —
вот для чего это делается. И это только одна пози-
ция, а в реформе их должно быть несколько.

— В 1970–1980-х вы работали в «Современнике»,
где репертуар был построен на современной дра-
матургии. Сейчас в Александринке в основном
идет классика. Вам неинтересна современная дра-
матургия?

– Современная драматургия всегда интересна. Но Александринка – театр другого формата, другого назначения, другого уровня. Это театр национальный, поэтому здесь главный акцент на классике. Благо классики у нас много – и русской, и зарубежной. И она может и должна делаться современно и быть актуальной – иначе зачем ее брать? Но есть у нас новая сцена и другие пространства, где режиссеры работают и с современной драматургией, и с классикой.

– *Каковы функции и задачи национального театра?*

– Вопрос очень серьезный. Национальный театр – это театр, который одной из своих основных задач ставит пропаганду средствами искусства главных духовных ориентиров страны. Мы – российский национальный театр, и, соответственно, наши приоритеты связаны с исследованиями в области национального менталитета, нашей психологии, особенностей русского характера, которые подразумевают не только положительные качества, но и отрицательные, естественно. Лакировка недопустима. Национальный театр должен показывать все. Но при этом не забывать,

зачем он это делает. Наша задача – показав человека, его характер, вызвать в зрителе желание измениться, стать лучше. С рождения в нас так много заложено, что нам очень сложно меняться. И если мы хотя бы чуть-чуть продвинемся по этому пути, это можно считать великим подвигом.

Вот «Ревизор», который был впервые поставлен именно в Александринском театре. Комедия говорит о пороках и недостатках. Неслучайно же император сказал: «Всем досталось, а больше всего мне». Это не приукрашивание действительности, а наоборот – обнажение. И до сих пор эта пьеса идет – не только в России! – с огромным успехом, потому что никуда эти проблемы не делись. Да, взятки так не дают, как давали, но дают по-другому. Меняются костюмы, образы, фигуры речи, но эта червоточина никуда не денется.

На этой сцене открыты все классики! Грибоедов, Островский, Чехов – их пьесы впервые поставлены здесь. Открытие новых имен, новых драматургов – тоже одна из задач. Просветительство очень важно для национального театра, но не назидательно-лекторское, оно должно выражаться художественно.

— Года три назад в одном из интервью вы сказали: «Сегодня нет ничего важнее, чем разговор о строительстве человека. Человек должен себя улучшать. Мы забыли, перевернули, растоптали внутренние ценности, пошли ложным путем. Европа ведь тоже заблудилась». На пресс-конференции, посвященной Театральной олимпиаде, разные режиссеры высказали свои концепции, которые стекаются в желание вырастить нового человека. Вы сказали: «Театр — это инструмент общения». Роберт Уилсон представил спектакль, где органы чувств — зрение и слух — взаимозаменяемы, и это — эксперимент над зрителем. Теодорос Терзопулос заявил: «Тело, голос, страсть — мы должны заново найти определение всему этому и должны прийти к новому гуманизму». И получается, что все обнулилось, строится новый человек, который должен уметь иначе чувствовать и по-другому общаться?

— Режиссеры часто говорят на своем, художественном языке, могут преувеличивать и ставить задачи не только смысловые. Уилсон ставит очень много задач эстетического и экспериментального характера — как воздействует что-то на зрителя? Но он не говорит об этом напрямую, это подразумевается. Что имеет в виду Терзопулос? Что древний или античный человек больше доверял собственному организму, собственной психологии. Мы сейчас все передоверили гаджетам, всяким коммуникациям, и это огромная проблема для мира. С точки зрения технического развития цивилизация достигла высокого уровня. И я верю: если этому шарiku будет позволено крутиться еще какое-то время, то нас ждет реализация идей, которые сейчас кажутся фантастикой. Но ведь дело-то не в этом! Мы потеряли себя — потеряли внутреннего человека. И теряем его все время...

А внутренний человек может улучшаться не с помощью всех этих технологий — тут они не помогают. Они помогают удобно коммуницировать, но внутреннего человека мы создаем сами — каждый, индивидуально. Нам может помочь только искусство. И религия. Неслучайно Ленин — при всех его проблемах и недостатках — говорил очень четко, что религию может заменить только театр. Но он брал лишь внешнюю сторону — тот праздник, который бывает в церкви. Просто человеку сначала нравится пение хора и обстановка, а потом, через это впечатление, он начинает задумываться о других вещах и может прийти к Богу. Ленина это не интересовало, он не брал глубину, но был прав, потому что театр является тем инструментом, который действует напрямую из сердца в сердце человека, когда язык — даже незнание языка! — отходит на второй план.

Но, вообще, процесс строительства человека — вечный. Я считаю, что нет ничего важнее этого в течение всей нашей истории. И, конечно, с помощью искусства мы можем строить человека, показывая ему пути развития через литературу, театр, кино. Но идти по этим путям нужно

ему самому. Я могу насмотреться много чего, но это ничего не значит, потому что ничего не произойдет, если я не буду прикладывать усилий для собственного изменения. При этом могу разговаривать на двадцати языках, быть технически оснащенным, очень богатым, могу иметь все, но это ничего не означает. Все равно я буду нищим — духовно нищим и мертвым человеком внутри — ну, как по Гоголю, это мертвые души. Это же имеет двойной смысл. Не просто продажа мертвецов, а то, что люди вроде живы физически — ходят, дышат, едят, — но на самом деле они мертвые. Душа мертва. Вот это имел в виду Гоголь...

Поэтому то, что вы цитируете, это правильная мысль. Она не моя и достаточно известна. Но сложность реализации этой формулы заключает-

ся в том, что человек трудно меняется. Каждый человек подвержен разным проявлениям, которые могут ему в себе не нравиться, иногда он ничего не может с этим сделать или делает на какое-то время, а потом они опять возвращаются. Мы понимаем, что никакие призывы о коллективном спасении в коммунизме или капитализме ничего не дают. Человек может спастись только лично, и это очень тяжелый процесс.

– У вас во многих спектаклях присутствует форма куба как метафора человека, замкнутого в своих грехах, в своем внутреннем мире, в тупике. Эта красная нить соединяет совершенно разные сюжеты, казалось бы. «Живой труп» – там лифт и подвальная клетка, «Маскарад» – несколько прозрачных кубов, «Рождение Сталина» – тюремная камера, «Превращение» – коробка, вся декорация в «Гамлете» – задворки трибун-лестниц...

– Вы имеете в виду куб как визуальное пространство, чисто сценографическое?

– Да. Символ несвободы – человек оказывается в клетке. Но если зритель может воспринять эти кубы и клетки как метафору безвыходного положения, то какой смысл к чему-то стремиться, зачем себя улучшать, когда обречен каждый герой? И зритель может почувствовать себя именно так...

– Мне никогда в голову это не приходило. Я бы не называл это темой обреченности. Это, скорее, тема, которая меня вообще интересует помимо других на протяжении многих лет. Но я бы ее так характеризовал, если говорить словами Достоевского: тема подполья человеческого и той тайны, которую мы либо скрываем, либо даже себе в ней не признаемся. Цитируя Достоевского: «Самое главное – это договориться с самим собой». Вот если ты с самим собой договорился по какому-то поводу, то дальше уже легко... Ты сказал: ну да, я это сделал, и все нормально. И пошел дальше. Достоевского я люблю, как и Гоголя, поэтому много его делал, и эта тема есть. Но это не тупик обреченности. Тот же Протасов Толстого пытается найти какой-то выход из ситуации, но не может. В этом же вся его трагедия. Этот спектакль давно идет, но, когда я сделал новую редакцию, для меня было очень важно поставить вопрос о том, что человек мучительно ищет выход. Ведь к нему все хорошо относятся. Там же нет людей, которые бы относились к нему плохо. Все любят его по-своему.

– Он сам к себе плохо относится.

– В этом все дело! И он не может без них и с ними не может – очень пронзительная тема. И не понимает, что ему делать, искренне мучается, не может жить в этом мире – не принимает его. В этом мире – вот в этом устройстве, в котором мы все крутимся, кто-то больше, кто-то меньше. Но мы же все, так сказать, на определенных полках на-

ходимся – он этого не может принять. Ему нужна свобода, но свобода именно внутренняя. Я убрал тему, которая сопровождала эту пьесу на протяжении многих лет: пьянка, романсы, упоение в цыганщине. Это же XIX век, когда к цыганам ездили просто отдохнуть. Мне сейчас кажется, что для этой пьесы это совершенно ненужная тема.

– И он уходит в подвал.

– В какую-то клетку, становится бомжом фактически – для того, чтобы найти хоть какую-то свою свободу. Неслучайно название спектакля «Третий выбор». У него есть выбор: либо так, либо так. Показать пальцем – «Иди в эту дверь, а в ту дверь не ходи!» – театр не может. Это будет неправда. Театр может предложить две, три двери, но выбрать-то должен ты! Когда сидит тысячный зал, у нас аншлаги, 93–95 процентов – средняя посещаемость, это огромная цифра для классики и для такого большого зала! Но вся эта аудитория – она что, вся подключается и все понимает до конца? Конечно, нет. Если из тысячи, может, шесть-десять человек подключились и что-то в них запало, ты считаешь это победой. Все не могут подключиться, кто-то будет равнодушен, кому-то это вообще неинтересно, кто-то будет смотреть историю про какого-то неудачника...

– Но Федор Протасов очень современный герой.

– Да, и его драма в том, что он ничего не может сделать, поэтому его уход из жизни закономерен. Не думаю, что это обреченность, все равно у него есть попытка какого-то духовного поиска – это главное, в этом весь свет. Но театр неспособен изменить человека в зале. Он способен дать ему импульс к изменению.

– Валерий Владимирович, «Ваш Гоголь. Последний монолог» – сочетание романтизма и сюрреализма. Но Дали заметил, что погружение в смыслы сюрреализма ведет к сумасшествию. Гоголь для вас, наверное, главный автор – вы к нему чаще всего обращаетесь, более двадцати постановок. Что вы хотите в нем открыть? Конечно, он очень разный – и философичный, и гротесковый, и сатиричный, и мистический... И вы как режиссер хотите быть разным?

– Я такой задачи не ставлю. Люблю разнообразие, но не для того, чтобы быть разнообразным. Вообще, считаю, что один из основополагающих художественных принципов для настоящего художника это вопрос дебюта. Ты должен все время дебютировать. Если все время подвергаешь себя чувству, что тебе нужно обязательно сделать что-то другое, новое, то дебютируешь в каждом спектакле.

Гоголь был одним из первых авторов, которого я вообще в жизни прочитал – мне было 6 лет. И первая книга – она у меня до сих пор сохранилась – том гоголевский. Я начал читать «Вечера на хуторе близ Диканьки», мне бабушка с дедушкой

давали эти книги. Первое мое знакомство вообще с литературой было от Гоголя. Гоголь настолько многоэтажная конструкция, что ты всегда будешь его исследовать, будешь в него погружаться, и конца этому нет. Он и смешной, и трагический, и горький, он и «Смех сквозь невидимые миру слезы», он и сумасшедший, и сюрреалист – там все вместе. Но самое главное, это энциклопедия русского характера, потому что Гоголь очень русский писатель.

Но ведь трагедия его в том, что он все время пытался написать некий идеал хорошего! Второй том «Мертвых душ» подвержен этой идее. Он его жег, потому что понял, что не может, что это для него тупик. Такая трагедия, когда он понял... Он ведь неслучайно говорил, что бывают такие в жизни периоды, когда надо указывать на недостатки читателю, а бывают периоды, когда надо привести его к идеалу. Правильная формула, только она не может быть раздельной. А он хотел это разделить. А разделить не получается. И когда он с этим столкнулся, плюс еще его раздирали всякие люди вокруг – возникла душевная болезнь и желание уйти из жизни. И он сам ушел, перестал принимать пищу. Отвернулся, лег на диван – и все. Очень мужественный акт... Как христианин, он не мог повеситься, но это сознательный уход из жизни: он понял, что исчерпал себя, не может выразить идеал, когда он его видит и хочет отдать людям... Изнурял себя – через религию, через веру пытался себя улучшить. Многие пороки, которые он высмеивал, он брал и из себя тоже – прежде всего он их видел в себе. Но о них-то он мог писать, а вот описать такого идеального человека, который был бы таким Христом на земле, у него не получается.

Но Гоголя можно и нужно ставить в любое время. И «Ревизора» я ставил три раза. Это пьеса государственная для России! Мейерхольд говорил, что «Ревизора» можно ставить каждые десять лет. Меняется временной контекст, меняются акценты и смыслы, но пьеса по характеру – вечная.

– *Театр вообще основан на всевозможных превращениях. И тема превращений в ваших постановках в той или иной степени всегда присутствует, ведь и «Шинель» – превращение, и спектакль о петербургской мученице «Блаженная Ксения. История любви», и «Маскарад. Воспоминания будущего», и «Рождение Сталина»... И «Превращение» Кафки, которое вы поставили с Константином Райкиным как спектакль, а с Евгением Мироновым – в кино...*

– Театр вообще превращение, но у меня какой-то сознательной идеологии на эту тему не было. Это всегда тайна – театр и превращение. В постановке «Превращения» меня больше интересовал не главный герой, который превратился в насекомое, а то, как к нему стали относиться его близкие. Вот это очень важно: ты есть, но ты не нужен. Люди, которых он любил, создал им жизнь – если

вы помните, до превращения он, работая коммивояжером, их содержал. И эти люди сначала отвернулись от него, потом решили его убить, а потом испытали облегчение и счастье от того, что его не стало.

– *История предательства.*

– Да, это очень интересно. И неслучайно, что у фильма с Мироновым наиболее благодарная и чувствительная аудитория была на кинофестивале в Японии. У них же есть некое табу – тайна семейной жизни. Сейчас это уже не так, а традиционно внутренние конфликты – тема очень личная, и, несмотря на свои самурайские проявления, это люди достаточно сентиментальные. И они наш фильм восприняли неожиданно – сидели и плакали. Я удивлялся. Думаю: чего там плакать – фильм, сделанный в театральной эстетике, я специально так делал... Но они воспринимали это как проблему: от человека отвернулась семья. Для них это оказалось главным... Мне сказали, что для Японии это очень важная тема.

– *Ваш спектакль «Рождение Сталина» – апокриф. По сути, вы изучаете феномен зла, его истоки – и получается «змея, кусающая свой хвост», зло растет из себя самого. Значит, главным лицом мог быть любой другой персонаж, даже вымышленный злодей. Почему же выбрана столь неоднозначная историческая фигура? Вы не могли не понимать, что создаете провокацию.*

– Совершенно верно. Именно потому, что фигура Сталина раскалывает общество, он и стал темой и идеей этого спектакля. И именно поэтому нам необходимо вырабатывать, во-первых, какой-никакой, но цивилизованный взгляд: это наша история, и эту главу никуда не выкинуть. А во-вторых, проработать свое отношение к этой исторической фигуре. Каковы истоки того, что происходило, откуда взялось то, что сегодня вызывает у нас либо безоговорочное осуждение, либо восторг? Да, в определенном смысле этот спектакль – художественная провокация. Но это и могло быть только так. Люди же приходят в зал зачастую со своим, уже сложившимся мнением. Кто-то его немного меняет, кто-то удостоверяется в том, что он прав, кто-то испытывает активное неприятие. В результате спектакль вызывает самые разные отклики. Что, я уверен, совершенно естественно для живого, полемического спектакля.

– *Но как можно заниматься строительством человека, если внутри современного театра, и шире – искусства, так много конфликтов? Классика и авангард, традиция и эксперимент, славянофилы и западники... В одном из интервью вы сказали: «Культуру не воспринимают как вопрос национальной безопасности, а это именно так, потому что культура – это основа построения государства», и в обществе «происходит деление искусства на «наше» и «не наше»...*

– Никакого единения на территории искусства и культуры не будет. Это творческое поле, здесь также по Достоевскому: поле битвы добра и зла – сердца людей. Всегда будет противоречие, и оно должно быть, не надо его бояться – это нормально. На творческом поле это правильная конфликтность, потому что без нее не рождается ничего нового. Авангард должен быть, и он рождается, но чаще всего бывает ложным – абсолютно пустые опыты, которые ничего не дают. Но и традиция бывает ложной. Самое трудное не в том, чтобы ее сохранять, а в том, чтобы сделать ее живой. И национальный театр, кстати, должен этот вопрос решать, он прежде всего работает с традицией. Но – с живой традицией!

– С одной стороны, традиция стагнирует, а люди, цепляясь за нее, тормозят общее движение, но с другой – эксперимент губит традицию, а традиция – это история, это культура. В рамках Культурного форума вы получили Европейскую театральную премию – «За мастерство совмещать традицию и эксперимент». Вот у вас есть рецепт, но в этом конфликте уже столько копий поломано! Почему?

– Конечно, эта конфликтность нужна, из нее происходит самая идеальная формула для развития театра и искусства – соединение традиционализма и новаторства. Когда я делал «Маскарад» и раскрыл партитуру Мейерхольда, я заметил, что там есть очень современные вещи, между прочим, поставленные сто лет назад! Мы интонационную партитуру воспроизвели, это наш одиночный опыт, театральная экспедиция в прошлое, но сегодня так не декламируют. Тем не менее там есть интересные вещи, которые полезны и сегодня, безусловно. Очень сложный вопрос – отделение в традициях живого от мертвого. Огромное количество демагогии и защиты традиций исходит из того, что люди давно потеряли интерес публики, но никогда не признаются в этом. Они прячутся за слово «традиция» от страха, это психология. И проводить изменения надо очень тонко, в театрах – особенно. Соединение старого и нового – это очень сложный процесс! Когда они соединяются, то выскается живое действие и современный разговор. Но если обрезаешь одно или другое, то ничего не получается. ■

ХРАНИТЕЛИ РУССКОГО ФРОНТИРА

БЕСЕДОВАЛА
ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТЕРРИТОРИЯ, ТЯЖЕЛАЯ ДЛЯ ЖИЗНИ, НО МАНЯЩАЯ РОМАНТИКОЙ ПРОСТОРОВ. БОГАТАЯ ВСЕЙ ТАБЛИЦЕЙ МЕНДЕЛЕЕВА, НО ДОРОГАЯ В ОСВОЕНИИ. ТЕРРИТОРИЯ, ГДЕ НЕ ХВАТАЕТ ЖИЛЬЯ И ГДЕ ЗАБРОШЕНЫ ЦЕЛЫЕ ПОСЕЛКИ. ДАЖЕ КАК НАЗЫВАТЬ ЕЕ НЕ ОЧЕНЬ ПОНЯТНО: АРКТИКОЙ ЛИ, СЕВЕРОМ ИЛИ, ПО СТАРИНКЕ, ЗАПОЛЯРЬЕМ. О БОЛИ И ГОРДОСТИ СЕВЕРНОГО ФРОНТИРА РОССИИ РАССКАЗЫВАЕТ ЭКСПЕРТ ПО РУССКОМУ ЗАПОЛЯРЬЮ, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. ЛОМОНОСОВА, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА АНО «ИНСТИТУТ РЕГИОНАЛЬНОГО КОНСАЛТИНГА» НАДЕЖДА ЗАМЯТИНА.

— **3** *ЕМЛЯ К СЕВЕРУ ОТ ПОЛЯРНОГО круга – каковы особенности этой территории? Что это за географический, экономический, соци-*

альный, культурный феномен?

– У этой территории много названий, и за каждым стоят свои смыслы. В советское время часто говорили «Заполярье», и это слово обозначало территории за полярным кругом. Но это и Арктика, и Крайний Север, и просто Север. Самое распространенное название – «Крайний Север». Оно означает сравнение с чем-то «не-северным», для чего существует понятие «материк» или «Большая земля», как называют в этих регионах несевверную часть России. Понятие Севера подразумевает некую централизацию, иерархию пространства. Есть основная зона расселения, которая задает норму, и есть как бы отклонение от нее. Известный советский исследователь Севера Самуил Славин определял Крайний Север в первую очередь именно как территорию, которая находится к северу от наиболее освоенной зоны страны, от основной зоны расселения. И из этого особого географического расположения выводил многие ее свойства. Он же ввел деление на «Ближний» и «Дальний» Север. Кроме того, существует понятие институциональной удаленности: территория удалена от мест принятия решений. Проблема удаленности, пожалуй, ключевая для понимания северных территорий. Понятие «Арктика», которым часто пользуются сегодня, более нейтральное. Однако в нашей стране это определение традиционно употреблялось в отношении океанической части Севера. Арктика была закрытой территорией, где решались вопросы безопасности северных границ России.

Сейчас, когда внимание к этой части света в мире повысилось, в России распространилось международное понимание термина «Арктика»: так стали называть не только приполярную акваторию, но и прилегающую к Северному Ледовитому океану часть суши.

– *Как устроен мир русской Арктики? Кто его обитатели?*

– Современная Арктика по большей части городская. Если мы возьмем Арктическую зону России в официально утвержденных границах, 89 процентов ее жителей горожане. И это сообщество чрезвычайно разнообразно. Арктику можно разделить на две большие группы. Это «старая» Арктика и «молодая» Арктика. Первая – Мурманская область, Воркута, Норильск, Магадан, который хотя официально и не относится к Арктике, но обладает многими ее чертами.

«Старая» Арктика начала масштабно осваиваться в 1930-е годы. Она создавалась как образцово-показательная территория, и этот пафос на десятилетия определил мироощущение живущих там людей. С 1930-х вплоть до конца 1960-х Крайний Север был витриной СССР. Освоение Арктики подавалось как торжество советской власти. В развитие северных территорий вкладывались огромные ресурсы, там создавалась социокультурная среда зачастую более качественная, чем в других, более южных сибирских регионах. Тогда территория осваивалась комплексно. Во многом это объяснялось тем, что она была труднодоступна для ресурсов с материка и приходилось создавать все на месте – начиная с огородов и заканчивая научными учреждениями.

Города «старой» Арктики помнят лучшие времена, и это очень важно. Люди там испытывают острую горечь утраты. В «старой» Арктике – может быть, за исключением Норильска, где достаточно благополучная экономическая ситуация, – сильны настроения, что Север предали. «Старая» Арктика напоминает о заслугах, которыми гордилась страна. Но сегодня именно она в силу экономических особенностей ее специализации – как правило, это руды металлов, уголь – оказалась в наибольшем кризисе.

– *Судьба «нового» Крайнего Севера более успешна?*
– «Молодая» Арктика – это нефтегазовые регионы. Это Ненецкий и Ямало-Ненецкий округа: Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск. «Новый» Север массово застраивали начиная с 1970-х годов, после того как в 1960-е в этих краях открыли месторождения нефти и газа. Так стала закладываться монопрофильная Арктика. Благодаря экспорту нефти здесь появились такие финансовые ресурсы, что можно было проложить железную дорогу от Тюмени до Уренгоя, развернуть вертолетное сообщение. «Новый» Север – край в настоящее время экономически благополучных, но и более монопрофильных городов.

– *Как выглядят эти города сегодня?*

– Сейчас эта территория – в первую очередь Ямало-Ненецкий округ – проходит пик своего освоения. Как выразился один мой знакомый, при первом визите сюда «у неподготовленного человека сносит крышу», таков контраст последних тенденций благоустройства, с одной стороны, и голого песка – с другой. Я спрашивала людей, зачем они едут в «новое» Заполярье, и ожидала ответов про фронтир и романтику покорения Арктики. А мне отвечали: «За стабильностью». Однако добыча нефти на месторождениях, которые обслуживают города «новой» Арктики, в некоторых местах уже падает. Конечно, если сравнивать эти города с сопоставимыми по численности населения райцентрами Центральной России, у Арктики 2.0 все замечательно. Но здесь чаще сравнивают себя с Дубаем, чем с костромской глубинкой, и находится немало поводов для пессимизма.

– *Но есть еще Арктика 3.0. Тоже нефтегазовая, но уже постсоветская.*

– Пожалуй, сегодня она наиболее высокодоходна. Арктика 3.0 начала складываться в 1990-е. Это вахтовый Крайний Север. Его отличие от «молодого» Заполярья хорошо видно по Ненецкому округу, особенно в сравнении с Ямало-Ненецким округом. В Ненецком освоение нефти и газа началось в 1990-е. Произойди это на десятилетие раньше, он бы наверняка повторил судьбу своего соседа. Как и в Ямало-Ненецком, там бы встали новые города, например Варандейск и Харьягинск. А в Арктике 3.0 новые города не встали, потому что в 1990-е годы пошла американская мо-

дель освоения Севера. Тогда и в организации добычи, и в технологиях стали перенимать много методов, которые уже отработали на Аляске. Вместо городов там встали крупные поселки, иногда сопоставимые с городами. Вахтовое поселение Сабетта на Ямале насчитывает более 20 тысяч жителей. Но это – невидимая Арктика. Ее не учитывает статистика, ее нет на картах. Очень показателен в этом плане Ненецкий автономный округ. Только по съемкам со спутников видно, что весь восток округа охвачен хозяйственной деятельностью. Там действуют электростанции, проложены дороги, работают тысячи людей. По официальным картам территориального планирования, эта территория – пустынная тундра.

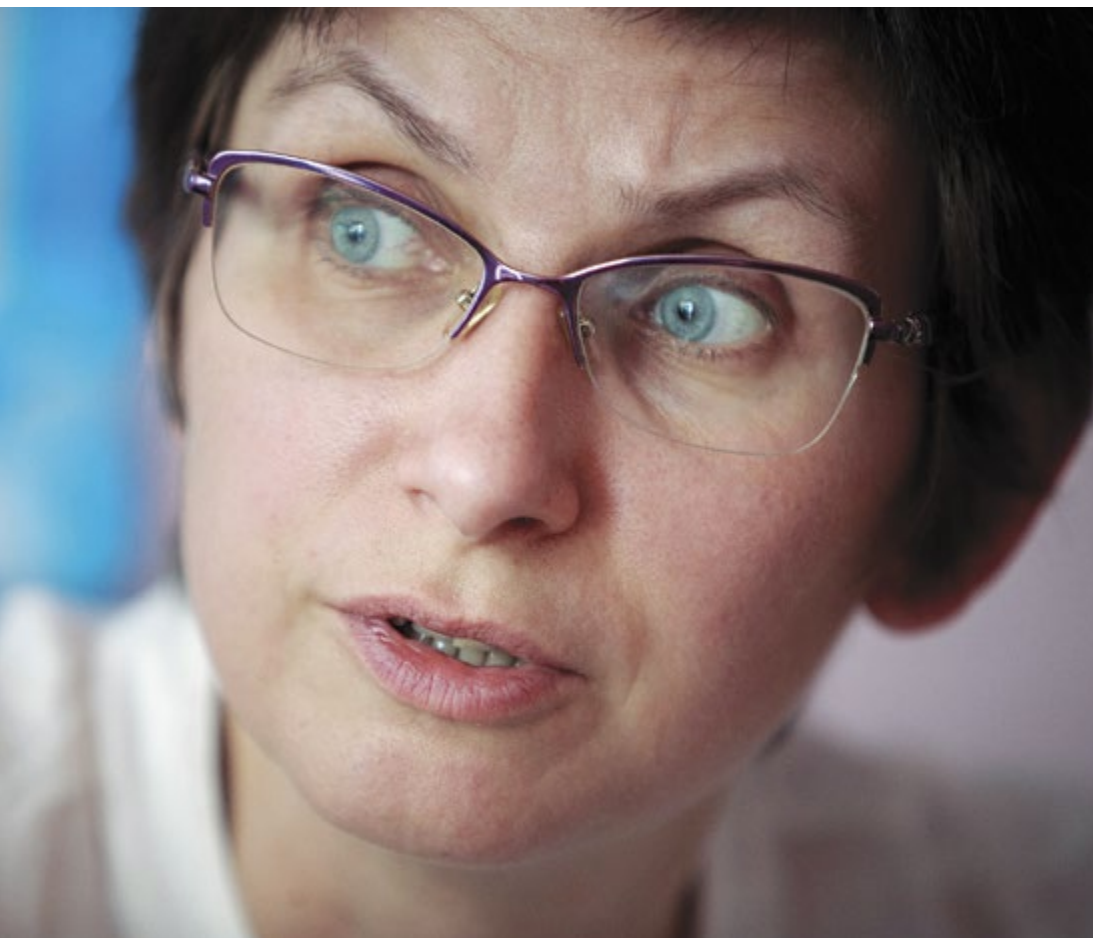
– *Чем три Арктики различаются экономически – понятно. Каково своеобразие их человеческого капитала?*

– Люди, которые осваивали Север в 1930-х, приходили туда всерьез и надолго. В «старой» Арктике были вузы и научные институты. Сейчас Воркута потеряла филиал питерского Горного университета, который там раньше работал. В Норильске пока еще работает индустриальный институт, есть, хотя и сильно ослабшие, научно-исследовательские институты. В Магадане действует Северо-Восточный комплексный НИИ с мощной научной базой. В Апатитах Мурманской области находится единственный в Арктике Кольский филиал Академии наук. И это все – «старый» Север. Арктическая наука – отдельная интересная тема. За рубежом наука – а не только нефть и газ – одно из приоритетных направлений развития Крайнего Севера. В США и Канаде более четверти арктических городов – университетские. На эту тему есть много споров – стоит ли ездить на Север из крупных научных центров или изучать северную проблематику, постоянно живя на месте. Очевидно, что для полноценных исследований необходимо сочетание и местных, и столичных научных центров. Все это было в «старой» Арктике, определяло высокое качество ее человеческого капитала. И практически полностью потеряно сейчас.

– *Судьба какого северного города, на ваш взгляд, свидетельствует о происходящих негативных изменениях наиболее ярко?*

– Чтобы показать всю глубину трагедии, постигшей «старый» Север, расскажу о судьбе Игарки. Это, наверное, самое тяжелое, что я видела на Севере. После остановки градообразующего предприятия последние два десятилетия город обвально теряет население. В конце 1980-х там было примерно 18 тысяч жителей, сейчас – менее 5 тысяч. Примерно треть населения страдает от алкоголизма. Продавщиц и доярок на местную ферму некоторые предприниматели возят вахтой из Красноярска, потому что в Игарке не могут найти работниц. А ведь город, основанный в конце 1920-х, был образцом советского покорения

ет научная станция исследования вечной мерзлоты. Были знаменитые игарские огороды. В Великую Отечественную войну, когда снабжение с Большой земли прекратилось, Игарка сама себя кормила картофелем.

– Игарка пережила не только экономическую, но и урбанистическую катастрофу?

– Игарка стала заложником централизованных систем теплоснабжения и, шире, централизованных городов. Наши северные города – результат планировки «навсегда», они не приспособлены к изменениям. Потеряв население в 1990-е годы, они оказались заложниками «крупных форм» советского градостроения. Когда в пятиэтажке люди живут только в половине квартир, вы вынуждены отапливать и пустые жилища их соседей. При северных морозах это выливается в огромные суммы. Поэтому на Севере уничтожены некоторые поселки. В Игарке, которая на километры протянулась вдоль Енисея, жителей переселили в два микрорайона кирпичных домов, а остальную, историческую Игарку частично сожгли. В виде таких развалин ее исторический центр существует и сегодня. А ведь Игарку проектировал гордость отечественного конструктивизма, архитектор Иван Леонидов. Предположительно некоторые здания в центре Игарки также спроектированы им. Это совершенно уникальный деревянный конструктивизм. Часть этих строений погибла еще в советское время. Последние были сожжены в начале 2000-х годов.

Арктики. Туда приезжали изучать советский быт иностранные журналисты. В порт Игарки заходили иностранные суда, в 1930-е годы издавалась газета на нескольких языках.

Игарка возникла как лесоэкспортный город. Она находится на сотни километров вверх от устья Енисея, но Енисей – глубокий, и океанские суда свободно доходили до города. В Игарке была переправка – место, где сплавляемый с юга лес перегружали на морской транспорт. После войны появились суда типа «река-море», а лес перестали возить плотами и начали связывать в так называемые «пакеты». Уже тогда экономическое существование Игарки стало вызывать сомнения. Однако в советское время города не закрывали, и Игарка продолжала работать. Но в конце 1990-х – начале 2000-х медленно и тяжело гибнет градообразующее предприятие. Город делится на тех, кто получает зарплату талонами на умирающем лесоперевалочном комбинате, и тех, кто живет добычей рыбы.

Гибель ряда градообразующих предприятий «старого» Севера в начале 2000-х, в том числе и Игарки, была связана с громкими коррупционными скандалами. Параллельно хирели и умирали другие предприятия Игарки, перевели из города в более благополучную Дудинку Училище народов Севера. Но в городе до сих пор работает уникальный Музей вечной мерзлоты, действу-

ет научная станция исследования вечной мерзлоты. Были знаменитые игарские огороды. В Великую Отечественную войну, когда снабжение с Большой земли прекратилось, Игарка сама себя кормила картофелем.

– Кто-то пытался спасти этот уникальный город?

– В какой-то момент в городе остались только те, кто не смог или не захотел уехать. Среди последних были люди, по-настоящему влюбленные в Игарку. Одной из таких легендарных личностей был местный музейщик, журналист по образованию Александр Тощев, который пытался реализовать проект «Музей возрождает город». Если мы обратимся к западному опыту, то увидим, что, например, столица золотой лихорадки, город Доусон, сегодня стал центром туризма. Тощев хотел сделать нечто подобное и в Игарке. Александр Игоревич был сотрудником игарского музея, который возглавляла его жена. Несколько лет они прилагали огромные усилия к тому, чтобы превратить Игарку в научный, культурный и музейный центр советской Арктики. Потом директор

музея был сменен, Александр Игоревич умер, и борьба закончилась. На мой взгляд, у этого проекта были все необходимые ресурсы, чтобы стать успешным. Но руководство края оказалось не готово всерьез воспринимать Игарку как музейный город.

– В чем помимо деревянного конструктивизма и Музея вечной мерзлоты был туристический потенциал Игарки?

– Чуть южнее города проходила так называемая «мертвая дорога», знаменитая сталинская «503-я стройка». В Игарке в детдоме был писатель Виктор Астафьев. Наконец, здесь очень красивые места, сюда знатоки приезжают на рыбалку. Многие специалисты по музейному делу давали проекту «музейного» возрождения города положительные отзывы. Но в итоге ничего не помогло. К сожалению, в тот момент – сейчас ситуация немного поменялась – Красноярский край практически отвернулся от своего Севера. Политика 1990-х заключалась в том, чтобы сжать обитаемое пространство. Но гибель Игарки обернулась большими культурными потерями и большой человеческой болью. Хотя мне кажется, что даже сейчас этот проект, пусть в сильно измененном виде, можно было бы возродить.

– Игарка еще и пример трудностей, вызванных так называемой институциональной удаленностью.

– Общая проблема Крайнего Севера в том, что он не вписывается в нормы и законы, разработанные в Москве. В нашем Институте регионального консалтинга мы изо всех сил боремся, чтобы постановления, которые принимает центр и которые из-за институциональной удаленности превращаются в абсурд на Крайнем Севере, не мешали этой территории жить. Вот, к примеру, в Ненецком округе в прошлом году не могли допустить школу к открытию 1 сентября, потому что она не выполняет нормативы по озеленению. А это – поселок Шойна, почти что на Канином Носу – это такой узкий полуостров, вдающийся в Северный Ледовитый океан. Шойну заносит песком. Туристы ездят туда смотреть, как она колоритно превращается в заполярную пустыню. Понятно, что школе этого поселка трудно было выполнить нормативы по озеленению. Или вот правила ПДД запрещают не заводские изменения в автомобиле. А северяне нередко переделывают

свои автомобили. Езда по заполярным дорогам летом предполагает переправы через реки, которые приходится преодолевать едва ли не вплавь. И чтобы это можно было сделать, чтобы мотор не глох, приходится менять дизайн автомобиля. Все эти изменения, без которых на Севере машине не проехать, рукотворные. Но вместо того, чтобы узаконить эту местную специфику, ее запрещают как «незаводские изменения». Наши северные изобретения можно было бы распиарить как ноу-хау. Финны выпустили специальный буклет «Изобретено в Финляндии». Давно говорю: нам надо сделать каталог «Изобретено в Арктике» или, я не знаю, «Сто лайфхаков Российской Арктики».

– Сколько интересных технологических идей, должно быть, там уже родилось...

– Но никто не признает их ценность. Об этом довольно много писал российский специалист по Северу Александр Николаевич Пилясов. Американский северовед, наш соотечественник Андрей Петров написал работу по северной креативности «Таланты в холоде». Британский антрополог Кэролайн Хамфри пишет о том, что удаленные места полны инноваторов, потому что туда не довозят множество полезных вещей. И обитатели удаленных территорий вынуждены изобретать то, что в других местах люди покупают в супермаркетах.

У меня два года назад был разговор с одним высокопоставленным чиновником о новых отраслях специализации на Севере. Рассуждаю: по классическому определению кластера, наилучшей конкурентоспособностью обладает отрасль, встречающая придиричивый местный спрос. Если внедорожник способен ездить в условиях русской Арктики, он проедет по любой дороге мира. «У вас на Севере, – объясняю своему собеседнику, – как в Кремниевой долине, в каждом гараже идет усиленный технологический поиск: мужики собирают себе универсальные снегоболотоходы на рыбалку». А он мне: «Вы что, предлагаете живопырками заниматься?»

Я взяла эту фразу на вооружение и сделала несколько презентаций про «живопырки». Во все презентации я ставлю фотографию классической «живопырки»: автомобильный кузов на гусеницах. Северная аудитория с радостью узнает в них изделия местных умельцев. На самом деле на фото – первая продукция знаменитой канадской компании «Бомбардье», снегоход. Фирма, которая выросла в крупнейшего инвестора в научные разработки Канады. А начинала она со снегоходов. У нас же совершенно нет доверия к тому, что из «народного» эксперимента может со временем вырасти что-то стоящее. Мы ищем конкурентоспособную продукцию, а она вот, лежит под ногами. Северные инновации можно сделать национальным достоянием. Нужна специальная структура, какой-нибудь «Госарктикказ», которая бы отслеживала и внедряла все эти изобретения.

– *А есть области, где Север мог бы сам стать потребителем высоких технологий?*

– Конечно, и в первую очередь это современная нефтегазодобыча! А есть и более узкие, даже экзотические ниши. Например, канадцы создали видеоигры для коренных народов своего Севера. Специально разрабатываются игры, требующие небольшого объема памяти, чтобы их можно было использовать с самого простого телефона, при слабом Интернете. Исландия сделала приложение для заполярных народов, которое позволяет им отправлять сообщения на своем родном языке. Это актуально и для нас: сегодня на Севере активно пользуются, например, ватсапом, а писать в него могут только на русском. Кто бы разработал мобильное приложение на ненецком или долганском?..

– *Еще одной сферой приложения высоких технологий на Севере, возможно, могла бы стать экология?*

– Очень серьезная экологическая опасность для Севера – разливы нефти. Есть, конечно, образцовые месторождения, где применяется так называемое безамбарное бурение. Там все чисто, кругом белый северный песок, ходят нефтяники в чистых комбинезонах. Но в остальном нефтяные

месторождения – закрытый мир, попасть туда невозможно. Поэтому не всегда понятно, что там происходит, например где складироваться отходы бурения. Вывозятся ли они на полигон или сливаются в ближайшее болото? Огромную проблему составляют разливы нефти из трубопроводов, и здесь настоящий вызов – разработка технологий удаления нефтепродуктов с разных поверхностей, с почвы, мха, болота и так далее.

– *Давайте от экономики вернемся к судьбе человека на Севере. Мифология Крайнего Севера со времен Джека Лондона рассматривала его как территорию героев.*

– Да, Джек Лондон действительно в свое время воодушевлял покорителей советского Севера. По моим наблюдениям, настоящие герои фронта встречались где-то до 1970-х. Лучше понять, что происходит с культурным наследием освоения Севера, помогает роман Олега Куваева «Территория», переживший две экранизации. Куваев написал роман, который действительно звал на Север. Был такой еще один легендарный северный персонаж, основатель Путоранского заповедника Владимир Владимирович Ларин, к сожалению, недавно ушедший. Он москвич. Я долго добивалась ответа: «Как получилось, что вы уехали на Север?» Наконец он отрезал: «Вы Куваева читали? Тогда что спрашиваете?»

Беда в том, что люди Севера во многом сами перестали себя считать покорителями фронтиров. Российскую провинцию вообще губит это неверие в собственные силы. Люди из регионов не верят в свою ценность, и это глубоко въелось в сознание. Да и для чиновников из центра инновационные программы, разработанные на Севере, не имеют символической ценности потому, что разработаны в тмутакани.

– *Не хочется завершать разговор так безнадежно. Возможно, в вашем северном опыте есть примеры того, чего добиваются люди, когда верят в свое «право быть»?*

– Расскажу вам про поселок Варандей в Ненецком округе. Поселок стоит на побережье океана, берег размывается, и в 1990-е поселок был расселен. Но сейчас человек двадцать из Нарьян-Мара, где были даны квартиры, вернулись в Варандей и продолжают жить в поселке, которого уже нет на карте. Люди выбрали для себя право остаться там, где провели большую часть своей жизни. Многие думают, что, если людям предоставить благоустроенную квартиру, этого достаточно. Но в личной системе координат человека символическая ценность места едва ли не важнее. Север, Арктика, Заполярье, как ни называй – особый край, само проживание в котором нередко воспринимается как поступок. И немало людей, которые ценят эту особую среду Севера, очень необычную, без которой Россия была бы скучнее и однообразнее. ■

МОЙКА БЕЗ АВТО

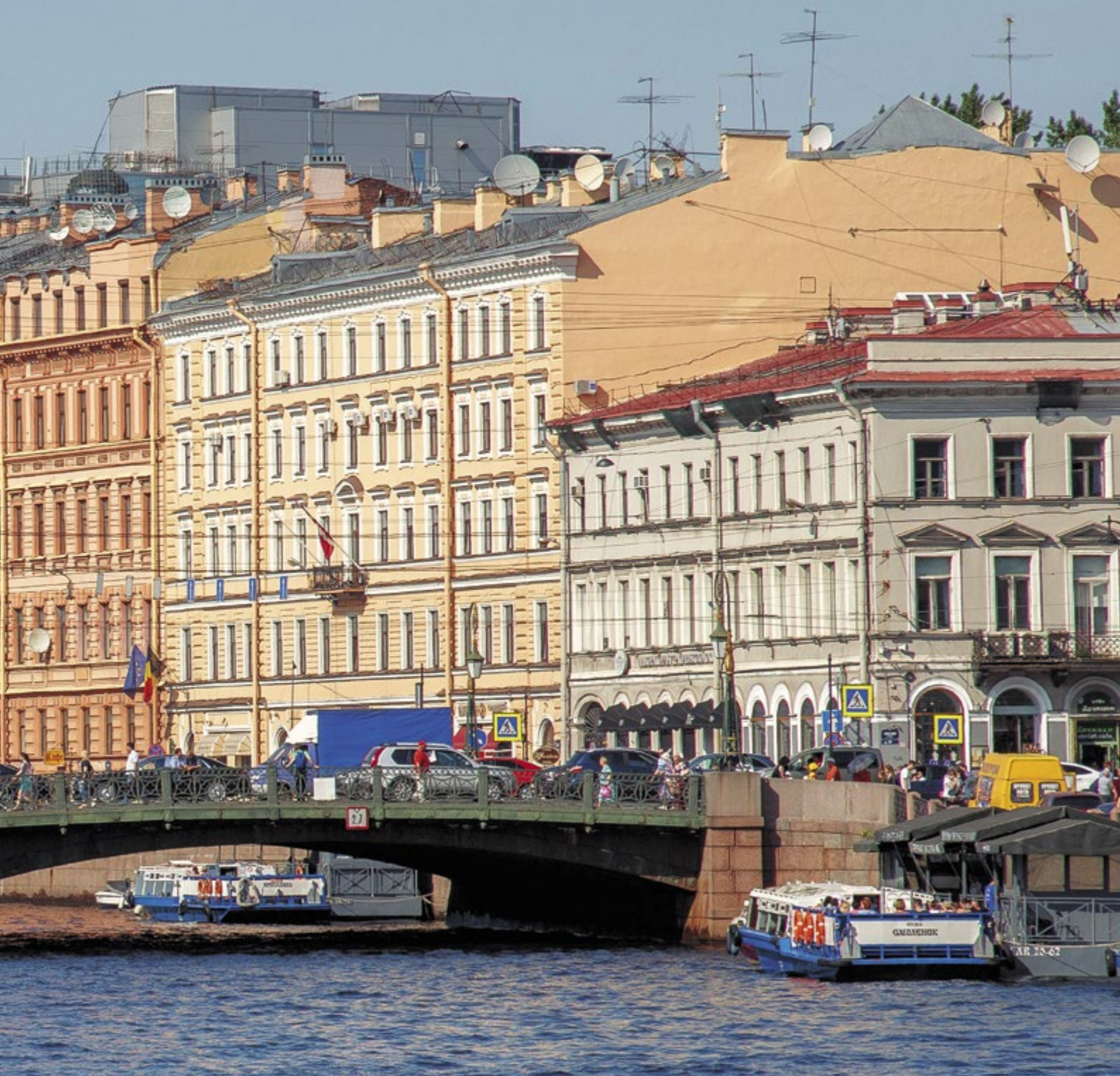
АВТОР

**МИХАИЛ
БЫКОВ**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

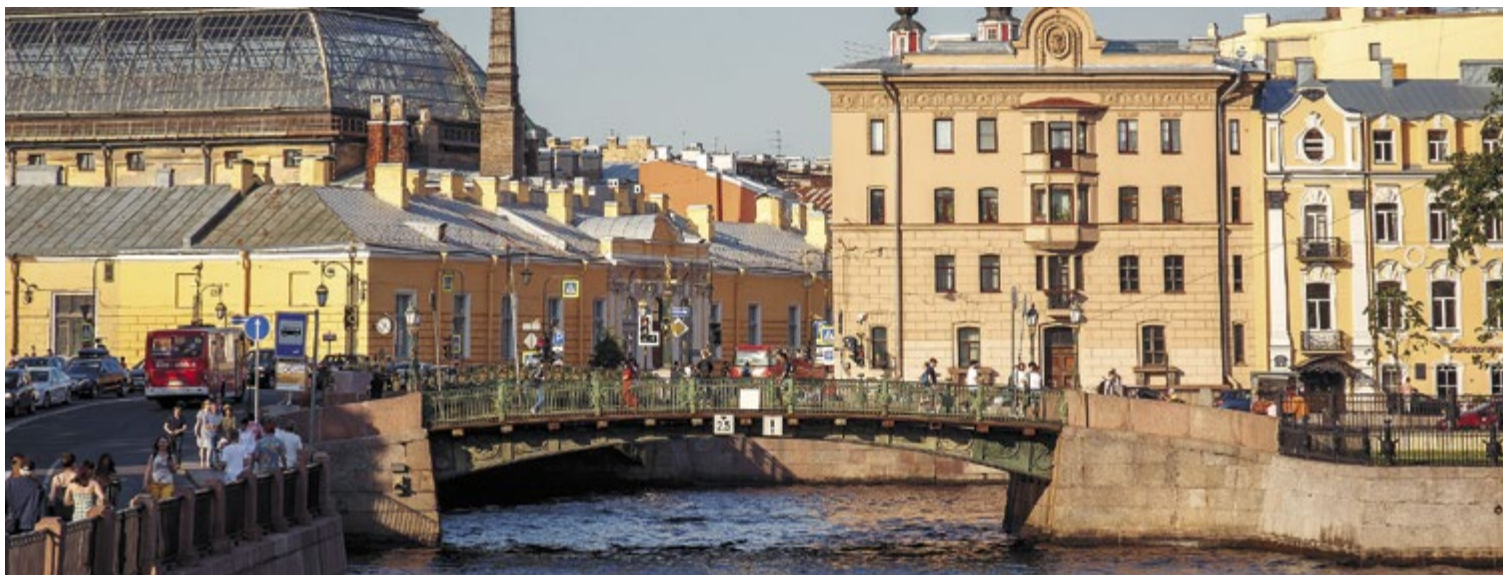
ЭТА СКРОМНАЯ ПО РАЗМЕРАМ,
НО НЕПОВТОРИМО ОБАЯТЕЛЬНАЯ
РЕКА ПЕРВОНАЧАЛЬНО
НАЗЫВАЛАСЬ «МУЯ». В ПЕРЕВОДЕ
С ЯЗЫКА АБОРИГЕНОВ-
ИЖОРЦЕВ – «ГРЯЗНАЯ».
НАЗВАНИЕ ПОЛНОСТЬЮ
СООТВЕТСТВОВАЛО
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

МУЯ ПРОИСХОДИЛА родом из болота, что растеклось там, где сейчас находятся Марсово поле и Михайловский сад – места, входящие в топ популярных туристических маршрутов Санкт-Петербурга. Когда город находился в младенческом возрасте, по распоряжению царя Петра прорыли канал, соединивший Мую с Безымянным ериком (он же Глухая речка, он же Кривуша), впадающим непо-

средственно в Неву. Болото осушили, Муя стала питаться водой Ерика, более известного нынче под именем Фонтанка. К слову, благодаря возникшему водному альянсу в Северной столице в 1711 году образовался еще один остров – Летний сад. В период больших реформ и революций творится множество мелких глупостей и совершается уйма нелепых поступков. Никто уже никогда не объяснит, зачем в 1719 году понадо-

билось переименовывать Мую в Мью. Также «Грязь», только по-фински. И это в русском городе! В столице! Но что случилось, то случилось, и 4 версты узкого и мутного водного зеркала оставались Грязью вплоть до 1797 года. Возможно, впечатлительному императору Павлу Петровичу не импонировало столь вызывающее название речки, текущей по самому центру Питера. И Мья обрела наконец сегодняшнее имя – Мойка.

ВОДА

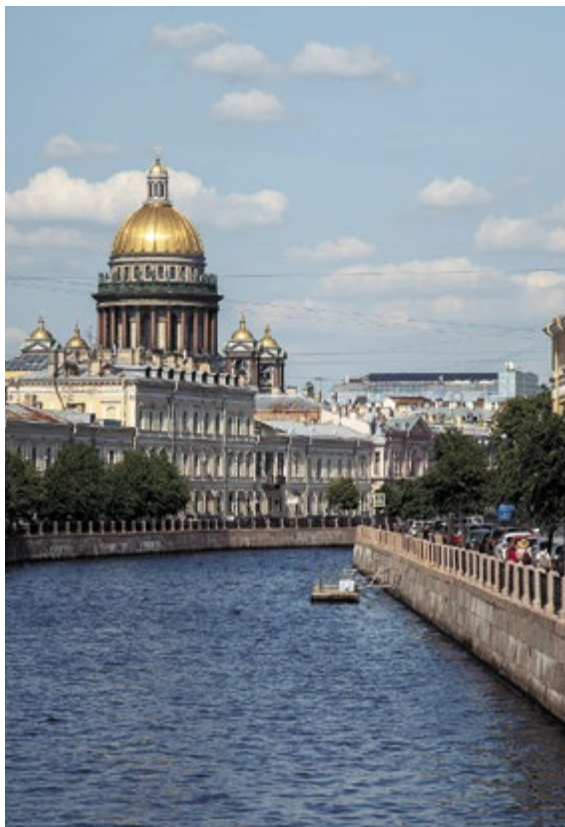
Если не кривить душой, то прекрасна не сама река, а ее берега, мосты и памятники прошлого, стоящие на набережных. Вода в Мойке и сегодня не отличается красотой цвета, чистотой, не вызывает желания окунуться в нее или попробовать ее на вкус. Более или менее пригодной для использования в быту она была в XVIII веке. Есть версия, что Мойка случайно получила такое название. По берегам построили несколько общественных бань. Впрочем, есть и вариант толкования от противного. Его придерживается добрая половина современных специалистов по истории города. При этом ссылаются на цитаты из книги книговеда и историка Андрея Богданова, который писал в труде «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 г.»: «Просто сказать, имя ее произошло от народной сей пословицы: «Умойся беленько» (то есть «вымарайся»)...» и «Сея речка названа Мойкой от прежней ее нечистоты...» Но вот что странно. Богданов умер в 1766 году, а Мойка официально стала Мойкой спустя три десятка лет! Можно допустить, что жители города, мывшиеся в тамошних банях и даже окунавшиеся в вычищенную реку с обшитыми деревянным тесом берегами, меж собой речку так и

называли. Финское Мья резало русское ухо.

В XIX веке вода Мойки еще более испортилась. Не помогло и решение заменить свайно-тесовые гниющие набережные крепким и надежным гранитом, что и осуществили к 1811 году. В 1874 году даже было издано распоряжение, запрещающее водовозам брать воду из этой реки для употребления внутрь. С тех пор в этом вопросе мало что изменилось.

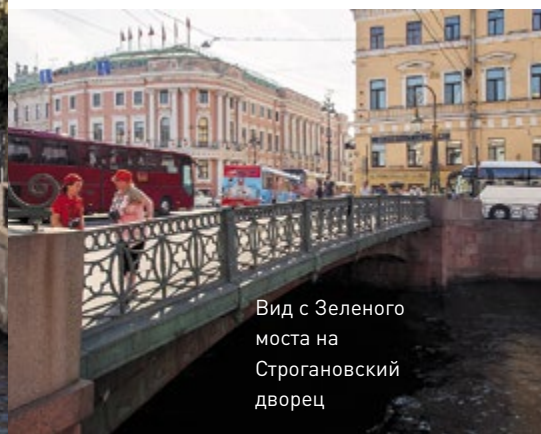
1-й Инженерный мост, под которым сливаются воды Мойки и Фонтанки

Вид на Исаакиевский собор с Поцелуева моста

МОСТЫ

Через Мойку переброшено 15 мостов. Один интереснее другого. Среди довольно банальных названий вроде «1-й Инженерный» есть и истинно прелестные: Певческий, Поцелуев, Фонарный... Есть даже «цветная серия»: Красный, Синий и Зеленый. Когда-то был и Желтый. Его переименовали в Певческий после того, как на левом берегу реки в 200 метрах от Дворцовой площади в 1810 году построили здание для Императорской капеллы, ныне – Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга. Вернее, комплекс зданий, занимающий целый квартал. Певческий мост печально знаменит тем, что здесь в 1879 году было совершено покушение на императора Александра II. Однако учитель Александр Соловьев стрелять толком не умел. На крик царя откуда-то выскочил то ли унтер-

Вид с Зеленого моста на Строгановский дворец

офицер Роты дворцовых гренадер, то ли жандармский офицер и повалил потенциального царевубийцу.

Зеленый мост – в створе Невского проспекта, Красный – часть Гороховой улицы, на которой проживал Григорий Распутин, Синий, самый широкий в Питере (97,3 метра), – на Исаакиевской площади. Все три – чугунные, созданные по уникальному для начала XIX века типовому проекту русского архитектора шотландского происхождения Вильяма Гесте. Окра́с их сохранился до сих пор. А история весьма простенькая. Едва Мью/Мойку привели в порядок, как появилась необходимость в мостах. Их строили

из дерева, безымянными или в иных случаях по имени строителя-подрядчика. Так как деревянные мосты накрывали реку подряд, их для разнообразия и выкрасили в яркие узнаваемые цвета. Любопытно, что изначально Красный мост красили белой краской и называли соответственно. Чугун сменил дерево, а традиция сохранилась.

В районе истока Мойки и в верхнем ее течении мостов скопился целый выводок: 1-й Инженерный, 1-й и 2-й Садовые, Мало-Конюшенный и Большой Конюшенный. 1-й Инженерный переброшен прямо в месте истока реки из более внушительной Фонтанки. Рядом с мостом со стороны Фонтанки крохотный, но

Красный мост в створе Гороховой улицы

крайне популярный памятник Чижикупыжику. Напротив находилось Императорское училище правоведения. «Правоведы» носили зеленые мундиры с желтыми обшлагами и петлицами и пыжиковые шапки, за что получили соответствующее прозвище. Попытка назвать знаменитые куплеты детской песенкой нелепы хотя бы из-за одной строчки: «На Фонтанке водку пил».

Поцелуев мост также оброс легендами, связанными по большей части с романтическими отношениями. Куда доказательнее выглядит объяснение, связанное с тем, что на берегу Мойки находился модный кабак «Поцелуй», принадлежавший купцу... Поцелуеву.

Поцелуев мост

Синий мост

ДВОРЦЫ

С середины XVIII века набережные Мойки привлекают внимание столичной знати, позже – членов императорской фамилии. Первое объяснение прозаическое: элитное место рядом с Дворцовой площадью, Зимним дворцом, военными и административными центрами управления государством – Адмиралтейством, Главным штабом, Сенатом, Синодом. Вторая причина связана с трагедией 1736–1737 годов, когда сильный пожар опустошил берега реки. Государыня Анна Иоанновна повелела более в этих местах деревянных домов не строить, а возводить каменные, «в одну линию». Финансировать такие проекты могли только состоятельные подданные.

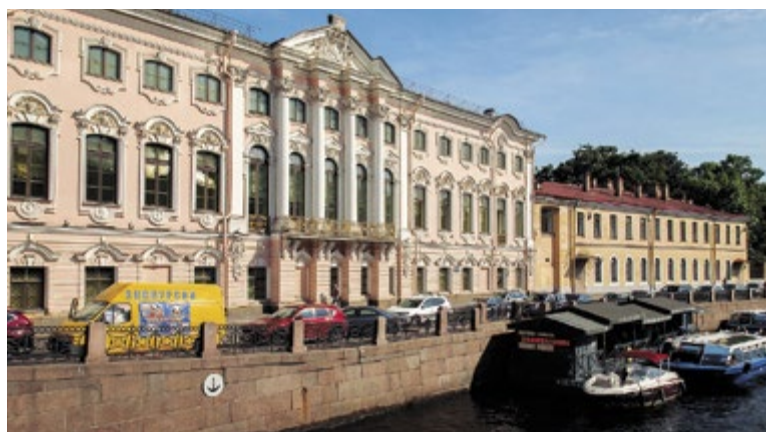
Например, семейство Строгановых, впоследствии получившее графское достоинство. В середине XVIII века обер-архитектор императрицы Елизаветы Петровны Франческо Растрелли на месте прежнего дома Строгановых на углу Невского проспекта и Мойки построил роскошный розово-белый особняк в стиле барокко, который вопреки традиции стали называть дворцом. Традиция заключалась в том, что дворца-

Мариинский дворец на Исаакиевской площади

ми в Петербурге могли владеть только представители правящей династии. Остальным предлагалось именовать свои особняки домами дворцового типа. Но у кого повернется язык сказать о строгановском чуде – дом? Сейчас это филиал Русского музея. Мариинский дворец вырос вдоль Синего моста как подарок великой княжне Марии Николаевне, дочери Николая I. К свадьбе. Правда, церемония бракосочетания с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским состоялась в 1839 году, когда дворец едва начали строить, и жить молодым пришлось в Зимнем дворце, но спустя пять лет они обрели собственное гнездышко. Сейчас в нем легко уместяют-

ся все депутаты Законодательного собрания Петербурга вместе с многочисленным аппаратом. Часто бывая в Питере по делам, многие годы останавливаюсь в гостинице на Мойке. До Мариинского дворца метров 250. Само собой, приходится проходить по случаю мимо. Забавно слышать, как некоторые экскурсоводы с упоением рассказывают о том, что именно здесь учился в Николаевской кавалерийской школе юнкер Михаил Лермонтов. Не верьте, друзья. Александр I учредил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1823 году. Спустя три года она переехала из казарм лейб-гвардии Измайловского полка в особняк графа Григория

Строгановский дворец

Дворец
РазумовскогоПеликан на
фасаде дворца
Разумовского –
символ
Педагогического
университета
имени Герцена

Чернышева, взятого в казну за долги. Да, этот дворец стоял на том месте, где сейчас красуется Мариинский. Но Лермонтов вышел из Славной школы в лейб-гусары в 1834-м.

Богатейший род Юсуповых владел многими дворцами и домами. Но самый известный стоит на Мойке, 94. Назвать его чудом архитектуры затруднительно. Может быть, потому, что он строился, перестраивался и достраивался два века, познал вкус нескольких хозяев и был объектом творческих изысканий десятка архитекторов. Юсуповы владели им с 1830 по 1917 год. И что у пяти поколений, живших здесь, не отнять, так это тонкого пони-

мания внутреннего убранства таких больших пространств. Особенно поражает красотой домашний театр, в который сегодня может попасть любой желающий. На экскурсию. Или на представление.

Знаменит дворец другим – событием, сыгравшим определенную роль в истории Отечества в начале XX века. После свадьбы князя Феликса Юсупова – младшего на племяннице Николая II великой княжне Ирине Александровне в Конюшенном флигеле дворца была оборудована, скажем так, «мужская половина», где Феликс мог заниматься делами, не обращая внимания на шумную жизнь большого дома. Именно в

Дворец великой
княгини Ксении
Александровны

подвале этого флигеля в декабре 1916 года произошла попытка отравления и нанесены первые раны Григорию Распутину. В числе заговорщиков был и хозяин. Многим учебным заведениям Петербурга повезло уже в том, что они находятся в Петербурге. В здании Пажеского корпуса на Садовой – Суворовское училище, в комплексе Двенадцати коллегий на Васильевском острове – Университет, во дворце графа Разумовского между Красным и Зеленым мостами – Педагогический университет имени Герцена. Во дворце великой княгини Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича, родственников и супругов, – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта. Судьба этого участка земли по адресу Мойка, 106 началась еще при Петре I. Земля принадлежала контр-адмиралу Ивану Сенявину. Она вместе со строениями многократно переходила из рук в руки. Добром владели купцы, генерал, светлейшая княгиня Мария Воронцова, урожденная Трубецкая. Уже она продала имущество Министерству императорских уделов в 1894 году. А оно, включая дворец, было подарено Александром III своей дочери Ксении.

Уже совсем недалеко устье Мойки. Тут традиционно сели-

лись люди, связанные с морской службой. Тот же великий князь Александр Михайлович, прозванный в императорском кругу Сандро, отвечал за морскую торговлю. Еще дальше, на Мойке, 122, – дворец великого князя Алексея Александровича, четвертого сына императора Александра II. Будучи холостым, начальник военноморского флота жил в Зимнем дворце. В бывших покоях своего деда, Николая I. И в собственном дворце не нуждался. Но такова была воля отца, и великий князь получил в собственность участок земли, на котором к 1885 году был возведен дворец в эклектическом стиле с элементами замковой архитектуры. При этом с очень современной инфраструктурой: собственной электростанцией, прачечным и кухонным корпусами, конюшней, домом для свиты, оранжереями, большим Собственным садом. В сущности, получился не городской дворец, а загородная усадьба. И Финский залив – в полукилометре.

Далеко не всякий турист добирается к устью Мойки. Глаза разбегаются в центральной части города. А тут – два великокняжеских дворца, в которые и зайти-то трудно. Ведь не музеи. Однако оба комплекса являются памятниками федерального значения, за что власти можно только поблагодарить.

Дворец великого князя Алексея Александровича

Отдых на мосту у Мойки

КОЛОМНА

Дворцы Романовых на излете Мойки находятся на территории старинного петербургского района Коломна, известного с середины XVIII века. С налета трудно найти объяснение, что общего имеют меж собой старинный русский город Коломна в Подмоскowie и лишенные всякого славянского обаяния кварталы пусть и нашего, но стили-

стически сугубо европейского мегаполиса. По некотором размышлении и при наличии любознательности можно выяснить, что уже упоминавшийся первый исследователь истории Петербурга, Андрей Богданов, описывая эти места, заселенные мастеровыми, портовиками, моряками и погорельцами с верхней Мойки, называл их «Колоною». От итальянского – «строй». Домики строились тут строго по линиям. Возможно, название произошло от понятия «колония», так как все население окраины было пришлым. Далее сработало привычное желание – переименовать на русский лад.

Мойка течет не по Коломне, а является одной из естественных границ района. Тем не менее к ее берегам приладились несколько интереснейших мест и зданий. Первое и самое впечатляющее – это «Новая Голландия», уникальный памятник промышленной архитектуры раннего классицизма. Два искусственных острова между Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами созданы в 1719 году. Неву и Мойку, между которыми тут в самом узком месте всего 300 метров, соединили Крюковым и Адмиралтейским каналами.

Идею выносил царь Петр. Флот рос, требовались новые, технически обустроенные территории для создания складов всяческого корабельного имущества. В том числе корабельного леса, имевшего солидные габариты. Название «Голландия» не имеет ничего общего с Голландией. Точно так же, как питерская Коломна с подмосковной. Так назывались тесные склады возле Адмиралтейства, где строились корабли. Вполне естественно, что освоенные пространства стали «Новой Голландией».

Постепенно инфраструктура островов обрастала новыми объектами. Появились, например, бассейны, то есть маленькие доки для ремонта. А это уже функция верфей. Во второй половине XVIII века деревянные склады и бараки были заменены могучими краснокирпичными зданиями

ми, более похожими на крепостные сооружения с высоченной аркой главного входа, через которую с Мойки могли заплывать корабли высотой до 22 метров. Вместе с мачтами, разумеется. Пройдя под аркой, они могли через канал попасть в главный бассейн – Опытный. В конце XIX столетия появился крупный бассейн для проведения различных экспериментов, а во время Первой мировой войны – самая мощная в стране радиостанция.

При советской власти «Новая Голландия» служила складской базой для Балтийского флота. Затем была заброшена и постепенно разрушалась. Ей никак не могли найти современного применения. Уже в XXI веке начались реальные попытки вернуться на «Новую Голландию», создав здесь парк развлечений, включая культурные объекты. И получается. После того как в 2011 году завершились работы на первых объектах и они

Торговый центр «У Красного моста», бывший торговый дом «С. Эсдерс и К. Схейфальс»

Дом семейства купцов Калугиных, построенный в первой половине XIX века

открылись для посетителей в летнее время, за три сезона их посетили 700 тысяч человек. Похоже, когда в строй вступят все центры притяжения публики, «Новая Голландия» станет еще одним крупным туристическим центром Петербурга.

Напротив островов, на углу Мойки и Крюкова канала, находится строгое и отменно отреставрированное здание Казарм Флотского экипажа. В апреле 2013 года сюда перевезли последние экспонаты из гигантской коллекции Центрального военно-морского музея, в фондах которого их насчитывается свыше 700 тысяч. К слову, музей – один из старейших в России, первое упоминание о некоей коллекции корабельных моделей, хранящихся в Петербургской Модель-камере, содержится в письме Петра I от 24 января 1709 года. Крюковские казармы были построены в середине XIX века по указу Николая I. В них располагались Флотские экипажи Балтийского флота, а с 1860 года – первая в России Матросская библиотека. Здесь в составе 8-го Флотского экипажа служил герой обороны Севастополя Петр Кошка, переведенный с Черноморского флота на Балтику.

ПУШКИН

Пусть не на Мойке, но в районе Коломны некоторое время жил Александр Пушкин. Отсюда и поэма «Домик в Коломне», написанная в дни Болдинской осени в 1830 году. Но судьба великого поэта связана с другой частью реки, куда как ближе к ее истоку. Мойка, 12. Тут в начале XVIII века кабинет-секретарем Петра Великого, Екатерины I и Елизаветы Петровны князем Иваном Черкасовым был построен внушительный каменный особняк в три этажа с двумя двухэтажными флигелями и большим двором. Это был один из первых домов столь высокого уровня на Мойке. Это вам не деревянный домик в шесть окон с фасада и с балкончиком на втором этаже.

Мойка, 12.
Последний адрес
Александра
Пушкина

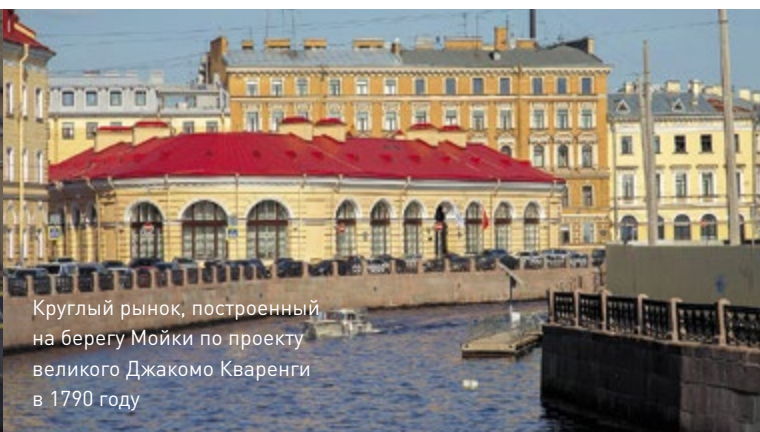
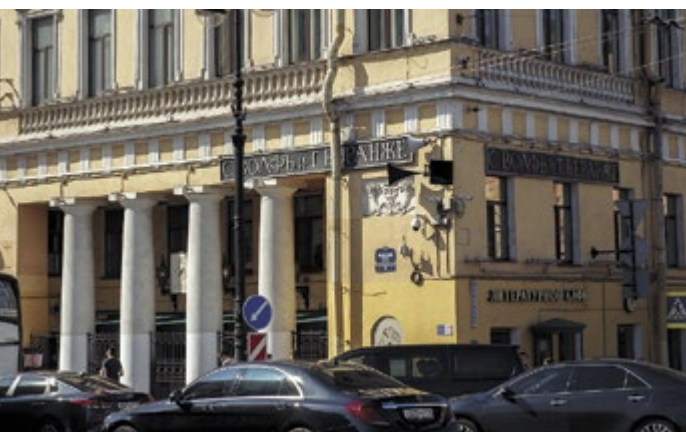
Кондитерская
Вольфа
и Беранже,
в которой так
любил бывать
Александр
Пушкин. Ныне
«Литературное
кафе»

Дом менял хозяев, но судьба его серьезно переменилась, когда владелицей стала княгиня Александра Волконская. После декабрьских событий 1825 года ее сын и наследник генерал-майор Сергей Волконский был сослан в Сибирь, следом за мужем отправилась супруга. Престарелая княгиня передала дом в наследство дочери Софье, но та предпочитала жить за границей. И появилось решение – квартиры в доме на Мойке сдавать.

Пушкин переехал на Мойку, 12 в 1836 году, незадолго до гибели. Был подписан арендный договор на два года, Александр Сергеевич занял все 11 комнат первого этажа. Также пользовался подвалами. Занятно, что на Мойку выходили окна комнат, ко-

торые занимали разные члены семейства, спальни супругов, столовой, буфетной, гостиной, а окна кабинета поэта смотрели во двор, на каретный сарай, конюшню и сеновал.

После смерти Пушкина жена Наталья Николаевна не пожелала оставаться в Петербурге и отъехала в Москву. Софье Волконской вдали от Родины не пришлось, видимо, в голову позаботиться о мемориализации квартиры. Да и не принято это было тогда. Управляющий домом был толковым малым, и вскоре квартиру заняли другие арендаторы. Комнатам досталось. Музеефикация началась только в 1924 году, а полноценная реставрация квартиры еще через шестьдесят лет. Музей-квартира открылся в 1987-м.

Круглый рынок, построенный на берегу Мойки по проекту великого Джакомо Кваренги в 1790 году

РАЗНОЕ

Формально дом Михаила Ломоносова находится по адресу Большая Морская, 61. Но с момента постройки, завершившейся предположительно в 1757 году, и до нынешних дней фасадом выходит на Мойку. Это был каменный двухэтажный дом с двумя флигелями. Здесь Михаил Васильевич прожил восемь лет, до самой кончины. В доме была мозаичная мастерская и химическая лаборатория. Именно здесь великий ученый создал знаменитое мозаичное панно «Полтавская баталия». В дальнейшем дом наследовался его потомками, но в 20-е годы XIX века усадьбу выкупило Почтовое ведомство. Здесь жили его служащие, размещалась станция дилижансов. При почтовиках хозяйство сильно перестроили, нарастив этажи и объединив три части в одно целое. Затем дом перешел в ведение Министерства внутренних дел. Здесь даже министр имел служебную квартиру. После Октября 1917-го почтовики взяли свое, и до сих пор в доме располагаются организации Федеральной почтовой связи.

Гремевший на весь Петербург–Петроград ресторан высшей категории «Донон» находился во дворе дома по адресу Мойка, 24. Чтобы попасть в заведение, надо было пройти в арку обычного трехэтажного дома. Казалось бы, неприлично для ресторана такого класса. Но подобное неудобство не смущало ни господ гвардейских офицеров, ни чиновников высокого ранга, ни даже великих князей. Ни тем более деятелей творческой элиты. Здесь любил себя побаловать обедом Иван Тургенев, часто бывал Михаил Салтыков-Щедрин, художник Александр Иванов. Захаживали и люди иного склада. Идеолог русского анархизма князь Петр Кропоткин и главный питерский бандит НЭПа Ленка Пантелеев. Ресторан процветал, пока без видимой причины хозяйка дома не отказала хозяину заведения в пролонгации аренды. «Донон» переехал, на старом месте открылся ресторан с более

Во дворе этого дома находился знаменитый ресторан «Донон»

Дворец культуры работников связи

сложным названием, но в 20-е годы прошлого века зачах.

Практически напротив находится гигантское здание классического стиля. Длина фасада по Мойке без малого 600 метров. Строил Карло Росси. Для краткости этого великана, выходящего также на Дворцовую площадь и Невский проспект, именovali и именуют не иначе как Главный штаб. Стоит заметить, что как раз в левом крыле военные структуры не располагались. В имперский период тут

находились Министерство иностранных дел и Министерство финансов. В советское время – службы МВД. В новорусские годы как раз крыло, окна которого смотрят на Мойку, передали Государственному Эрмитажу. Была проведена грандиозная реконструкция, и теперь в анфиладах появились залы импрессионистов, экспрессионистов и восстановленного Музея русской императорской гвардии. Мойка, 58. Невозможно найти на ее набережных здание более уродливое, чем это. Когда-то здесь стояла большая Немецкая реформатская церковь, построенная в середине XIX века в неороманском стиле. Прототипом стал кафедральный собор города Майнца. Храм украшал высокий островерхий шпиль. В советское время шпиль, понятное дело, спилили, над самым зданием основательно потрудились архитекторы-конструктивисты. Оно превратилось во Дворец культуры работников связи. После запрета на конструктивистскую архитектуру над домом поиздевались еще раз. Что ж, даже тут не избежать пословицы – на Мойке не без урод.

...Набережные Мойки вовсе не пешеходные зоны. Машин в достатке. Довольно на широкий Певческий мост выйти – заблудишься среди туристских автобусов! А вот автомоек не найдешь. И это приятно. Прошлое не всегда проигрывает.

МОЯ НАПАСТЬ, МОЕ БОГАТСТВО

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

КАРОЛИНА ПАВЛОВА ПРОЖИЛА ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ – ПОЧТИ ВЕСЬ XIX ВЕК. ПОСЛЕДНИЕ ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОНА ПРОВЕЛА НА ЧУЖБИНЕ, ПО-РУССКИ НЕ ПИСАЛА, И НА РОДИНЕ ЕЕ ЗАБЫЛИ, ПОКА ЕЕ ИМЯ И СТИХИ НЕ ВОСКРЕСИЛ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. НО И СЕЙЧАС ОНА ИЗВЕСТНА В ОСНОВНОМ ИЛИ ЛИТЕРАТУРОВЕДАМ, ИЛИ ФЕМИНИСТКАМ.

ПАВЛОВА, РОЖДЕННАЯ В 1807 ГОДУ, ДОЖИЛА ДО 1893 ГОДА, А ВСЯ ее поэтическая слава осталась в 40-х годах. Она еще при жизни оказалась анахронизмом, обломком ушедшего золотого века русской литературы. И вспомнили ее только тогда, когда поэзия стала освобождаться от всеподавляющей идеи об общественном служении как ее главном предназначении.

УСОВЕСТИТЬ НАПОЛЕОНА

Каролина Павлова была дочерью обрусевшего немца Карла Яниша. «Отец мой в молодости был студентом медицинского факультета в Лейпцигском университете, – вспоминала она, – где получил, окончив курс, докторский диплом с правом врачевать своих ближних, но никогда этого не делал, не желая, как он говорил, быть виновен в смерти человека». Вместо медицины доктор Яниш занялся преподаванием – сначала в Московском университете, затем в ярославском Демидовском лицее, где стал проректором. В Ярославле появилась на свет маленькая Каролина. Когда девочке исполнился год, семья переехала в Москву: отец стал препода-

Каролина Павлова.
Портрет работы
К.А. Молдавского.
1841 год

вать физику и химию в Медико-хирургической академии. Мама ее, Елизавета Мартин, была дочерью негоцианта Карла Мартина и Марии Мелье де Прокур; по этой линии в роду Каролины Яниш были французы и англичане.

Первые воспоминания девочки были связаны с отъездом из Москвы при приближении наполеоновских войск. Мемуары Павловой так и начинаются – с войны, тревоги, сборов: семья с пятилетней Каролиной и ее трехлетней сестрой в конце лета 1812 года уезжает из Москвы в Ярославль, и мама не разрешает ей болтать по-французски, потому что это «опасно в присутствии простого народа». Каролина запомнила разговоры взрослых о Наполеоне – она просила взрослых пустить ее к нему, чтобы «усоветить его и уговорить отправляться назад, восвояси»; о московском пожаре, в котором сгорел принадлежавший семье дом; о разорении смоленского имения. Она видела пленных французов, жалких и ободраных, и сгоревшую Москву, куда вернулась семья. В первое время Яниши жили в Москве у графини Строгановой, с которой соседствовали в Ярославле во время войны. Летом выезжали на отдых в ее имение Братцево под Москвой. С Братцевым, затем с Петровским-Разумовским связаны лучшие детские воспоминания Каролины Павловой: чудесный сад, приволье, радость.

Когда девочке было 9 лет, умерла ее младшая сестра. Каролина осталась единственным ребенком – отсюда, может быть, ее привычка к уединенным раз-

Ярославль. Набережная реки Волги. Слева – Демидовский юридический лицей.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОГОТАРЕВЫМ

Усадьба
Братцево.
Интерьер

А.-Ф. Леметр
с оригинала
О. Кадоля.
Москва.
Пресненские
пруды. 1825 год.
Литография,
раскрашенная
акварелью

мышлениям и вечная печаль. Отец просил ее помогать ему во время его астрономических наблюдений, и она помогала. Она охотно учила языки, владела русским, немецким и французским, писала на них стихи. Знала латынь и греческий, читала на английском, испанском и итальянском. Ей было всего 20 лет, когда «Московские ведомости» опубликовали три ее перевода Пушкина на немецкий.

Уже в юности Каролина Яниш стала вхожа в высший свет. Произошло это отчасти благодаря приглашению отцовского знакомого, князя Одоевского, пожить у него во флигеле возле Пресненских прудов. У Одоевского всегда было несколько девушек-сирот на воспитании; он давал им приданое и устраивал их судьбу – так Каролина нашла себе подруг-ровесниц.

НА КРЫЛЬЯХ РАДОСТИ

В 1825 году Каролина читала стихи на немецком в знаменитом салоне Елагиных; через Елагиных познакомилась с Зинаидой Волконской. В салоне у Волконской 19-летняя Каролина встретила 28-летнего Адама Мицкевича. Он давал уроки польского языка, она упросила родителей взять его к ней учителем. 10 ноября 1827 года на балу он сде-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОГОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лал ей предложение, и она готова была согласиться. Однако так и не оправившаяся от разорения в войну семья, по сути, жила на деньги дяди Каролины с материнской стороны. Девушка должна была стать его наследницей. Дядя пригрозил, что в случае брака с нищим и опальным поляком прекратит финансовую помощь ее родителям. Отец готов был на это пойти ради любимой дочери, но Каролина отказалась принять его жертву. Мицкевич уехал из Москвы. Она взялась переводить на немецкий его «Конрада Валленрода». Через десять месяцев написала ему, что не может жить, не думая о нем: «Что бы ни случилось, душа моя принадлежит тебе одному. Если же мне суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я приму безропотно». Он же, по-видимому, был совсем не так увлечен ею и писал своему другу Киприану Дашкевичу: «Нет сомнения, что Художница мне нравилась, но я не был настолько влюблен, чтобы ревновать или не представ-

лять себе жизни без нее». В некоторых письмах он пишет, что и предложения ей никогда не делал. «Художницей» он ее зовет потому, что она прекрасно рисовала. С Дашкевичем он советовался, как быть дальше, достаточно ли она богата, чтобы

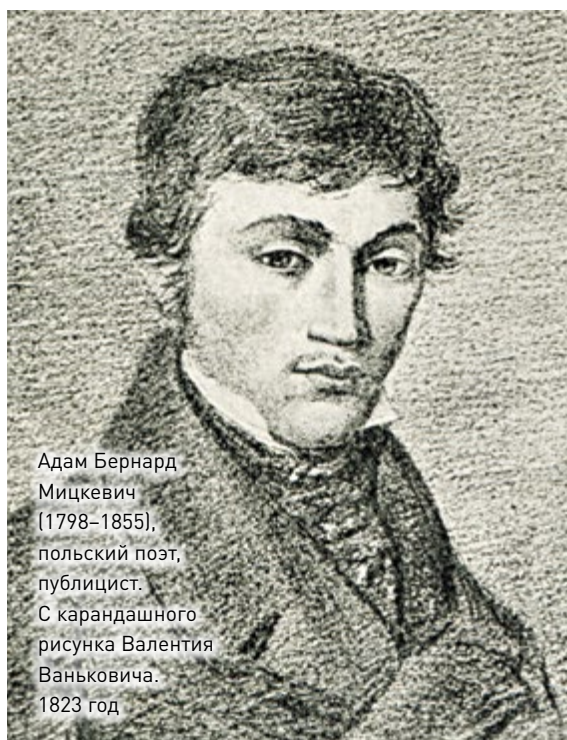
Г.Г. Мясоедов. Пушкин и его друзья слушают декламацию Мицкевича в салоне княгини З.А. Волконской. 1899–1905 годы

на ней жениться: сам нищий Мицкевич не мог прокормить двоих.

В 1829 году Мицкевич вновь в Москве; они встретились, и она попросила его, чтобы он решил ее судьбу. Но он только предложил ей дружбу – и уехал на юг, в Италию. Она не стала устраивать никаких сцен, чего он опасался, а вдогонку послала письмо: «Прощай, мой друг. Еще раз благодарю тебя за все – за твою дружбу, за твою любовь. Я поклялась тебе быть достойной этой любви, быть такой, какой ты этого желаешь».

Дашкевич, давно влюбленный в Каролину, предложил ей руку и сердце. Она отказала. Дашкевич вскоре покончил с собой. Она не перестала любить Мицкевича. 10 ноября был для нее всю жизнь святым днем, и несколько ее стихотворений посвящены этой, лучшей в ее жизни минуте...

Александр Гумбольдт, немецкий ученый, приехал в Москву в 1829 году и был совершенно очарован дарованиями девицы Яниш. Уезжая в Германию, он взял с собой тетрадь ее перево-

Адам Бернард Мицкевич [1798–1855], польский поэт, публицист. С карандашного рисунка Валентия Ваньковича. 1823 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дов и передал Гёте. Тот прислал Каролине теплое письмо, которое она потом охотно показывала своим гостям. Тетрадь с ее переводами постоянно лежала у него на столе.

В 1833 году умер дядя, который не дал Каролине выйти замуж за Мицкевича, и она получила большое наследство. Ей было 26 лет. Она в одночасье стала богатой невестой: ей досталась почти тысяча душ. Однако замуж она решила выйти только после того, как получила известие о женитьбе Мицкевича.

НЕ ИЗ ДЕНЕГ, НО И НЕ БЕЗ ДЕНЕГ

В 1836 году к Каролине посватался подающий надежды литератор Николай Филиппович Павлов. Брак этот был выгоден обоим. Каролина избавлялась от клейма старой девы, Павлов получал деньги. Другим своим говорил, что женится «не из денег, но и не без денег». А потом одному своему другу признался: «одну я в жизни сделал гадость: женился на деньгах». Жизнь Павлова не назовешь обычной. Его мать, грузинку, граф Валериан Зубов вывез с Кавказа в конце XVIII века и подарил своему другу, генерал-аншефу Владимиру Грушецкому. Тот сделал ее своей наложницей; ребенка, рожденного у нее, записали сыном дворового мужика Филиппа Павлова. Был ли Николай Павлов на самом деле сыном Филиппа Павлова, Грушецкого или Зубова – источники расходятся в сведениях. Мальчика растили как дворянского сына. Когда Грушецкий умер, Коле Павлову было 8 лет. Старший, законный сын и наследник помещика дал мальчику вольную и отдал в Театральное училище в Москве. Николай Павлов играл в театре и переводил с французского пьесы. Однако он хотел учиться и стал слушать лекции в Московском университете. Окончил его кандидатом права, стал работать в суде, но литературу не оставил. Павлов был одним из первых рус-

С.М. Шухвостов.
Москва.
Рождественский
бульвар.
1840-е годы

Николай
Филиппович
Павлов.
Литография
с портрета
Р. Брандта

ских переводчиков Бальзака, переводил Шиллера и Шекспира, а ко времени женитьбы на Каролине Яниш издал книгу прозы «Три повести», которая понравилась не только читающей публике, но даже Пушкину и Белинскому. Книга отличалась антикрепостнической направленностью, и рассказы вали, будто царь заметил, что Павлову лучше бы употребить свой талант на описание красот Кавказа. Впрочем, никаких репрессий не последовало. Павловы поселились в своем доме на Рождественском бульваре, где по четвергам собирали весь цвет русской литературы; дом уцелел до наших дней и считается памятником архитектуры. В салоне Павловых бывали Гоголь и Боратынский (его Павлова считала своим литературным учителем), Герцен и Огарев, Фет, Полонский, братья Аксаковы. Именно у Павловых прощался с московскими литераторами Лермонтов перед отъездом на Кавказ в 1840 году.

В 1839 году у супругов Павловых родился сын Ипполит, который впоследствии стал преподавателем словесности, критиком и публицистом.

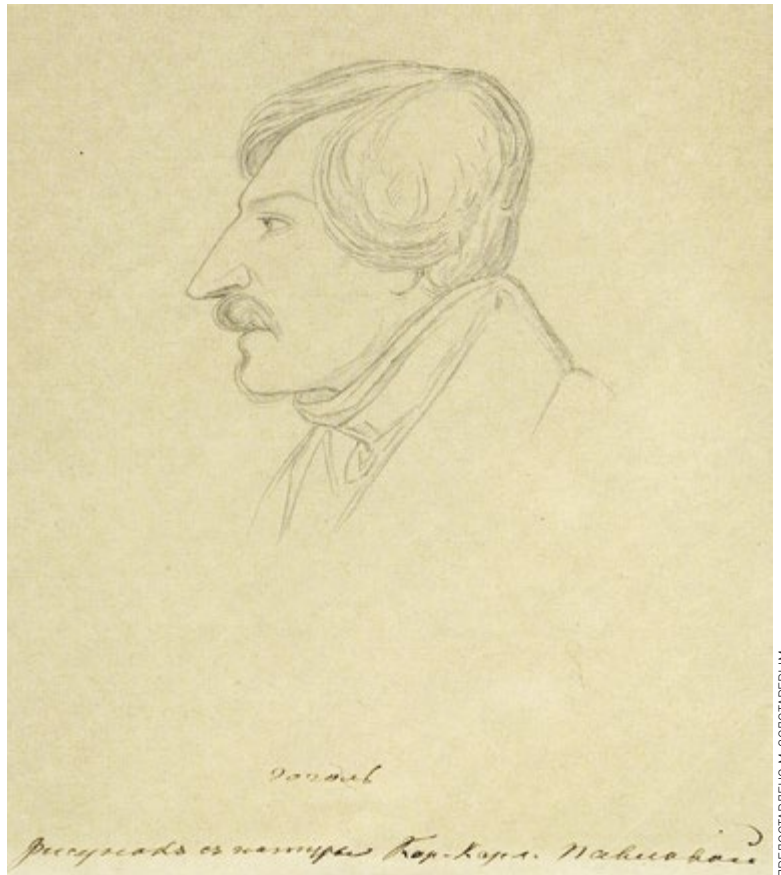
К 40-м годам Каролина Павлова уже была известным литератором. В 1839 году в Париже вышел сборник ее французских переводов *Les preludes*, куда вошли переводы не только с русского, но и с английского, польского, итальянского. Белинский похвалил ее «удивительный талант <...> переводить стихотворения со всех известных ей языков и на все известные ей языки».

Литературный салон Павловых был всеми любим. Историк и философ Борис Чичерин вспоминал: «Это было самое блестящее литературное время Москвы. Все вопросы, и философские, и исторические, и политические, все, что занимало высшие современные умы, обсуждалось на этих собраниях, где соперники являлись во всеоружии, с противоположными взглядами, но с запасом знаний и обаянием красноречия. <...> Хозяева, муж и жена, с своей стороны были вполне способны поддержать умный и живой разговор».

Однако к самой хозяйке гости относились с некоторой иронией, находя, что она чопорна и слишком увлечена собой и своей литературной славой. Цензор Никитенко находил, что она «страшно всем надоедает своей болтовней и навязчивостью», а говорить способна только о себе. Иван Панаев описал ее величественной строгой дамой, склонной к театральности: «Она остановилась между двумя мраморными колоннами, с чувством достоинства слегка наклонила голову на мой поклон и потом протянула мне свою руку с величием театральной царицы», а затем рассказала, что ею восхищался Гумбольдт, принесла прочесть, что написал ей Гёте, прочитала несколько своих переводов...

Искренних друзей Каролина Павлова нашла в лице москов-

Карандашный
портрет
Н.В. Гоголя
работы
Каролины
Павловой.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Константин
Сергеевич
Аксаков
(1817–1860),
публицист,
историк,
филолог, поэт.
Литография
П.Ф. Бореля
с фото
К.-А. Бергнера.
1869 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ских славянофилов – братьев Аксаковых и Хомякова; дружила с Николаем Языковым и обменивалась с ним посланиями. Удивительно, что ксенофоб Языков причислял немку Павлову к единомышленникам-славянам. При этом именно языковская

ксенофобия в конце концов послужила причиной их разрыва: после того как Языков написал в 1844 году послание «К ненашим», обращенное к тем, кто хочет «преобразить, испортить нас и онемечить Русь», Павлова ответила ему гневным посланием:

*Нет! не могла я дать ответа
На вызов лирный, как всегда;
Мне стала ныне лира эта
И непонятна, и чужда.
Не признаю ее напева,
Не он в те дни пленял мой слух;
В ней крик языческого гнева,
В ней злобный пробудился дух.
Не нахожу в душе я дани
Для дел гордыни и греха,
Нет на проклятия и брани
Во мне отзывного стиха.*

В переломном для русской истории и литературы 1848 году Павлова написала два важных произведения – поэму «Разговор в Трианоне» и лирическую повесть «Двойная жизнь». «Разговор в Трианоне» – воображаемый диалог между графом Калиостро и деятелем Великой французской революции Мирабо; Калиостро предупреж-

дает Мирабо, что, хотя революция оправданна и неизбежна, великие преобразования приводят к взрыву темных страстей толпы и кровопролитию. Цензура не допустила этот текст к печати, невзирая на его консервативную в целом направленность и пронизывающий его историософский скепсис – по тем временам возмутительный для прогрессивной общест-венности.

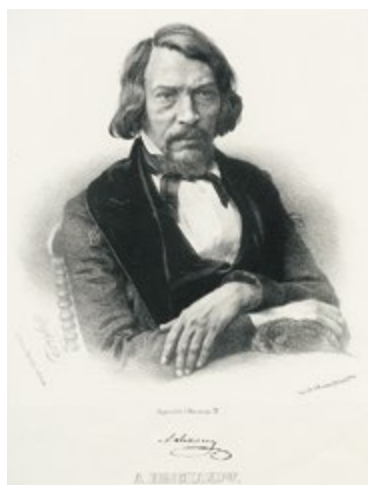
«Двойная жизнь» – повесть, необычная по форме: она сочетает прозу со стихами. Речь в ней идет о юной благовоспитанной девушке Цецилии и ее подруге Ольге. На Цецилию заглядываются двое – богатый князь Виктор и Дмитрий Иванович, искатель богатых невест. Мать Ольги мечтает о том, чтобы князь женился на ее дочери, а не на Цецилии, и ради этого затевает интригу, подстраивая свадьбу Дмитрия и Цецилии. Цецилия днем принимает ухаживания, готовится к свадьбе, соблюдает внушенные маминкой приличия. Но вечером и ночью в ней просыпаются стихи – некая лирическая сила, заставляющая складывать слова в строки и томиться неясной тоской. И в ночь перед свадьбой эта девушка пишет:

Так иди ж по приговору,
Только верю сильна,
Не надеясь на опору,
Беззащитна и одна.
Не тревожь преступно неба,
Заглуши свои мечты
И насущного лишь хлеба
Смей просить у Бога ты.

Это сочетание прозы и стихов, противопоставление внешней жизни героя и внутренней, сокровенной, творческой потом будет с блеском реализовано Пастернаком в «Докторе Живаго».

Конечно, у Каролины Павловой эта двойственность восходит к двойственности романтической – к тому, что литературоведы именуют «романтическим двоемирием». В ее лирике, как в пушкинской и лермонтовской, чрезвычайно важна фигура поэта, ощущение его избранности, представление о святости твор-

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), религиозный философ, писатель, поэт, один из основоположников славянофильства. Литография П.Ф. Бореля с фото К.-А. Бергнера первой половины 1850-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чества. Отсюда и ее знаменитые афористические строчки: «Моя напасть! мое богатство! // Мое святое ремесло!» Отсюда та чопорная важность, с которой она относилась к себе, глубоко уважая в себе поэта – что современники относили на счет ее само-мнения.

ХОЛОДНЫЙ СТИХ

Она печаталась в «Отечественных записках», «Москвитянине», «Современнике», «Русском вестнике», очень много работала – и даже это вызывало недовольство ее знакомых. Так, князь Черкасский заметил: «Мне противны женщины, которые из ума своего делают что-то вроде ремесла, как К. Павлова и гр. Ростопчина». Стремление

Николай Михайлович Языков (1803–1846), поэт. Литография с портрета работы А.Д. Хрипкова. 1829 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Павловой зарабатывать собственным трудом раздражало окружающих, как вообще раздражали женщины-эмансипе.

Версификаторское мастерство Павловой было общепризнанным; ей прекрасно удавались бури-ме, сложные рифмы, непростые ритмические ходы. Она мастер афоризма и ударных концовок. Но иным современникам даже ее мастерство казалось пустыми фокусами, прикрывающими отсутствие души. В холодности и бездушии ее позднее упрекали и Садовской, и Ходасевич – сам, к слову сказать, не особенно теплый поэт. Но если вчитаться в стихи Павловой, можно убедиться: ее лирическая героиня отнюдь не бездушна и не бесчувственна, но она выучилась «властвовать собою». Таковы, кстати, и четыре героини ее поэмы «Кадриль»: одна за другой они рассказывают свои истории болезненно пережитого в юности разочарования, крушения надежд, столкновения с человеческой низостью. Истории рассказаны без комментариев, без морали – просто четыре женских монолога, а ты, читатель, понимай как хочешь, зачем их тебе рассказали.

Любимое название для стихотворения у Каролины Павловой, даже особый павловский жанр – «дума», что-то вроде дневниковых записей о смысле жизни, о сути творчества, о жизни души. Павловские «думы» можно было бы назвать плодом ума холодных размышлений и сердца горестных замет, если бы голос ума не перевесил здесь голоса сердца. Конечно, творчество Павловой вписывается в традицию философской лирики, хотя масштаб ее дарования скромнее, чем у Тютчева или Боратынского. Очень точно сказал о ее стихах Борис Бухштаб: «Чувство как бы замуровано в холодном стихе: мы слышим голос женщины, говорящей о пережитых страданиях спокойно, с мужественным достоинством». Поэтическая заповедь Павловой – требование стоицизма, и в этом она тоже близка Тютчеву.

На 40-е годы пришелся расцвет ее поэтического таланта – и в этом, вероятно, ее несчастье: времена настали совсем не поэтические. Она сама это чувствовала и констатировала в одной из своих «дум», что чувствует, что «много дум и вдохновений, и много песен впереди» – но «Свершу ли их? Пойду ли смело, // Куда мне Бог судил идти? // Увы! окрестность опустела, // Отзывы смолкли на пути. // Не вовремя стихов причуда, // Исчез поэтов хоровод, // И ветер русский ниоткуда // Волшебных звуков не несет».

1848 год – год французской революции – принес новые литературные реалии. Обострение социальных коллизий не могло не отразиться на литературе; самоуглубленная, сосредоточенная на внутренних переживаниях, религиозном принятии горького земного жребия поэзия Павловой начала казаться публике если не анахронизмом, то чем-то отживающим свое время, да и сама она ощущала некоторый тупик. Ее консервативная позиция и близость к славянофилам не добавляли ей симпатий демократической критики. Наконец, громкий семейный скандал в 1852 году восстановил против Павловой весь литературный мир и все светское общество.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАВРСТВЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

В 1851 году она создала саркастический стихотворный портрет мужа:

*Сперва он думал, что и он поэт,
И драму написал «Марина Мнишек»,
И повести; но скоро понял свет
И бросил чувств и дум пустых
излишек.*

*Был юноша он самых зрелых лет,
И, признавая власть своих
страстишек,
Им уступал, хоть чувствовал всегда*

Каролина
Карловна
Павлова.
Рисунок
Э.А. Дмитриева-
Мамонова
из альбома
А.П. Елагиной.
1840-е годы

Дерпт.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

*Боль головы потом или желудка;
Но, человек исполненный рассудка,
Был, впрочем, он сын века хоть
куда...*

Штрихи к портрету – самые неприятные: «С премудростью он излагал жене // Значение семейного начала, // Весь долг ее он сознавал вполне, // Но сам меж тем стеснялся браком мало»...

Семейная жизнь совершенно разладилась. Во-первых, Павлов был отчаянным картежником. Состояние жены постепенно стало уплывать к его кредиторам. Он приносил ей на подпись какие-то документы, она доверчиво подписывала, не особенно разбираясь в финансовых делах – и в конце концов оказалась разорена. А во-вторых, оказалось, что он и впрямь «стеснялся браком мало»: Павлова и племянницу Каролины Евгению Танненберг, жившую в доме на правах бедной родственницы, связывали отнюдь не родственные отношения. Когда она поняла, что без денег осталась не только она, но и подрастающий сын, Павлова пожаловалась отцу. Тот не нашел ничего лучше, как пожаловаться московскому генерал-губернатору Арсению Закревскому, который давно был зол на Павлова, автора ехидной эпиграммы на него. У Павлова произвели обыск – якобы в поисках крапленых карт; карт не нашлось, зато нашлась запрещенная литература и компромат на знакомых. У всех на памяти еще были аресты по делу петрашевцев – и общество обратило свой ужас и негодование на обобранную Павлову, которая взялась разрешать семейные распри с полицией и превратила конфликт с мужем в политическое дело.

В 1853 году Павлова арестовали и посадили в долговую яму. Затем его сослали в Пермь. А с ней перестали общаться даже вчерашние завсегдатаи ее салона: критик Шевырев назвал ее «нравственным чудовищем», историк Грановский написал: «что за сокровище эта дама, эта женщина без сердца, без чести, без стыда».

Имущество должника было описано. Павлова тщетно пыталась утаить от кредиторов хотя бы часть денег – это стало предметом еще большего презрения общественности. Оставаться в Москве было невозможно. Она уехала в Петербург; там в 1854 году умер от холеры ее отец. Она впала в панику, боясь заразы, и накануне похорон отца уехала с матерью и сыном в Дерпт. Муж ее из Перми писал Шевыреву: «Накануне похорон теща моя, которая так любила мужа, и дочь его, испуганные, уехали в Дерпт, а прах его отдан был на произвол трактирного слуги, который заехал с ним не в ту церковь, и только в 12 часов ночи, через генерала Рорберга, родственника моей жены, поместили его в церковь; на другой день явились туда родные, ждали вдовы и дочери, но не дождались». Сама Павлова объясняла, что жить в Дерпте дешевле, а сына-подростка надо учить. Но ее погибшую репутацию было уже не вернуть.

МЫ СТРАННО СОШЛИСЬ...

В Дерпте она встретила студента Бориса Утина. Невзирая на 25-летнюю разницу в возрасте, они полюбили друг друга. «Утинский цикл» Павловой исследователи ставят в один ряд с такими циклами, посвященными поздней любви, как «денисьевский цикл» Тютчева, цикл «Борьба» Аполлона Григорьева, стихи Алексея Толстого. «Утинский цикл» описывает любовь – словесную дуэль, столкновение непримиримых начал, любовь, где две противоположности тянутся друг к другу, но изначально обречены. Взгляды Утина, молодого петрашевца и западника, были противоположны консервативным воззрениям Павловой. Весьма вероятно, что из их полемики выросло историософское стихотворение «Разговор в Кремле» – об особом пути России. Утин вскоре уехал в Петербург; впоследствии стал известным юристом и профессором. Умер сорокалетним.

Дрезден.
1891 год

Павлова осталась одна. Мать умерла, сын остался в России, учился в Московском университете, потом продолжал отцовское дело – издание газеты. С 1856 года она много путешествовала, и цикл «Фантасмагории», написанный в путеше-

ствиях, пронизан печалью и тоской о прошлом. Наконец она осела в Германии. Решила зарабатывать своим трудом, писать по-немецки, переводить. Поселилась в Дрездене.

Она трудилась до конца своих дней. В первые годы очень нуждалась. В одном письме написала: «Спасения нет, и надежда была бы безумие; я себе ее и не позволяю... хочу посмотреть, пересилит ли меня все, что на меня нападает; устою ли я, или нет? Покуда еще стою». Иван Аксаков, который виделся с ней в Германии в 1860 году, писал, видя, как она живет и сколько зарабатывает: «Только в Дрездене можно существовать порядочной женщине на 1000 талеров, т.е. хорошо одеваться, доставлять себе удовольствие театра, концертов, лекций, но не иметь ни шубы, ни экипажа, а бегать пешком, как здесь все делают».

Большой радостью для нее стало знакомство с художником Александром Ивановым, а потом с поэтом Алексеем Толстым; его пьесы она переводила на немецкий. Мало кто еще относился к ней с такой доброжелательностью: вернувшись в Россию, Толстой выхлопотал ей

Иван Сергеевич
Аксаков
(1823–1886),
публицист
и общественный
деятель. Москва.
1862–1864 годы

В.Ф. Бинеманн.
Портрет
Каролины
Павловой.
1830-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

при дворе пенсию. Она еще пыталась печататься в российской периодике, но демократическая критика относилась к ней безо всякого уважения к былым заслугам. «Разговор в Кремле» критика осудила; Павлова написала в «Современник» гневное письмо – его опубликовали с саркастическим комментарием. Итоговый сборник 1863 года критика тоже не приняла. Анатолий Кони рассказывает об этом периоде ее жизни так: «А затем, в начале шестидесятых годов, во влиятельной петербургской журналистике началось отрицательное отношение к поэзии вообще, доходившее до утверждения, что «маленький, миленький Пушкин – поэт для юнкеров» и что «хорошие сапоги лучше Шекспира». В гекатомбе избиваемых поэтов попала

и Каролина Павлова, стихи которой, вышедшие к этому времени неряшливым изданием, представляли собою, по мнению «Современника», «мотыльково-чижиковую поэзию дворянской галантереи».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный
лист Собрания
сочинений
Каролины
Павловой
в двух томах
под редакцией
В.Я. Брюсова.
1915 год

«Мотыльково-чижиковой поэзией» стихи Павловой обозвал Салтыков-Щедрин. Сами программные установки Павловой – святость поэтического труда, чистое искусство – были ему враждебны: как можно говорить о тяжком труде поэта, когда тяжким трудом занят пахущий до изнеможения мужик? Варфоломей Зайцев, автор афоризма «сапоги суть выше Шекспира», закончил свой глумливый критический отзыв о Павловой так: «Вообще же г-жа Павлова пишет очень мило и начинает подавать большие надежды. Я не сомневаюсь, что лет через двадцать из нее выйдет перл русской поэзии». Стоит заметить, что самому Зайцеву в это время было чуть более 20 лет и что к моменту его рождения у Каролины Павловой уже было если не очень громкое, то уважаемое поэтическое имя. И, в общем, мало ей было утешения в том, что рядом с ее стихами Зайцев обругал и лермонтовские, которые «не годны даже для чтения юнкеров».

Она оборвала литературные связи с Россией. Иногда приезжала, но уже не печаталась – и была забыта. Умер Мицкевич, умер Павлов, умер Утин, умер сын от болезни сердца. А она продолжала жить и работать.

Скончалась она в 1893 году в Хлостерлице под Дрезденом – в такой нужде, что ее похоронили, как писал Анатолий Кони, «на счет местной общины, продав для покрытия расходов ее скудное имущество и два больших сундука с письмами и какими-то рукописями...».

Вторая жизнь Павловой началась в XX веке. Серебряный век готов был слушать предшественников, радоваться их мастерству, вступать с ними в диалог. Брюсов издал ее собрание сочинений. «Серенаду», насмешившую в свое время Варфоломея Зайцева, выписал себе в дневник Блок. Началась жизнь после смерти – скромная, негромкая, но очень достойная – как она и заслужила своим честным и тяжелым трудом. ❷

«ОЙ, ПОЛНА, ПОЛНА КОРОБУШКА, ЕСТЬ И СИТЦЫ, И ПАРЧА...»

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В САМОМ НАЧАЛЕ ЭКСКУРСИИ В МУЗЕЕ ПОГАС СВЕТ. РАССМОТРЕТЬ СТАРИННЫЕ ЭКСПОНАТЫ, ИЗНАЧАЛЬНО ХРАНЯЩИЕСЯ В ПОМЕЩЕНИЯХ БЕЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ОСВЕЩЕНИЯ, НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛОСЬ ВОЗМОЖНЫМ. КАЗАЛОСЬ, МЫ ПРИЕХАЛИ НАПРАСНО. ОСМОТРЕВ ОСВЕЩЕННЫЕ ДНЕВНЫМ СВЕТОМ ЗАЛЫ СТАРИННОГО ОСОБНЯКА, В КОТОРОМ РАЗМЕСТИЛСЯ МУЗЕЙ, МЫ СОБРАЛИСЬ УЕЗЖАТЬ. НО ТУТ ДАЛИ СВЕТ. И МЫ ОТПРАВИЛИСЬ В ПРОШЛОЕ – В СИТЦЕВОЕ ПРОШЛОЕ НАШЕЙ СТРАНЫ.

В 1905 ГОДУ ТЕКСТИЛЬ-
ный фабрикант, кол-
лекционер и меценат
Дмитрий Геннадьевич
Бурылин, чья текстильная кол-
лекция впоследствии дала нача-
ло музею, решил сделать родо-
вое гнездо из одноэтажного дома
XIX века. Проект перестройки
здания в модном тогда стиле
модерн разработал молодой ива-
новский архитектор Александр
Снурилов. В итоге двухэтажный
роскошный особняк с итальян-
скими витражами и изящным
кованым декором стал украше-
нием города.

После революции и национали-
зации зданию довелось побывать
и общежитием для студентов и
преподавателей Рижского поли-
техна в 1919 году, и столовой под
названием «Новый быт» в 20-х го-
дах, и областным военкоматом в
позднее советское время.

В 1985 году здесь было реше-
но организовать музей. Проект
поручили разработать худож-
никам Ленинградского Отде-
ления объединения «Росмонумент-
искусство», которые блестяще
справились со своей задачей.
Прошло уже более тридцати
лет, но оформление музея до
сих пор поражает цельностью
замысла и мастерством реализа-

Интерьеры особняка Д.Г. Бурылина,
ныне – Музея ивановского ситца

ции, не устаревшими с течени-
ем времени и появлением но-
вых музейных технологий.

Над оформлением, занявшим два
года, трудились не только худож-
ники и музейщики. Текстильные
и машиностроительные пред-
приятия области изготавливали
оборудование, помогали специа-
листами, фондами. Как рассказы-
вает заведующая последние двад-
цать лет музеем Галина Карева,
«иногда шутят, что наш музей –
это народная стройка». В резуль-
тате 12 июня 1987 года, в День
текстильной и легкой промышлен-
ности, Музей ивановского
ситца открыл свои двери для пер-
вых посетителей.

Особняк
Д.Г. Бурылина
1905 года
в стиле модерн

СОБИРАТЕЛЬ «ДРЕВНОСТЕЙ И РЕДКОСТЕЙ»

В первом зале представлена реконструкция самого древнего вертикального ткацкого стана в форме рамы. Здесь же можно узнать, что собой представляет «текстильная керамика» 1-го тысячелетия до н.э. – с застывшими на ней отпечатками ткани. А также увидеть подлинные коптские ткани V–VIII веков, привезенные Дмитрием Бурлыным из поездки в Египет в 1912 году.

Собиратель «древностей и редкостей» продолжил начатое еще его дедом коллекционирование «сокровищ», что привело к созданию уникального Музея промышленности и искусства. Всю жизнь он собирал произведения живописи, скульптуры, старинные книги, этнографические предметы, масонскую коллекцию, текстиль и многое другое. «Музей – это моя душа, а фабрика источник средств для жизни и его пополнения», – говорил Дмитрий Геннадьевич. Он мечтал сделать музей «для всеобщего обозрения, для всех желающих». Так и случилось.

Обширный текстильный фонд Музея промышленности и искусства, состоявший из «образцов ситценабивного дела, от первоначальных набоек до новейших товаров, как местного, так и иностранного производства» стал в дальнейшем основой Музея ивановского ситца. «Текстильное собирательство – вещь чрезвычайно редкая. Обычно к тканям относятся как к утилитарным

Реконструкция вертикального ткацкого стана эпохи неолита

вещам, а Бурлыин уже тогда относился к ним как к произведениям искусства», – подчеркивает Галина Карева.

Занятая история произошла с фабрикантом и коллекционером на Всероссийской промышленной и художественной выставке

в Нижнем Новгороде в 1896 году. Вслед за императором Николаем II, обратившим внимание на коллекцию старинных ивановских ситцев, представленную Бурлыным, к нему толпами стали приходить промышленники. «Они искренне удивлялись, что у их дела, которое сейчас процветает, такая глубинная древняя история. С той поры разные промышленники России стали писать Дмитрию Геннадьевичу письма: «Не окажете ли Вы нам честь, принять нашу продукцию в свой музей...» – рассказывает Галина Карева.

Сегодня оба музея входят в состав Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурлына. Здания соединяет действующий и ныне подземный переход, скрывающий, по словам музейщиков, в своих недрах множество загадочных историй и артефактов прошлого.

Коптские ткани V–VIII веков из коллекции музея

Текстильная карта России
XVII века в технике
«макраме»

«РУССКИЙ МАНЧЕСТЕР»

Путешествуя по залам Музея ивановского ситца, можно проследить весь ход развития текстильного дела, а заодно полюбопытствовать, как так исторически сложилось, что небольшое село Иваново (в 1871–1932-м – город Иваново-Вознесенск, с 1932-го – город Иваново) Владимирской губернии стало «Русским Манчестером» и текстильной столицей страны.

Первое, на что обращаешь внимание в музее, – это огромная, во всю стену, текстильная карта России XVII века, выполненная в технике узелкового плетения «макраме». Именно в том столетии в Иваново из всех промыслов мощно выделился один – ткачество льняных холстов и их окрашивание. Причин тому было немало. С одной стороны, неплодородные почвы и длинная зима не способствовали хлебопашеству. С другой – удобное расположение села близ транспортных путей, обилие речек и ручьев, необходимых для промывания окрашенных полотен, что особенно благоприятно для текстильного ремесла. Подтверждением тому служит запись в Географическом словаре Российского государства за

1804 год: «имеются указания, что сельские жители Иванова вовсе не занимались земледелием, а набивали разными красками холстину, красили крашенину, делали полотно».

Все перечисленные действия можно детально изучить в музее, рассматривая экспозицию. Сначала крестьяне из собранного в поле льна получали волокна, затем пряли на разнообразных прялках – в музее есть и прялка-башенка, и прялка-копыл, и прял разборный с гребнем. Интересно, что в крестьянской избе прялка была не только рабочим инструментом,

Инструменты
набойщика:
манерные доски,
киянка, холст

но и интерьерной вещью. Красочно расписанную часть разборной прялки – донце – вешали на стену для украшения. Также в экспозиции поступили и музейщики. И кстати, на гербе города Иванова сегодня красуется самопрялка, подобная той, что представлена в музее.

Из полученной пряжи на ткацком стане ткали холсты. Полотна получались узкие – 40–50 сантиметров, поэтому и одежду кроили «по ширине», и платки назывались «ширинки». Каждый кусочек ткани доставался тяжелым трудом, так что к ней относились бережно. Из текстиля XVII века в музее сохранились в основном лишь переплеты книг да отдельные фрагменты тканей. В XVIII веке предприимчивые крепостные крестьяне князей Черкасских, а позднее графов Шереметевых, чьей вотчиной являлось Иваново, поднакопив капитал на торговле текстилем, стали открывать собственные ткацкие и набивные мануфактуры. Набивное дело здесь было известно еще с XVII века. Рисунок наносили масляной краской на льняное полотно с помощью деревянных резных досок – манер. В Иваново были целые династии талантливых резчиков, в которых тонкости искусства «резать» манеры передавались от отца к сыну. По манерным книгам, одна из которых представлена в музее, можно было заказать собственные формы с понравив-

Самопрялка.
XIX век

шимся рисунком. Поэтому ивановские узоры просматриваются на тканях разных губерний России. Активная торговля ивановских купцов с Востоком добавила местным манерам восточного колорита. Распространенным элементом стал восточный огурец – бута, без которого сегодня сложно представить ивановский текстиль.

В музее реконструировали комнату набойщика, где можно увидеть весь процесс и понять, насколько тяжел этот труд – недаром набойкой занимались исключительно мужчины. А еще заглянуть в секретную мастерскую, где варили краски. Первыми мастерами-красковарами, вероятнее всего, были иконописцы, хорошо знакомые с секретами приготовления различных красителей. Рецептуру красок хранили в строжайшей тайне и умело шифровали.

В конце XVIII века в Иванове стали отделявать, то есть красить, набивать, не только льняные, но и хлопчатобумажные ткани, положив начало ивановскому ситцевому производству. Ситец в переводе с санскрита означает «пестрый». Именно такими яркими, пестрыми, нарядными рисунками украшали с момента появления эту тонкую хлопковую ткань. Изначально ситец – материал модный и дорогой, позднее, в том числе благодаря ивановским промышленникам, он стал более доступен.

Новый толчок развитию ивановской текстильной промышленности дал, как ни странно, страшный московский пожар 1812 года, уничтоживший большинство крупных предприятий-конкурентов. К середине XIX века о селе Иваново пишут как о главном производителе ситца в стране и что он «у простого народа слывет по своей обширности городом, по богатству – золотым дном, а по мануфактурной деятельности считается русским Манчестером» (в честь английского города, славившегося во всем мире своей текстильной промышленностью. – Прим. авт.).

Экспозиция музея с образцами тканей, портретами первых фабрикантов и фотографиями рабочих

XIX век – это уже время машин. И ивановские промышленники оснащают ими свои производства. В Музее ивановского ситца представлена модель перротинны – машины, печатающей рисунок в несколько цветов за раз и заменившей набойщиков. Уникальные, отравированные вручную валы цилиндрических машин поражают тонкостью работы и изяществом рисунка. А еще здесь можно в прямом смысле перенестись в прошлое и побывать на первой ткацкой фабрике. Экспозиция устроена таким образом, что в расположенных друг напротив друга зеркалах отражаются и множатся стоящие в музее ткацкие станки.

Граверные валы. XIX век

«ОТРЕЧЕМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА»

После революционных событий 1917 года наша страна претерпела кардинальные изменения. Текстильной отрасли они коснулись самым непосредственным образом. «Первому в мире государству рабочих и крестьян» вместо традиционных «буржуазных, мещанских цветочков и амурчиков» потребовались новые рисунки на ткани, которые «победят мировую конкуренцию богатством своего замысла, смелостью и революционной красотой мысли...» – писали «Известия текстильной промышленности» в 1923 году. В это сложное время рисунок на ткани станет глашатаем идеи революции, а набивные ситцы – самым наглядным и близким к населению орудием пропаганды и агитации. Тематические ткани, посвященные индустриализации, коллективизации, электрификации, армии, новым праздникам, получают название «агитационный текстиль» и войдут в историю как уникальное явление периода становления советской власти.

Музей ивановского ситца располагает исключительной, круп-

Ситец «Серп и молот».
Художник Сергей
Бурылин. 1925 год

нейшей в мире коллекцией агиттекстиля – более 800 образцов ткани, созданных ивановскими мастерами. Почти сто лет назад эти ткани километрами выпускались для рубашек и платьев, рассылались во все концы страны, на Дальний Восток и в Центральную Азию. Сегодня от них остались квадратные дециметры и даже сантиметры – бесценные свидетели небывалого текстильного эксперимента. В собрании музея можно увидеть серию работ «Серп и молот» Сергея Петровича Бурылина, однофамильца прославленного земляка, с которой он участвовал в знаменитой Парижской выставке 1925 года и получил золотую медаль. Бурылин использует старинные текстильные схемы, мильфлёрный прием с тонкими растительными рисунками, которые применялись еще в прошлые века, аккуратно добавляя к ним агитацию. Рассматривая эту ткань, вспоминаются строки из стихотворения Владимира Маяковского 1920-х: «И мне с эмблемами платья. Без серпа и молота не покажешься в свете!..» Пожалуй, самые необычные ткани в коллекции агиттекстиля – это ткани-лозунги. Когда

смотришь на них впервые, недоумеваешь – где же здесь агитация? Они выглядят как самые обычные ткани в цветочек. Но, узнав секрет, поражаешься мастерству художников и, особенно, искусной работе граверов, сумевших в тонкие изогнутые листики и лепестки цветов уместить целые фразы. К примеру, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Такие ткани зачастую создавались для Китая, Турции, Афганистана и были немым орудием советской пропаганды. А есть ткани со сложной судьбой. К ним относится, например, событийная ткань «Дирижабли» 1930-х годов художника

Художники
в Центральной
художественной
мастерской при
Сосновской
объединенной
мануфактуре.
Иваново-
Вознесенск.
1931–1933 годы

Агиттекстиль:
ситец «В едином
строю». 1930 год

Андрея Голубева, связанная с прилетом в Москву дирижабля «Граф Цеппелин». На ткани изображена Красная площадь с мавзолеем, над которой парят дирижаблы. «Художника неоднократно заставляли переделывать рисунок за «недостаточный уровень красной стены», – объясняет Галина Карева. Имелось в виду соотношение размеров большого цеппелина и недостаточно большой Кремлевской стены. В начале 1930-х годов у советской власти пропадет нужда в наглядной пропаганде, а агитационные ткани признают «идеологическим браком» и перестанут выпускать. Окончательную точку в этой истории поставит опубликованный в 1933 году в газете «Правда» фельетон «Спереди трактор, сзади – комбайн», осудивший механическое перенесение на ткань не соответствующих ей рисунков. Однако наряду с фельетонными ситчиками были и высокохудожественные образцы, созданные под влиянием искусства русского авангарда и вошедшие в историю не только российского, но и мирового искусства. «Фабричный гудок» Сергея Бурылина, «Буденовки» и «Солдаты» Ольги Федосеевой, «Жницы» Любови Силич, «Пионеры на линейке» Марии Назаревской и многие другие работы замечательных ивановских художников стали примером высокого профессионализма для новых поколений художников.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ИВАНОВА

Работы выпускника Ивановского химико-технологического техникума, «художника по текстилю» по образованию, «солнечного зайчика», как его называли в 1950-е годы, а сегодня – почетного гражданина городов Иваново и Париж, знаменитого модельера, мэтра отечественной и мировой моды Вячеслава Михайловича Зайцева занимают в музее не один зал. Постоянная экспозиция называется «Слава Зайцев. Жизнь = Творчество». Начиная с 2007 года в Музей ивановского ситца периодически «приезжают» модели одежды из его коллекций разных лет.

Истоки вдохновения модельера, родившегося в текстильной столице страны и воспитанного на русских сказках, представляющего Россию как сказочную Жар-птицу, во многом восходят к национальной традиции. Сам мэтр говорит так: «Создавая коллекции, я пытаюсь сохранить то, что было лучшего у русского человека: радость жизни, потрясающую любовь к цвету и всепоглощающую любовь к окружающему миру. Притом мне хочется вернуть не образ, который был раньше, а светлое состояние души, которое даже в тяжелейших условиях помогало человеку выстоять».

Коллекций с русской тематикой, созданных из ивановских ситцев, павловопосадских платков, узорчатой парчи, в творческой биографии мастера немало. Фрагменты некоторых из них со-

Модели коллекции Вячеслава Зайцева из павловопосадских платков

Ивановские набивные платки и модель мужского костюма от Вячеслава Зайцева

седствуют в музее с подлинными старинными одеяниями, подчеркивая связь традиции с современностью. К примеру, модели из коллекции «Истоки», выполненные из бушующих красками павловопосадских платков, демонстрируются совместно с ивановскими набивными платками XVIII и XIX веков. Один из них подписной – авторства Григория Матвеевича Голубева из знаменитой династии ивановских

Модели Вячеслава Зайцева из коллекций разных лет в экспозиции музея

художников по тканям, ведущей начало с середины XIX века. В этой династии была и первая в Иванове дореволюционная женщина-художница – Анна Григорьевна Голубева-Барина. Так как Иваново не только текстильная столица, но еще и Город невест, один из выставочных проектов посвящен свадебной традиции и нарядам невесты в творчестве Вячеслава Зайцева. Получилась увлекательная мини-ретроспектива свадебной моды: парчовый сарафан XVIII века и венчальный головной убор, украшенный подвесками, похожими на деньги-«чешуйки» XVII века; платье цвета «айвори» (цвет слоновой кости. – Прим. авт.), принадлежавшее одной из ивановских модниц начала века XX; современный образец высокой моды от Славы Зайцева. «Я счастлив и горд, что родился и жил в Городе невест, – замечает модельер. – С раннего детства меня окружала женская Красота, которой я посвящаю все самое прекрасное, что сделал в своей жизни».

«НЕ ОБОРВЕТСЯ ВЕКОВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ...»

В 2018 году руководство Ивановской области объявило о создании отдельного музея Вячеслава Зайцева, в который переедут и его модели, представленные в Музее ивановского ситца. В освободившихся залах планируют экспонировать ткани советского периода. Помимо широко известного агитационного текстиля можно будет увидеть знакомые многим и горячо любимые сотрудниками музея ткани второй половины XX века.

Рисунок текстиля менялся вслед за историческими перипетиями в жизни страны. После ужасов Великой Отечественной войны людям хотелось радостных красок, затейливых орнаментов, поэтому для 1950-х годов характерны ткани с цветочным рисунком, акварельными разводами. А вот в 1960-е годы появляется совсем другая эстетика – графика, углы, геометрия, химические цвета. Серия тканей периода перестройки, конца 1980-х годов, отразили интенсивный нарастающий ритм беспокойного, сложного времени. К примеру, рисунок на ткани под названи-

ем «Толпа» в чем-то напоминает и наши дни – город, в котором люди куда-то спешат и не видят друг друга.

Сегодня текстильная коллекция Музея ивановского ситца – одна из самых крупных в стране, она насчитывает более полумиллиона единиц хранения. Некоторые ткани еще только ждут своего звездного часа, чтобы быть представленными зрителю. Музеем повезло, что реставрация и музейных экспонатов, и здания производилась максимально бережно. «Мы свои предметы не восстанавливаем до первоначального вида, не дорисовываем, к примеру, ткани. Мы категорически

Глобус с ивановскими ситцами – символ того, что когда-то их производили столько, что ими можно было обернуть весь земной шар

Галина Карева, на протяжении последних двадцати лет заведующая Музеем ивановского ситца

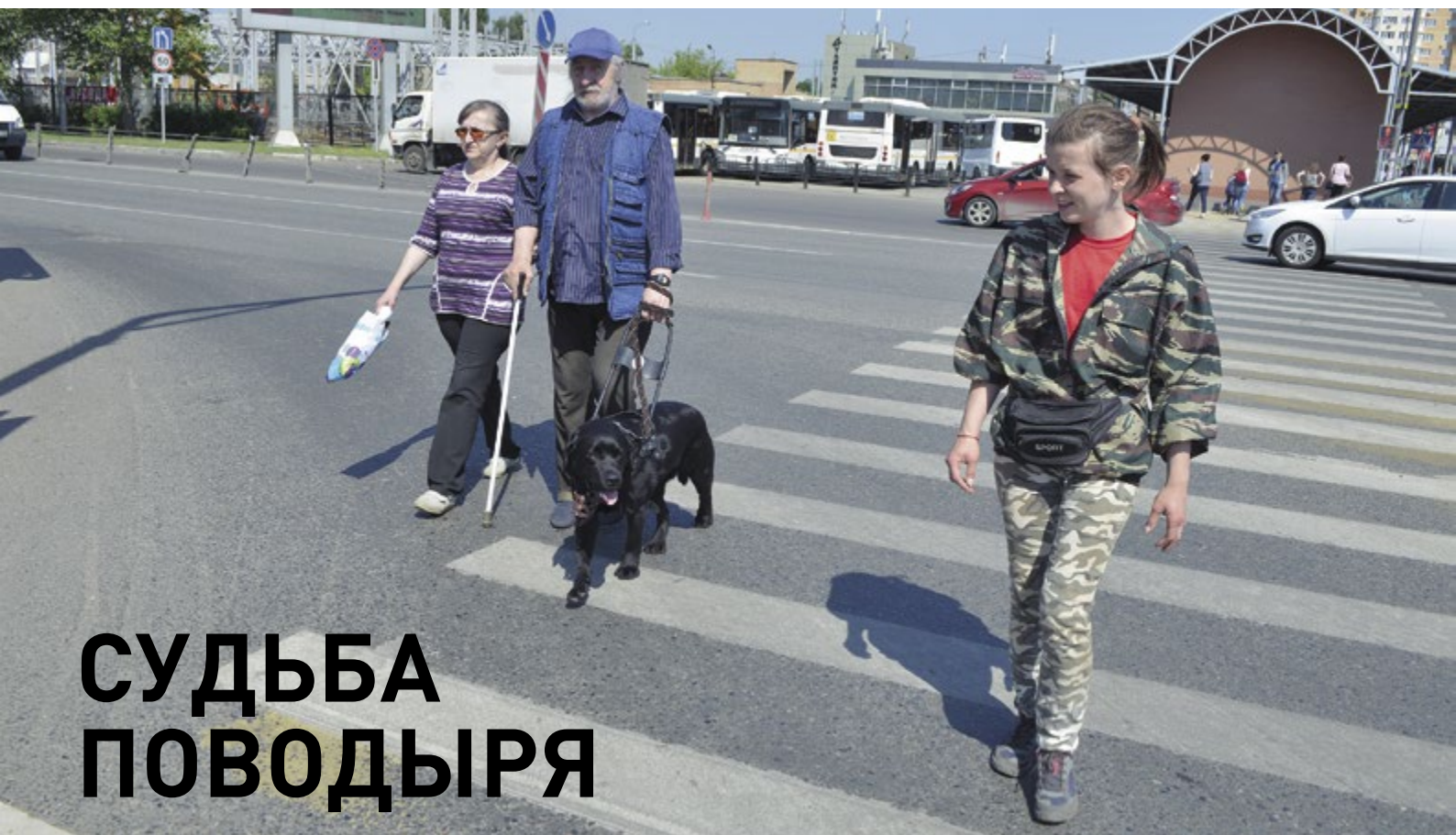

против этого, – говорит Галина Карева. – Потому что, когда дорисовывается, теряется ощущение подлинности». Благодаря такому подходу к реставрации сегодня в музее можно увидеть «неглянцевые» кокошники, хотя они тоже побывали в мастерских реставраторов. Или роскошный свадебный парчовый сарафан XVIII века с ажурными коваными пуговками – настоящее произведение искусства, у него парча поблескивает своим натуральным блеском, лишь слегка приглушенным временем.

Люди разного возраста с удовольствием посещают Музей ивановского ситца. Придуманные для детей мастер-классы «Как рубашка в поле выросла» или «Приключения красок» облюбовали и взрослые. Как рассказывают сотрудники музея, «очень скоро мы поняли, что родители приводят детей, чтобы и самим попробовать трепать лен, прясть, печатать с помощью манер узоры на ткани». Регулярно в музее проходят практику студенты бывшей Ивановской текстильной академии, ныне – Текстильного института. «Нам хотелось бы, чтобы они видели и понимали настоящее, – объясняет Галина Карева. – Вот, казалось бы, в прошлом были неграмотные крестьяне, а какая у них была культура рисунка потрясающая, культура цвета. Очень хочется, чтобы это было и в современных дизайнерских работах».

По замечанию народного художника России, лауреата Государственной премии РФ Бориса Мессерера, «на сегодняшний день культура ситца в России потеряна. Искренне хочется способствовать сохранению традиций наивного рисования цветочных и растительных орнаментов. Ситец – это тончайшая вещь, в которой проглядывается душа народа, умение мастеров».

Музей ивановского ситца как раз то место, где традиции бережно хранят.

СУДЬБА ПОВОДЫРЯ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ОНИ СПОКОЙНЫ И ТЕРПЕЛИВЫ.
ОНИ РАВНОДУШНЫ К КОШКАМ И ВНИМАТЕЛЬНЫ
К ЛЮДЯМ. ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ КУСАЮТСЯ.
ЭТИ СОБАКИ – ПРОВОДНИКИ СЛЕПЫХ.

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ подмосковного Железнодорожного место оживленное. Подъезжают к остановкам автобусы, гудят грузовички и такси с нетерпеливыми водителями за рулем, сотни людей толпятся у пешеходных переходов, у входа в торговый центр и рядом с турникетами пригородных поездов. Продавцы местного рынка, мелких магазинчиков и киосков стараются привлечь внимание покупателей. Шум, запахи, толчея – ориентироваться даже здоровому человеку здесь непросто. А если речь идет о слепом с собакой-проводником? Сумеет ли животное уберечь своего подопечного от опасностей?

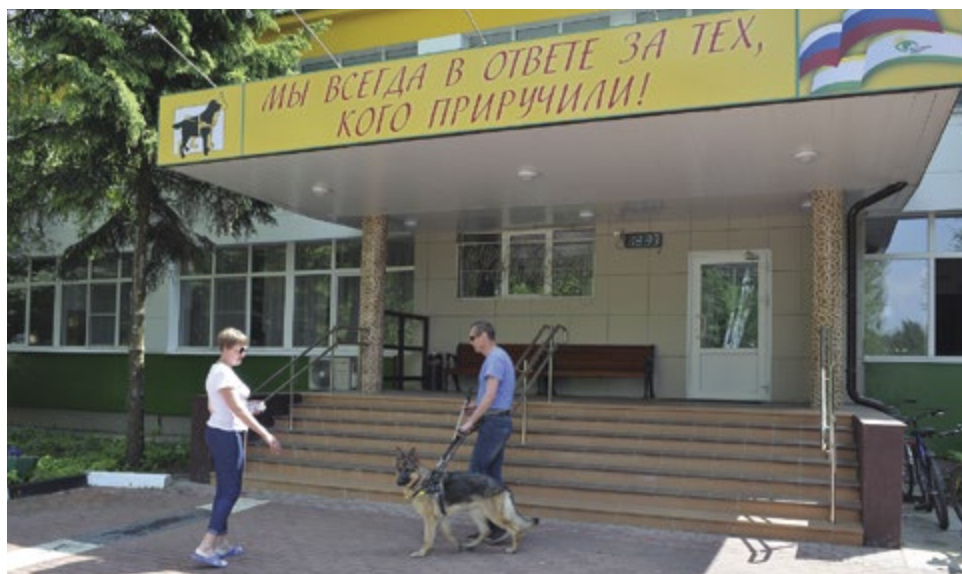
ГОРОД КАК ПОЛИГОН

То, что для обычных людей – суeta и неразбериха, на языке профессиональных кинологов называется обстановкой с сильными отвлекающими раздражителями. Именно потому, что здесь так сложно ориентироваться, привокзальную площадь превратили в свой полигон специалисты Российской школы подготовки собак-проводников, расположенной в Купавне. Собаке работать в городе сложнее, чем в учебном городке школы, тенистые аллеи которого хорошо изучены. Поэтому заместитель генерального директора школы по социальным вопросам Андрей Ивашков посовето-

вал нам с фотографом Андреем Семашко начать знакомство с работой собак-поводырей с городских занятий. Купавна – маленький сонный городок, по-настоящему нагрузить нервную систему собаки здесь может разве что проезжающая электричка. Другое дело – соседняя Балашиха, поглотившая город Железнодорожный. Так что теперь здесь живет полмиллиона человек. А это, на секундочку, больше, чем в Туле или в Братиславе. Балашиха может удивить и инструктора, и собаку, и инвалида по зрению, который прибыл в школу, чтобы пройти двухнедельный курс обучения и забрать проводника домой.

– У меня был Лорд. А они одну букву добавили, получился Лоярд. Добрый и доверчивый, оставлять одного нельзя. Самое обидное – ест мало, не накормишь от души, – говорит Михаил, приехавший из Санкт-Петербурга.

Они стоят у пешеходного перехода – слепой человек и черный

АРМЕЙСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Если спросить у лучших собаководов страны, каким должен быть кинологический центр без бюджетных ограничений, то они не смогли бы придумать больше, чем можно увидеть в подмосковной Купавне. Огромная территория со стоянкой для машин и учебными городками, административный корпус с аудиториями и столовой, трехэтажная гостиница, вольеры и выгулы учебной части, теплый ангар для занятий зимой. Питомник с теплыми полами, продуманной системой дезинфекции, родильными отделениями и собственной кухней. А еще – ветеринарный пункт, вызывающий зависть врачей многих ветеринарных клиник. Ветеринары школы не только осматривают собак и делают прививки, но и проводят сложные операции. Гордость ветеринарной службы – эксперименты по искусственному осеменению, а в планах на будущее – пересадка эмбрионов с нужной кинологом наследственностью собакам-донорам. Главный врач ветеринарной службы Сергей Семенистый работает в школе с 2006 года. Через его руки прошло 720 собак, переданных инвалидам. Учет животных он ведет в толстых тетрадях: врач может сказать, в каком регионе России какие именно животные работают проводниками. Например, наш знакомый Лоярд – 25-я собака, которая отправится в Санкт-Петербург. Российская школа подготовки собак-проводников принадлежит

лабрадор. Михаил прислушивается к звуковым сигналам светофора, шуму моторов и многоголосию толпы. Лабрадор ждет команды, чтобы перевести своего подопечного через зебру на другую сторону улицы. Рост будущего хозяина Лоярда под метр девяносто, рядом с ним любая собака будет выглядеть небольшой. Но Лоярда не смущают ни габариты нового подопечного, ни машины, ни толкающиеся люди. Инвалида с собакой толкают часто: в спешке многие не успевают разобраться, что медленно идущая в толпе пара – не зазевавшийся собаковод с питомцем, а слепой, которого ведет животное. В такой толчее не помогает даже белая трость – опознавательный знак слепых. Лоярд уверен в себе. Он внимателен на пешеходном переходе, равнодушен к голубям, кошкам

и запахам шаурмы, терпелив к случайным столкновениям с другими людьми. Причин такой уверенности две: правильные гены и хорошая подготовка. Лоярд – один из представителей линии лабрадоров, выведенных в питомнике школы, результат тщательного отбора нескольких поколений собак. Но уравновешенного характера и притупленных инстинктов было бы мало без ежедневных тренировок. Еще щенком инструктор-воспитатель возил его в Железнодорожный – прогуляться по улицам и прокатиться в автобусах и электричках. А также в Москву, чтобы познакомиться с трамваями и спуститься в метро. Лоярд привык к крутым лестницам, высоким мостам, темным тоннелям, московским пробкам и потокам людей в часы пик.

Через несколько месяцев школы исполнится шестьдесят лет

Перед каждым препятствием собака должна остановиться

Всероссийскому ордена Трудового Красного Знамени Обществу слепых. У крупнейшего учреждения страны, которое готовит собак – помощников инвалидов, армейские корни. Первые опыты подготовки поводырей, как их называют за рубежом, или проводников, как принято говорить в России, начались в июне 1945 года в Центральной школе военного собаководства в Тушине. Знаменитый кинолог гвардии подполковник Александр Мазовер одновременно готовился к Параду Победы и продумывал первые методики нового для отечественной кинологии вида дрессировки. Миллионы людей видели кадры кинохроники, на которых по Красной площади шли фронтовые кинологи со своими подопечными, но мало кто знает, что в это самое время уже шла подготовка первых в СССР десяти собак-проводников. Вскоре все животные были переданы ветеранам, потерявшим зрение на полях сражений.

Эксперименты по подготовке помощников инвалидов продолжались еще три года. Довольно скоро стало ясно: одно дело искать мины, охранять секретные объекты и ловить диверсантов, другое – помогать людям, потерявшим зрение. Разница во всем: в характере собак, в методиках, в организации учебного процесса. И дрессировку проводников временно свернули, школа все-таки была военной. Но даже те немногие собаки, которых успели подготовить, вызвали огромный ажиотаж. Поток писем с просьбами возобновить подготовку сделал свое дело. В 1960 году военных кинологов перевели из Тушина, разделив на две организации. Недалеко от Дмитрова начал работу питомник «Красная Звезда», где позже были выведены русский черный терьер и московская сторожевая, а в Купавну переехали кинологи благородной и мирной специализации. С тех пор школа подготовила более 4400 собак-проводников.

От осмотра до операций: штатные ветеринары полностью обеспечивают потребности школы

ПОДАРИЛИ ДРУГА

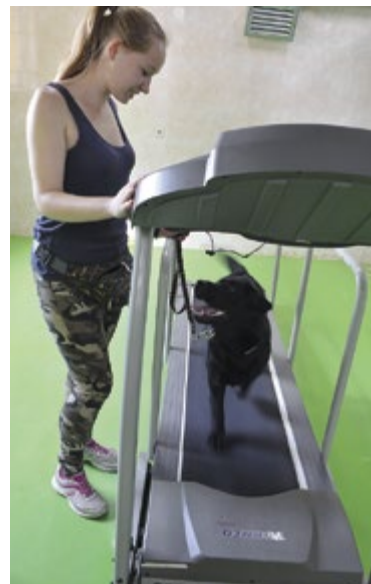
– Хорошо останавливается, предупреждает. Высокие препятствия, узкие – везде проводит! За неделю уже от инструктора отворачивается, идет ко мне за угощением. Тем, кто в этой школе работает, медали нужно давать, – говорит Михаил. Ему есть с чем сравнить, этот помощник у Михаила не первый. Жизнь и работа проводника – это не погони и задержания, как у пограничных или полицейских «коллег». Собака-поводырь должна вести подопечного по определенным маршрутам, обходить препятствия и остано-

вливаясь там, где человек может попасть в неприятности. А иногда эти собаки совершают настоящие подвиги.

11 сентября 2001 года в Нью-Йорке незрячий специалист по вычислительной технике Омар Эдуардо Ривьера работал на 71-м этаже Всемирного торгового центра со своей собакой-поводырем лабрадором по кличке Дорадо. После того как самолет протаранил башню, началась паника. Ривьера понял, что ему не выбраться, отцепил поводок и попытался прогнать собаку, чтобы животное могло спастись. Но Дорадо и не думал

Как получить собаку-проводника

Инвалиду по зрению следует обратиться в Бюро медико-социальной экспертизы, где ему разработают программу реабилитации. Затем – в органы социальной защиты, чтобы заполнить необходимые документы, которые отправляются в школу. В Купавне уверяют: долго стоять в очереди не придется, готовые к работе собаки в школе есть. Государство не только берет на себя расходы по подготовке собаки и обучению инвалида, но и выплачивает компенсацию на содержание и ветеринарное обслуживание животного.

К физическим нагрузкам животных приучают со щенячьего возраста

оставлять своего хозяина. Сорок минут ушло у собаки и человека на то, чтобы спуститься по лестнице. Небоскреб рухнул вскоре после того, как слепой и его поводырь вышли из здания...

«Одри – это шедевр! – пишет в школу Евгений из Хабаровска, рассказывая о полученной им в 2018 году собаке. – Во дворе двух пятиэтажек у нас 89 машин. Как Одри вести меня среди них? Она задумывается на секунду-другую, но всегда выбирает правильное решение». Евгений рассказывает, как в 20-градусный мороз и сильный ветер он потерял рукавичку. Показав вторую собаке, он дал команду «Апорт», и через минуту Одри уже держала пропажу в зубах.

Письма от инвалидов, прошедших в Купавне курс обучения и вернувшихся домой с собаками, полны благодарностей. «С ним я живу и чувствую себя свободным!» – заявляет Евгений из Железногорска. «Никогда не думала, что 14 дней так могут изменить мою жизнь», – делится впечатлениями Светлана из Брянской области. «Вы подарили мне друга и надежного помощника для жизни», – пишет Наталья из Нефтеюганска. Таких писем десятки.

Впрочем, иногда собака слишком старается помочь. В 2016 году в Ростове-на-Дону слабовидящий прогуливался со своим проводником – немецкой

овчаркой по мосту, соединяющему берег реки и Зеленый остров. Это популярное место отдыха, поэтому рядом купалась компания местных жителей. Собака решила, что люди тонут, и бросилась в воду, увлекая подопечного за собой. К счастью, никто не пострадал, всех доставили на берег спасатели. Отважного проводника, решившего стать водолазом, немного поругали.

Ольга Баладина со своими подопечными

Особое меню для собак со щенками. И для котов

СОБСТВЕННЫЙ ПИТОМНИК

В школе есть несколько немецких овчарок, годятся к работе проводниками также шелти, шотландские овчарки, золотистые ретриверы. И все же больше всего в школе лабрадоров. Они смелы, дружелюбны, сообразительны и выносливы, их шерсть не требует особенного ухода, а крепкое здоровье позволяет рассчитывать на долгую службу. В 2016 году в городе Волжском установили памятник лабрадору Ленси. Собака шестнадцать лет водила по городу своего хозяина. На постаменте обычным шрифтом и шрифтом Брайля выбита надпись: «Собака-проводник – верный друг и помощник слепого». Рождаются будущие проводники в питомнике школы, необходимости закупать щенков и взрослых животных на стороне сегодня нет. Это важно, ведь инвалидам передают по 60 собак в год, и это без учета выбраковки! Не суждено стать проводниками тем, кто слишком подвижен, не может сосредоточиться на работе, увлекается охотой на мелкую городскую живность или боится машин и громких звуков. Таких собак пристраивают в добрые руки, давая объявление на сайте школы.

– Собака-поводырь должна быть спокойной, уравновешенной, но у меня щенки. Совсем флегматичными они, конечно, не должны быть. Все должно быть в меру: проводник не должен бояться людей, других собак, не должен ни на кого бросаться. Только спокойные, сбалансированные реакции, –

В помещениях питомника идеально чисто

рассказывает руководитель питомника Ольга Баладина.

Родители будущих четвероногих «курсантов» живут в питомнике, они все прошли курс обучения. Дрессировка и качество работы – единственный способ проверить характер и способности, которые передаются потомству. Ольга ведет нас в родильное отделение, самую закрытую для посторонних часть питомника. Бахилы, халаты, дезинфекция рук специальным раствором – и мы оказываемся в помещениях с теплыми полами. Назвать их боксами язык не поворачивается, настолько здесь просторно. Каждый помет (в собаководстве так называют родившихся в один день братьев и сестер) полностью изолирован от других собачьих «семей», так что у инфекций просто нет шансов заразить все поголовье.

Недавно родившая собака радуется незнакомым людям, нисколько не беспокоясь о безопасности своих щенков. Агрессия, инстинкт защиты своего потомства у этих животных полностью «выключен», собаки-проводники не те звери, которых стоит бояться. – Это счастье, – говорит Ольга Баладина, держа на руках двух щенков.

КОШКИ РАБОТАЮТ КОШКАМИ

Подготовка проводника – дело непростое. Инструктор-воспитатель выезжает с собакой в Железнодорожный и Москву, ездит с щенком в автобусах и метро, гуляет по оживленным улицам. В торговые центры и магазины войти удастся не всегда, ведь инструктор не инвалид, а щенок – не рабочая собака, и никаких особых прав закон им не дает. Приходится уговаривать охранников. К десятимесячному возрасту собаки перестают пугаться машин и поездов, обращать внимание на голубей и других собак. Затем начинается серьезная подготовка по программе и учебным планам.

– Когда собака попадает ко мне из питомника, еще не ясно, пригодна она или нет, – расска-

Проводника приучают не реагировать на животных

зывает заместитель директора школы по собаководству, руководитель учебной части Наталья Сережкина.

Именно здесь собака учит свои первые маршруты, тренируется подавать упавшую из рук человека трость и останавливаться перед сложными препятствиями. Наука дается непросто: ведь ветка или железная труба на полутора-метровую высоту никак не мешают животному, через бордюр или яму в асфальте очень легко перешагнуть. Но нужно остановиться и дождаться, пока человек «обстучит» тростью дорогу перед собой и решит двигаться дальше. Постепенно такие остановки входят в навык, а птицы, кошки и другие сильные раздражители перестают существовать. К слову, о кошках. На территории школы они везде: в пи-

томнике, в административном корпусе, в гостинице, на учебных городках и возле вольеров. Кошки не просто здесь живут, они стоят на довольствии и принимают участие в занятиях. Их работа – ходить перед самым носом у собак, приучая тех не обращать на них внимания. «Кошки у нас работают кошками», – шутят сотрудники школы. Со своей задачей эти животные отлично справляются: мы видели, как во время обеденного перерыва инвалид оставил собаку в вестибюле и ушел в столовую, немецкая овчарка скучала, но кошки в паре шагов не вызвали у нее никакого интереса.

Во время учебы не забывают и об обычных навыках послушания.

– Собака должна слушаться инвалида. Хотя бы чтобы лапки ей протереть после прогулки, она

Михаил с Лоярдом в гостиничном номере школы

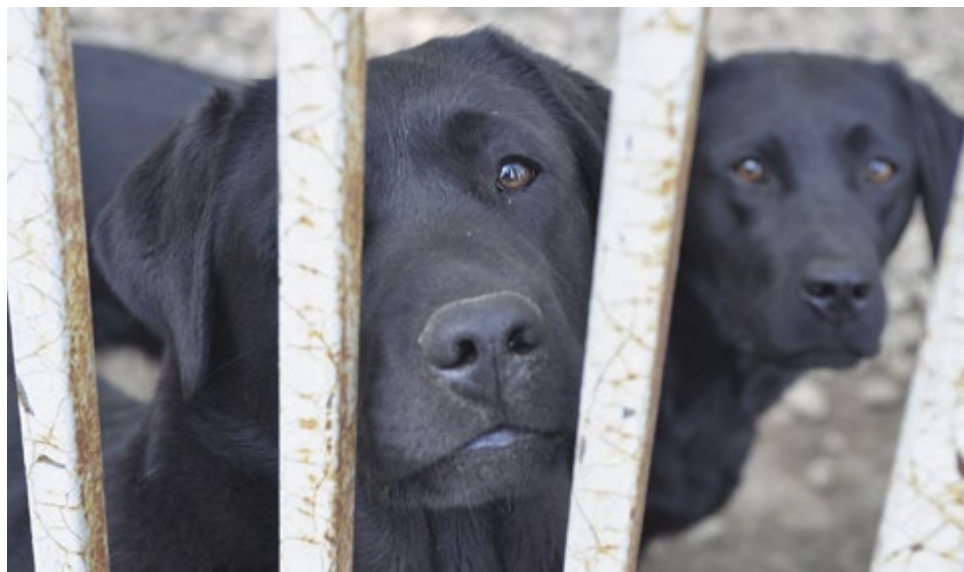
Наталья Серезкина отвечает за дрессировку всех собак школы

должна спокойно стоять. Чтобы инвалид мог заниматься своими делами в киоске или в магазине, собака должна сидеть или лежать, – говорит Наталья Серезкина, поясняя, что основная работа проходит в городе. – Я уже сижу и думаю, какие маршруты будут у меня дома. Три маршрута продумал, – говорит Михаил. Сам он себя пиртерцем не считает, говорит, что он из Петергофа. То, что это давно Петродворцовый район Северной столицы, Михаила не касается. – Лоярд воду любит. Попьет, потом лапы и морду ополоснет. Но у нас в Петергофе есть где купаться, я живу рядом с фонтанами.

СОБАКА, А НЕ НАВИГАТОР

Стать за две недели для собаки человеком номер один во всем мире – сложная задача даже для зрячего. На что смотрит собака, не отстает ли она в движении, рядом ли вообще животное – все это инвалиду по зрению приходится определять на слух и на ощупь. Инвалиду приходится слышать, чувствовать виляние хвоста, поскуливание и сопение.

Свои экзамены есть и у собаки, и у человека. Животное должно уметь по команде сидеть, сто-

Если эти звери вырвутся, то залижут любого оказавшегося рядом

Надежная выдержка – один из важнейших навыков проводника

ять и лежать, должно правильно работать на маршрутах на территории школы и в городе. Для приезжающих за собакой проводятся лекции и практические занятия. Две недели инвалид живет в гостинице на территории школы. Проживание, питание и сама собака для инвалида и его сопровождающего бесплатны, расходы оплачиваются из бюджета школы. Сдать экзамен удастся не всем. Например, в этом году уже двоим инвалидам, прошедшим

двухнедельный курс обучения, не удалось получить собаку. В одном случае мужчина не смог установить контакт с животным, они так и не стали друзьями. В другом – женщина оказалась полностью неспособной к ориентированию, единственной возможностью для нее выйти из дома и не потеряться остается помощь зрячего человека.

– Есть проблема: некоторые люди, приезжающие за собакой, думают, что это какой-то навигатор – нажал кнопку, он завелся и пошел. Нет, работу собаки нужно четко контролировать, нужно представлять, правильно она тебя ведет или нет. В одну сторону начинается один маршрут, в другую – другой. Человек, дав команду, должен понимать, по тому ли маршруту ведет его собака. Если она пытается увести его в другую сторону, нужно запретить ей это делать, – объясняет Наталья Серезкина, добавляя, что даже самая умная собака может ошибаться.

Михаил уверен в своем Лоярде. За неполные две недели в школе собака уже стала своей, к экзаменам эта команда готова.

– Приезжайте к нам в Петергоф, весь город покажем. Проведем везде, и к фонтанам, и по паркам, – говорит Михаил.

Глядя на этого человека с собакой, веришь – провести экскурсию по своему городу он теперь сможет. 🐾

НЕИСТОВЫЙ ПОИСК СЕБЯ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЛЕТО. ВСЕ ЕДУТ В СКВОШИНО. ВЕРНЕЕ, ЕДУТ ВСЕ АНАРХИСТЫ. НЕКОТОРЫЕ ЕДУТ ГОДЫ, НО ТАК НИКОГДА И НЕ ДОБИРАЮТСЯ СЮДА. ДРУГИЕ ПРИЕЗЖАЮТ, НО НЕ НАХОДЯТ В ДУШЕ СВОЕЙ ОТЗВУКА. А ТРЕТЬИ, ПРИЕХАВ, СТАНОВЯТСЯ ЧЛЕНАМИ СООБЩЕСТВА – СОЧУВСТВУЮЩИМИ, ПРИЕЗЖАЮЩИМИ, А ТО И ПОСТОЯННЫМИ. СКВОШИНО – ЭТО АНАРХИЧЕСКАЯ ОБЩИНА В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

МЕЧТАЛ ПОПАСТЬ туда и я: два года собирался. Наконец поехали. Искать на карте Сквошино бесполезно: во-первых, далеко – на самой границе с Эстонией. А во-вторых, хоть и замышлялось поселение под звучным именем Экополис, в результате приросло к нему шуточное в общем-то название, сложенное из слов «сквот» (самозахваченное место обитания) и «Простоквашино» – излюбленная зимовка кота Матроскина. Получилось – «Сквошино». Десять лет оно существует. Хотелось посмотреть: за это время удалось поселенцам сделать что-нибудь? Переживало Сквошино и эйфорические взлеты, когда сюда заселялись 20–25 человек, и досадные падения, когда коммунаров оставалось человек пять. Думал – увижу деревню. Вокруг огороды. Народ трудится, детишки визжат, а на завалинках ветераны движения сидят: и у всех на лицах харизма и бороды, как у Бакунина. Но оказалось, все совсем не так. С трассы свернули на непроезжий проселок. Навстречу нам через заросшую поляну, отмахиваясь от слепней, шел человек в камуфляжной куртке на голое тело, покрытое татуировками. – Рудик, – представился он.

– Рудик – это Рудольф, получается?

– Нет, просто Рудик.

За Рудиком сквозь лиловое море цветущих люпинов тронулись мы вглубь территории. Через несколько сот метров за деревьями открылся дом. Один. Солнечная батарея на крыше, неподвижный ветряк, дрова, черная баня. Внутри дома прибрано, чисто. Библиотечка анархистских книг: обязательный «Бакунин» Н.М. Пирумовой. И тут же неожиданность: Такэси Кайко. «Гиганты и игрушки». Еще неожиданнее: И. Пригожин, И. Стенгерс. «Время. Хаос. Квант». И тут же кумир всех новых левых – Ги Дебор. Любопытно, любопытно... В одной из комнат – оборудование для гончарной мастерской, какие-то лоскутки... Непохоже, правда, чтобы здесь недавно кто-то работал. В общем, этот дом гостевой. Каждый, кто приезжает в Сквошино, прежде всего тут оказывается. Но сейчас в доме никого не было, кроме нас и Рудика.

– А где же остальные?

– Подтянутся. У нас хуторская система. Люди, как и большинство народу в этих краях, по хуторам живут. На старой земле вот я. На новой – полкилометра отсюда – Сергей второй общий дом строит, хозяйство налаживает, за лесом, в Кудрове – это

подальше – Лена с Кириллом и детьми. Они приедут скоро, поговоритесь.

– А что, Рудик, ни сада, ни огорода хотя бы? Ведь идея вроде бы была – создать автономное поселение, картошку тут выращивать, овощи...

– Да, это была идея фикс. Но тогда все надо рассказывать сначала.

СНАЧАЛА БЫЛА ТРАГЕДИЯ

Десять лет назад была инициативная группа – в основном анархисты из Москвы и Питера, – которая и запустила проект. Ситуативным лидером был Саша Волгин. Он, может быть, одним из первых понял, что анархическая субкультура в городах переживает глубокий кризис. Акции протеста, эколо-

гических выездов в другие города, лекций, клубов – всего этого недостаточно. Слов недостаточно. Мир от этого не меняется. Дело надо делать. Создавать постоянное поселение. И там будет все то, чего мы хотим, и не будет того, чего мы не хотим. Там будет чисто, опрятно, аккуратно, экологично, там не будет жлобов, пьянки, мор-

добоя – давайте все это сделаем. Стали подыскивать место. Дом нашли случайно. Он стоял тогда ограбленный, без окон, с вырванной дверью: хозяином был оперный певец, который за границу уехал, так что дом, по сути, был брошенный.

Волгин, Юля и Миша решили здесь зимовать. Окна-двери вставили, перезимовали кое-как.

Весной огородик разбили – все по плану. Стал народ навеваться. Пошла жизнь. Юля и Миша даже свадьбу здесь отпраздновали. Собирались ехать в Крым. И вот буквально накануне отъезда их на трассе сбила фура. Обоих насмерть. Эта новость огромный резонанс получила среди анархистов: на похороны и на сорок дней очень много народу собралось, и решили, что нельзя Сквошино бросать. Надо продолжать строить свой эконополис. Так сюда пришла первая волна поселенцев. Жили все в одном общем доме на первых порах. Потом было решено строить еще один общий дом на новой земле – сейчас Сергей его достраивает – и несколько личных. А потом и Лена с Кириллом за лесом хутор купили: с детьми в общем доме, как ни крути, тяжело. А Саша Волгин – он после того случая жить здесь так и не смог – основал другую коммуну, в Краснодарском крае, где и живет сейчас с женой и детьми.

Запел чайник на слабенькой плите, подключенной к газовому баллону. Мы едва разлили чай, как на крыльце застучали чьи-то шаги, и в комнату по-свойски вбежал мальчишка лет одиннадцати.

– О, Ося! Значит, Сергей и Лена приехали, – сказал Рудик. – Надо еще чаю заварить. Сергей здесь уже восемь лет, а Лена с самого начала, лет десять – они вам расскажут.

ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ АНАРХИЯ?

Сергей оказался интеллигентным 34-летним молодым человеком, который приехал сюда из Белоруссии. По образованию – экономист-маркетолог. Но как-то почитал книжки и понял, что он – анархист. Это почти со всеми анархистами так и случается: анархизм архетипичен. Что это значит? Что на тысячу человек рождается, скажем, три или пять с таким подбором внутренних характеристик или, короче говоря, с таким архетипом личности,

В Сквошино принято работать. Поначалу это удивляет

что в итоге они объявятся анархистами. Три на тысячу. «Прочел я «Записки революционера» Кропоткина и понял, что я анархист...». Попал в традицию. Узнал своих. И ведь буквально со всеми так было: даже с последним крупным российским анархическим философом, Василием Налимовым, в ранней юности (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2017 год, статья «Последний рыцарь». – Прим. ред.).

У Лены судьба типичная: она из Москвы, училась на филфаке, в Литературном институте – и тот, и другой бросила. Поняла: не ее. Преподаватель в МГУ увлек анархизмом. С тех пор были, разумеется, сквоты, акции протеста, клуб имени Джерри Рубина на Ленинском, выезды на экологически-протестные акции в Воткинск, Самару и Пермь. С мужем, Кириллом, познакомилась пятнадцать лет назад на одной из акций. И тоже в какой-то момент все это надоело: что толку в разговорах, если твои слова адресованы только таким же, как ты. Вот тогда и возникло Сквошино – как альтернатива всей городской жизни и, как заметил Рудик, «непрекращающейся дискотеке в мозгах».

– Так чего же за десять лет вам удалось добиться?

– За десять лет тут чего только не было! – говорит Сергей. – Огороды, керамическая мастерская, пилорама, строительство, детские школы, помощь местным. Когда нас здесь было много, у нас был один из принципов – некоммерческое взаимодействие с соседями. То есть нам звонили бабушки, соседи, звали чем-то помочь по

стройке, что-то убрать, еще что-то – мы были всегда готовы. Как тимуровская команда, которая за пирожки готова была что-нибудь хорошее сделать соседям. Теперь нас постоянно живет здесь четверо. Управление – коллегиальное. Есть свои дела, есть общественные. Общественным – предпочтение. Все важные вопросы решаются общим собранием единогласно, решение обсуждается, пока оно не удовлетворит всех: например, мы все высказались за то, что в коммуне запрещено употребление любых психоактивных веществ.

– И все-таки наша беда в том, что мы так и не смогли создать совместное производство, – вступает в разговор Лена. – Почему? Элементарно: не все смогли здесь жить. В городе привычнее: работа, зарплата, отдых привычный, школы, детские сады... А нам все приходится делать своими руками. И быт тянуть, и детей тянуть, и из идеи как-то не выскочить.

– Прожив здесь восемь лет, я вижу основную проблему коммуны в том, что мы до конца так и не освоили технологию построения иного социу-

ма, – продолжает Сергей. – Эта технология требует навыков: психологических, социальных, умения принимать решения, вести диалог, вместе мечтать – я бы даже так сказал. И мы не намечтали чего-то главного. Потому что в конце концов уперлись в то, что мы не понимаем, какая у нас общая цель. То есть каждый мог сказать что-то за себя, но собрать это вместе мы в итоге не смогли...

– А зачем вам цель, идея? При чем здесь анархия? Вы сели на землю – земля сама по себе философия: «берем лопатка, копаем грядку». Важен результат. Разве не так?

– Лично для меня важно не только то, что я делаю, но и то, как я это делаю, – ответил

На террасе
общинного дома

Сергей –
романтик
сквошинского
эксперимента

Сергей. – Здесь я чувствую себя свободным. Я не клерк. Я связан очень хорошими отношениями с очень хорошими людьми, которые мне помогают. Новый дом строили, наверное, более ста человек – все, кто сюда приезжал, прикладывали руку к нему. Так что важен не только результат, но и процесс. И процесс, может быть, даже важнее.

Из всех сквошинских коммунаров Сергей, конечно, самый яркий романтик. На майке у него – Виктор Цой. На губах – улыбка. В руках – сила. А в голове – сияние. Он все-таки верит, что социальный эксперимент не закончен и новое общество – общество правды, труда, взаимоуважения – оно тут, в Сквошино, существует. Пусть не совсем такое, как мечталось. Но это, по крайней мере, не нынешнее общество потребления с его сомнительными «ценностями» и реалиями. Сергей из него ушел. В Сквошино. И единственная его мечта теперь – достроить дом, забрать жену и детей из Питера и остаться здесь на ПМЖ. Потому что для него анархия – это состояние души, когда ты понимаешь, что все, что ты делаешь, меняет мир и эти изменения – они несовместимы с манипулированием, неискренностью и обманом.

ДОМ, КОТОРЫЙ СТРОИЛИ ВСЕ

Второй общий дом коммунары достраивают сейчас на «средней земле» – недалеко от дома гостевого, где нас принимал Рудик. Сейчас этим занимается в основном Сергей. Когда-то здесь был хутор сето – маленького финского народца, который в России исчисляется несколькими сотнями человек. Анархисты уважают сето. Со своим хуторским сознанием и культом природы они «намагнитили» территорию, вдохнули дух в эти места. От сето на подворье остался 14-метровый каменный колодец и развалины сложенного из валунов сарая. В этот ландшафт и

вписался дом. Уникальность его в том, что он абсолютно круглый. И изнутри, из-за отсутствия углов и перегородок, кажется огромной юртой. И построен необычно: стены сложены из поленьев, положенных на глину, как на раствор. Изнутри и снаружи стены обмазаны глиной. Вид непривычный, но дом большой, теплый, просторный, электричество есть. Жить можно. В каком-то смысле – типично анархический дом. Потому что анархисты строят не вертикаль, а горизонталь. А главный принцип горизонтальности каков? Все должно производиться на местности: продукты, строительные материалы, керамика...

– Сергей, – говорю, – а ведь это не шутка – прожить здесь восемь лет.

– Нет, это совсем не шутка, – отвечает. – Шутка, что один год жизни в Сквошино приравнивается к трем годам «в миру» – настолько здесь спрессовано все. Но я именно это и искал. И нашел. Первые несколько лет мы все жили в какой-то эмоциональной эйфории. Мы чувствовали свою силу, были полны энтузиазма, вписывались в любые движухи, брались за множество дел...

– Ты думаешь, это ушло?

– Это ушло с поверхностного уровня на глубинный. Более серьезный. И этот процесс живой. Он как происходил десять лет назад, когда ребята все начинали, так он происходит и сейчас. Во дворе Ося самозабвенно колол дрова. У него уже неплохо получалось. Рудик сказал: «Сквошино – это школа для суровых мужчин». Ну, вот Осе и нравится в 11 лет чувствовать себя «суровым мужчиной». Колоть дрова. Просеивать песок. Строить дом...

Но я опять спросил Сергея не о доме. Я спросил его, какое самое светлое воспоминание осталось у него после восьми лет жизни в Сквошино. И это оказалось воспоминание о том, как они помогали другу валить лес для дома на отведенной делян-

Это Ося. Ему нравится игра в суровых мужчин

ке. Тогда сюда одновременно приехали анархисты с Украины и из Казахстана. Всем интернационалом на лесоповал и ездили... Сыпал снег. Ревели бензопилы. Им было весело. Им все было по плечу...

Потом Сергей повел нас в лес. Но сначала мы прошли сквозь заросли борщевика. Это – фронт Сергея. А награда его и краса – 5,5 гектара леса и сада, которые сквошинцы насадили на новой земле. Все коммунары сажали: пихты, лиственницы, дикушки яблони, груши. Есть такая программа: «Родной лес». По ней

150 миллионов деревьев должно быть посажено. Лена связалась с ними. Они саженцы прислали бесплатно. Пока деревца, правда, в траве теряются, пропалывать приходится. Но тут дело во времени. Может, Сергей еще привьет к яблоневым дичкам культурные побеги. И здесь будет сад...

Лена тем временем звонила мужу. Потом грустно говорила: пока нельзя. Бутылки стерилизует. Давайте попозже?

Попозже так попозже. Мы сели с Сергеем у старого колодца, я спросил:

Быт у анархистов аскетический

– Вот вам тут всем лет по 35. Но приезжает ли к вам молодежь?
– За последние два года... Не припомню.

– Вот мне и кажется, что 20-летние – уже другие. Им уже не хочется на землю. Тут копать надо. Тут слепни кусают. Их это не прикалывает больше. А они живут ситуативно, «по приколу».

– Когда мы сюда приехали, мы хотели изменить мир. Мир не хотел меняться, и тогда мы стали пытаться изменить друг друга. Это не принесло нам ничего хорошего. Сейчас, через восемь лет, я думаю, начинать надо с себя, изменять нужно себя. Это хорошо, что мир не такой простой, как казалось. Что мир на самом деле сложнее и, чтобы в нем жить, нужно учиться видеть, что есть другие люди, которые по-другому все чувствуют. И мир, в котором ты живешь, не ограничен рамками твоего представления о нем... Так что я не знаю, как там обернется с 20-летними. Но свои романтики находятся в каждом поколении...

Лена тем временем еще раз позвонила мужу и наконец сказала:

– Пора!

ДОМ ЛЕНЫ И КИРИЛЛА

У дома Лены нас встретили три дочки: Ума, Агния и Веда. С ними рядом прилегла чумахая свинка Елизавета Макаровна. Ее роль в хозяйстве – подбедать отходы пивного производства Кирилла. Она успешно справлялась с этой задачей, пока ночью не прогулялась в лес и не полюбила там дикого кабана. И возник вопрос: что делать с потомством? Потому что все сквошинцы – вегетарианцы. И резать поросят не хотят. Лена с Кириллом арендовали этот хутор, когда им надоело

Интерьер
общинного дома,
построенного
из дерева
и глины

Лена –
организатор
всех совместных
проектов
коммун

жить в общем доме. Соседей – никаких. До Сергея – километра 2 с половиной, если знать, как пройти напрямик через лес. Но и до российско-эстонской границы – рукой подать. Мы поинтересовались:

– А не трясли вас здесь «погранцы»?

– Поначалу-то очень трясли, – рассмеялся Кирилл. – Один раз подходим к дому – а из погреба два «погранца». Мы им: «Вы кто такие?» Они спокойно так отвечают: тут границу перешел двухметровый негр в натовской форме. Вы не замечали ничего такого? – Да нет... – А зачем вам варенья столько? Надо бы у вас обыск сделать... Теперь спокойно: заедет разве участковый пограничник. Или вон, на День пограничника «погранцы» заходили пиво попить. Тут все на доверии. Но, правда, если из города кто-нибудь убежит – нас обязательно проверяют. На всякий случай. Тут в прошлом году в гостевой дом девочка прибежала, из Питера. Там какая-то история в семье. Мусульманская семья, короче, выдали ее замуж чуть не в 15 лет, а муж ей не нравится. Ну, она и сбежала сюда. Несколько дней жила. Потом –

Рудик рассказывал: возвращается он со двора, а девочки нету. Чашка ее стоит. Чай налит. Чуть ли еще не парок над ним вьется... А ее – нету. Оказалось, она не выдержала, решила домой позвонить. Пошла «ловить волну» поближе к дороге. И как только она включила телефон – ее тотчас же засекли. И за пять минут подъехали и отвезли домой. Но, кажется, этим своим поступком она все же что-то доказала своей семье. Говорила: когда мне исполнится 18, я к вам обязательно приеду. Вот, ждем...

Кирилл сочувствует бунтарям, в чем бы этот бунт ни проявлялся. У каждого из сквошинцев был свой первый бунтовской сквот в каменных джунглях, каждого задерживали за участие в протестных акциях. Молодости свойственно бунтовать. Но молодость подходит к концу. И сейчас его, Кирилла, революция – это пиво. Без шуток. Вы слышали про «пивную революцию» в Европе и Америке в 1970-х годах? Я тоже не слышал, пока Кирилл не рассказал мне. Оказывается, на Западе еще в 70-е годы прошлого века люди вдруг поняли, что пивом владеют несколько мировых пивных корпораций, которые задавили небольшие пивоварни. И все пьют одинаковое пиво. Это вызвало возмущение и своего рода общественное движение за возрождение уникальных сортов пива. Целая экономика, целая культура выросла на «пивной революции».

– Что такое крафт? – увлеченно рассказывал Кирилл. – Крафт – это маленькая пивоварня, локальная. Когда ты приезжаешь на местность и у тебя местный хлеб, местный сыр, местное пиво. И за эту локальность, собственно, выступила «пивная революция» – за сохранение маленьких стилей пива, чтобы пиво было разное. Что мне понравилось в этой «крафтовой революции»? Самоуправление должно появиться из того, что люди возродят местные промыслы и продукты. Возникнет сеть их производства, сбыта, ярмарок, как было в старых деревнях.

Кирилл верит в «крафтовую революцию»

Появится «грибница» – горизонтальная структура. Начнется кооперация. Тут один фермер есть, он учителем еще в школе работает – единственный, кто выращивает картошку без пестицидов. На пестициды у него просто денег нет. Я к нему пришел и говорю: давай скооперируемся, будем выращивать хмель. Хмель дорого стоит. Где-то полторы-две тысячи за килограмм. Но фермер что-то пока в кооперации сомневается. Так что я сам несколько рядов хмеля посадил.

Гордость Кирилла – его пивоварня. Устроена очень просто. Кирилл добыл итальянский бак из нержавеющей стали, сделал из него чан для брожения. Температуру поддерживает компьютер. Насос есть, который все это дело прокачивает. Бутылки и зерно поку-

пает в Питере. Кошки охраняют зерно. Свинка подбедает отходы производства. И результат: пиво KRIVE. Его уникальность в том, что оно часто сварено без хмеля. Так варили в Средние века: на травах. Состав травяного сбора слишком долго рассказывать. За некоторыми травами ездили специально в Эстонию. Фильтруется пиво через можжевельник. Кирилл, по доброте душевной, одарил нас своим продуктом. Вкус действительно удивительный: горьковатый, как ему и положено, но с теми неуловимыми ароматами, которые могут придать напитку только травы.

ПОЗДНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

На следующий вечер у сквошинцев была запланирована баня. А у нас – встреча в другом месте. Мы этого как-то сразу не сказали, и получилось, что они стали нас уговаривать: приходите, говорили, завтра Тимофей придет. Наш друг. Очень интересно с деревом работает. Хлеб прекрасный печет. И еще холодным способом отжимает масло – льняное и конопляное. – У него все запатентовано, – уговаривали нас. – И Гусляна придет. Тоже наша подруга. Занялась восстановлением про-

Свинья Елизавета Макаровна – работник пивного фронта

цесса льноделания. Выращиваешь лен, отбиваешь, прядешь из него нитки, ткешь одежду, окрашиваешь разными травами. Сейчас у нее кудельный двор. Она делает природные моющие средства – шампуни, мыла. У нее очень классный дизайн. Но ей тоже, как и с пивоварением у нас, легализация с моющими средствами и прочим не светит. Но она все равно до упаду работает...

Так, слово за слово, вокруг Сквошино начала разрастаться «грибница» других домов, других поселений, с которыми коммуна так или иначе связана. Прежде всего с ремесленниками – кузнецами, столярами и т.д., – которые объединены в «содружество изборских мастеров». Все на территории знают друг друга. Сейчас деревни Севера России, где нет развитого сельского хозяйства, представляют собой любопытную картину, похожую на лоскутное одеяло. Тут вот кузнец поселился. Тут пасечник. Тут просто хутор сето Юко Вариксоо. Тут бабушка цветы разводит профессионально. А тут «сказочники» живут: Дубыня, Лель, Метелица... Здесь – художники. Там – биологи. Рядом – поселение «анаста-

сиевцев». Сейчас это, пожалуй, главный тренд в поселенческом движении, благодаря писателю Владимиру Мегре – он написал целую серию книг о своей встрече с некой Анастасией, которая и поведала ему, как надо жить. Родовое единство. Жизнь на земле в гармонии... Язычество. По отношению к анархизму «анастасиевцы» – другая

Хутор Лены
и Кирилла

Сейчас
в деревне
и один в поле
воин. Не то что
двое

культура. Но с анархистами они сошлись в общих ценностях – честности, справедливости, открытом взаимодействии. Они дружат. Кстати, один из «анастасиевцев», Дима, на своем пазике помогал сквошинцам железо с полей вывозить: много техники битой валялось. А они ее сдали на металлолом и еще денег получили...

Те деревни, где не произошло «прививки городом», либо умирают, либо уже умерли, ушли в землю – видал и такое. Но сейчас в деревне чувствуется какая-то новая жизнь: она непохожа на старую, она непонятная, пестрая, лоскутная, мало еще продуктивная – но благодаря ей деревня больше не мертва... Одни поселенцы – речку прочистят. Другие – мост уложат. Третьи – дом поправят. А четвертые даже и церковь срубят. Везде что-нибудь меняется. Брожение идет повсеместное. Но что из этого выйдет – мы не знаем. Как можем мы что-то предсказывать на двадцать, да что там – на десять лет вперед?! В современной-то обстановке? Есть вопросы без ответов. Как вопрос, мучающий Лену: останутся ли ее дочки с нею? Смогут ли себя реализовать в деревенской жизни или умотают в город? Жизнь в деревне становится все интереснее, но она трудна, а в городе все так обманчиво просто: товар – деньги – товар.

Стало прохладней к вечеру. Рудик проводил нас по тропинке до автомобиля, оставленного возле проселка. Кашлянул.

– Я, вообще, на днях уезжать собираюсь. На год. В Европу – по таким же анархическим поселениям. Посмотреть, как там у них в плане быта, хозяйства, идеологии, технологии. Для меня в Сквошино все ясно: так, как мы живем, это и есть революция. Мы отказались от общества потребления, мы – вне государства, мы создаем горизонталь, мы дружим и кооперируемся с другими людьми...

Надо теперь посмотреть, чего они там, в Европах, добились. Они не глупей нас. Мы – не глупей их. Как-нибудь договоримся... ■

СОЛЬ ГАЛИЧСКАЯ

АВТОР

**ЗИНАИДА
КУРБАТОВА**

ФОТО

**ЛЕОНИДА
АРОНЧИКОВА**

В ДРЕВНИЙ ГОРОД СОЛИГАЛИЧ НА СЕВЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ МОЖНО ДОБРАТЬСЯ НА ПОЕЗДЕ, А МОЖНО И НА АВТОМОБИЛЕ – МЫ ЕХАЛИ ИЗ МОСКВЫ ВСЕГО ШЕСТЬ ЧАСОВ ПО ВПОЛНЕ СНОСНОЙ ДОРОГЕ. ЗДЕСЬ ЕСТЬ ГДЕ РАСПОЛОЖИТЬСЯ: МОЖНО ВЫБРАТЬ МЕЖДУ ГОСТЕВЫМ ДОМОМ И БАЗОЙ ОТДЫХА ИЗВЕСТКОВОГО КОМБИНАТА. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТУРИСТЫ БЫВАЮТ В СОЛИГАЛИЧЕ НЕЧАСТО.

Ж

ЕЛАЮЩИЕ ПОСЕТИТЬ русскую глубинку стремятся увидеть за одно путешествие несколько городов. Один из популярных маршрутов, например, пролегает через Кострому, Вологду и Ярославль. Но Солигаличу не повезло. От него до Тотьмы, города в Вологодской области, всего 130 километров. Но хорошей автомобильной дороги нет, часть пути абсолютно разбита. Получается, Солигалич находится на от-

шибе, и туристические автобусы сюда не свернут – невыгодно. А ведь здесь есть что посмотреть: монастыри и храмы, старинные деревянные торговые ряды, небольшой музей с прекрасной коллекцией живописи, остатки соляных колодцев, Монзенская железная дорога, фабрика, где делают валенки на раритетных станках. Для осмотра всего этого не хватит и двух дней. Что уж говорить про отдельные домики – чудеса деревянного зодчества.

Воскресенский мужской монастырь хорошо виден с противоположного берега реки Костромы. Вблизи обитель выглядит печально.

ОБАЯНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДКА

Солигалич — город неспешный, патриархальный. Кажется, за последние полтора столетия тут ничего не изменилось. В XIX веке здесь так же медленно текла река Кострома, а небогатые мелкопоместные дворяне давили мух на окнах теплыми августовскими вечерами. Лишь несколько событий всколыхнули город за прошедшие века. Одно из них — появление в городе плен-

Деревянный Солигалич, справа фрагмент торговых рядов, которые были реконструированы в 1990-х годах

На улице Вылузгина стоят два богатых дома братьев Собенниковых, в одном из них состоялся 1-й уездный съезд Совета рабочих и крестьянских депутатов, о чем сообщает табличка. Но прежде всего дом славится деревянным кружевом фронтона и наличников

ных турок после войны 1877–1878 годов. По воспоминаниям старожилов, смуглые люди в черных шапочках с кистями свободно ходили по городку. Их привлекали к различным работам, турки, например, хорошо делали кожаную обувь. Запомнил город и открытое недовольство властью большевиков, когда разгневанный народ убил Василия Вылузгина — первого председателя солигаличского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Ответом на гибель большевика стал расстрел местных жителей. Сейчас об этом напоминает памят-

ная доска на бывшем здании тюрьмы. Бюст Вылузгина стоит в глубине одноименной улицы, прежде Соборной, и совершенно не виден из-за разросшихся кущ.

В хорошую погоду окна в домах открыты, домохозяйки, опершись на подоконники, часами наблюдают за редкими прохожими. Со всеми здороваются, с приезжими стремятся завязать разговор.

В церковные праздники храм Преображения Господня полон. На паперти сидят нарядно одетые женщины с детьми, после службы не расходятся, ведут долгие разговоры о жизни. Событий в Солигаличе немного, одно из развлечений — народный театр, на сцене которого вечером блистают те же горожане, что утром пели на клиросе в храме. Поговоришь с жителями, удивишься простодушию, искренности.

После службы настоятель Преображенского собора протоиерей Александр Смирнов приглашает нас в соседнее здание: после революции Никольскую церковь перестроили, и она так и осталась изуродованной. Теперь здесь духовный центр «Солоница». В провинции роль батюшки трудно пере-

Атмосфера
Солигалича сонная,
патриархальная.
Каменных домов
не так много,
деревянные летом
утопают в зелени

оценить. Занятия в воскресной школе проходят несколько раз в неделю, детей учат не только Закону Божьему. По сути, здесь действуют кружки по рукоделию, есть даже старинный станок, на котором учат ткать и девочек, и мальчиков. Матушка Ольга по образованию музыкант, она не только регент, но и руководитель детского хора. Летом отец Александр водит детей в походы – это практические занятия по краеведению: изучают усадьбы Солигаличского района.

На столе у отца Александра – черная соль. Это специфическое лакомство, местная гордость. Готовить его умеют не все, секретом делиться не торопятся. Мы поняли, что белую поваренную соль перетирают с хлебным мякишем, а потом запекают в русской печи. Солигаличские мужички, когда едут на заработки в Москву или Питер, обязательно берут из дома мешочек с черной солью.

Дом купцов
Собенниковых
на улице
Вылузгина
выкрашен
необычно,
ярко-желтой
краской

ГОРОД СОЛЕВАРОВ

Из летописи солигаличского Воскресенского монастыря известно не так уж много. История городка началась с чудесных видений князя Федора Семеновича, одного из потомков Константина Ярославича – родного брата Александра Невского. На правом берегу реки Костромы, в 100 километрах от столицы княжества – Галича Мерьского, князь Федор решил построить церковь Воскресения Христова и основать монастырь. Было это в 1335 году. Летописец

сообщает: «Место же то бьяше лесно». Что ж, Солигалич и сейчас окружен лесами, и самый доходный бизнес здесь связан с лесом. А в том же, XIV веке здесь открыли соляные источники, первые упоминания о них есть в духовном завещании Ивана Калиты в 1332 году. Вскоре город стал одним из центров солеварения и получил имя Соль Галичская. Неслучайно на его гербе изображены три стопки соли в золотом поле. На протяжении столетий здесь действовал 21 рассольный колодец. Глубина колодцев на соляных источниках доходила до 10 сажень, строили их, вгоняя в землю толстый кол. В XIX веке колодцы делали уже в 50 сажень, и тогда они даже фонтанировали. В специальных избах – варницах – ставили котлы с рассолом, разводили под ними огонь и выпаривали соль. Работа была изнурительной и вредной: соль разъедала глаза. Солигаличских профессионалов ценили, они даже налаживали солеварение в других городах.

ОДНОДУМ

Великого писателя Николая Лескова совсем не знают на Западе – язык, которым восхищаются русскоязычные филологи, представляет невероятную трудность для переводчика. Лесков исколесил всю страну, забирался в самую глухомань – от Белого моря до Поволжья. Наверное, нет другого русского писателя, который составил бы такую «энциклопедию» народных типов и так восхищался философами из народа. Герой рассказа «Однодум», написанного в 1879 году, солигаличский квартальный надзиратель Александр Рыжов – чудаковатый антик (человек, отличающийся необычными манерами и поведением) и библиейский социалист. Сын вдовы, торговавшей на площади пирогами, презирал материальные блага и не брал взяток в отличие от предшественников. Свои мысли он заносил в специальную тетрадку, и этот философский труд назвал «Однодумом». Костромской губернатор Сергей Ланской, заехав в Солигалич, пожелал побеседовать с кварталным и посмотреть его рукопись. «У вас очень странные поступки», – говорит губернатор. Рыжов спокойно отвечает: «Не замечаю: всякому то кажется странно, что самому не свойственно».

Документы подтверждают существование прототипа лесковского антика. «Костромские губернские ведомости» от 18 января 1841 года сообщают о награжденных за выслугу лет, в списке которых есть и солигаличский квартальный надзиратель, титулярный советник Александр Рыжов. Костромской краевед Иван Данильченко на плане Солигалича 1779 года нашел двор подканцеляриста земского суда Афанасия Васильева сына Рыжова. Он находился прямо напротив алтаря Рождественского собора – через улицу. С большой долей вероятности можно сказать, что Однодум как раз и есть сын Афанасия Рыжова.

Соль вывозили по Костроме и далее по Волге. Солигалич богател и расцветал.

Но в конце XVIII века соль стали поставлять из Перми и других городов, где добывать ее было проще. Затем появился указ о соляной монополии, дававший право торговать солью только казне. После пожара, истребившего в 1808 году почти весь Солигалич, колодцы засыпали, а в 1821 году Государственный совет отдал солеварное производство в вечное и потомственное владение местному купцу Кокореву.

Постепенно выварка соли стала убыточным производством. История Солигалича как центра солеварения закончилась. Одна-

ко в это же время в городке обнаружили источники целебной минеральной воды. В 1858 году в Солигалич приехал знаменитый химик и композитор Александр Бородин, который исследовал состав минеральной воды и фактически организовал лечение на курорте. Санаторий имени Бородина существует и сегодня, он находится в центре Солигалича и пользуется пациентов с проблемами опорно-двигательного аппарата. На территории есть и сохранившийся колодец с минеральной водой. Отец Александр показал нам еще два соляных источника – у собора Рождества Богородицы и Преображенской церкви.

Уникальные деревянные торговые ряды построены в 1830-х годах на Красной площади Солигалича. Других таких нет в стране. Обидно, что памятник федерального значения погибает

Крашенный серебряной краской Ильич, неременное украшение любого провинциального городка, есть и в Солигаличе. Стоит он на главной площади, которая носит название Красной

СОБОР РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

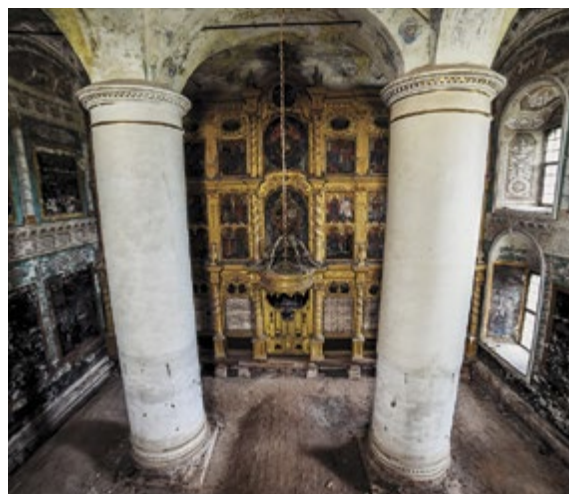
Улица, на которой стоял домик Однотума, находится в центре города. Она тихая, заросшая травой по обочинам. Здесь редко проезжают автомобили. До 1918 года она называлась Соборной. Именно здесь находится главный храм города – желто-белый собор Рождества Пресвятой Богородицы. Обычно он закрыт: службы здесь не ведут, хотя собор восемнадцать лет назад передали церкви. Но протоиерей Александр Смирнов любезно согласился показать нам храм.

Внутри очень холодно, две огромные печи в нижних приделах не топят уже несколько лет. Прямо от дверей высокая деревянная лестница ведет в верхние зимние церкви. Двухъярусный собор стал выдающимся архитектурным ансамблем, гордостью города. Основали Рождественский монастырь и собор около 1668 года по велению царицы Марии Ильиничны Милославской, супруги царя Алексея Михайловича. Однако строили его полтора столетия. Когда в 1669-м Мария Ильинична умерла и денег не стало, каменщики бросили стройку, доведя стены до сводов. Обитель упразднили, а собор стали достраивать только в конце XVIII века. Колокольня появилась лишь в 1886 году.

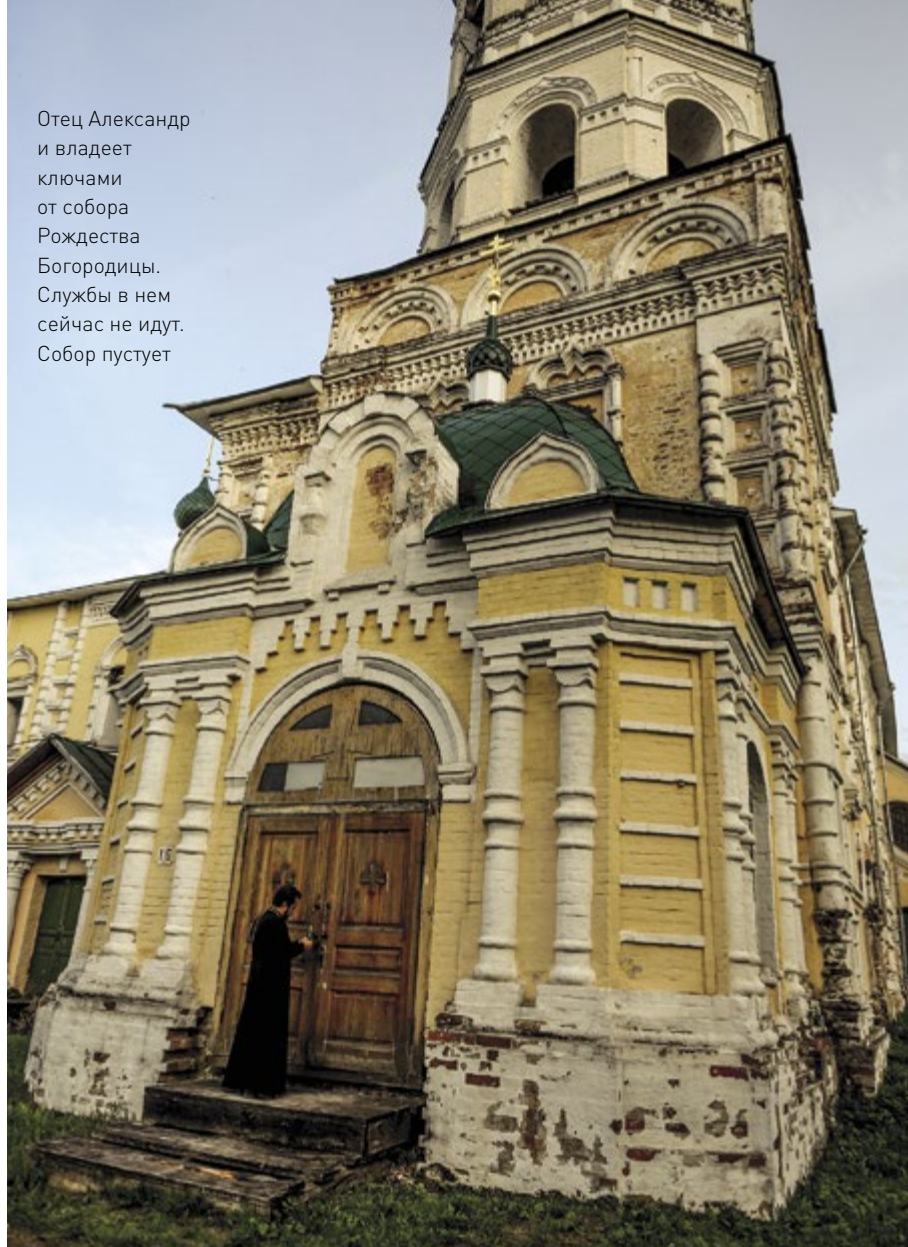
В советское время здесь был музей, поэтому росписи не закрашивали, за интерьерами следил

Протоиерей Александр Смирнов, настоятель храма Преображения Господня, один из самых известных людей города. Отец Александр собрал библиотеку книг духовного содержания, изучать эти издания приезжают студенты из столицы

Собор Рождества Пресвятой Богородицы. Его самый большой, летний придел освящен в честь Рождества Богородицы. Он не отапливается, здесь и летом холодно и сыро. Беспокойство вызывает состояние резного барочного золоченого иконостаса

Отец Александр и владеет ключами от собора Рождества Богородицы. Службы в нем сейчас не идут. Собор пустует

ли. Отец Александр ведет нас в главный придел собора Рождества Богородицы и показывает на многотонный камень у порога: «Обратите внимание на этот валун, это – идолопоклонный камень. Он лежит здесь неслучайно, и это совсем не значит, что его попирают ногами. Напротив, это символ того, что человек, перешагивал через веру предков и шел к новой, христи-

анской вере!» Можно представить, как этот камень втаскивали на второй этаж...

Летний придел храма поражает былой мощью. Расписывал храм молодой живописец Николай Лихачев, возможно, с помощниками. Искусствоведы видят здесь различные стили. Например, проемы окон украшает неожиданный гризайль. Настоящее чудо – резной барочный золоченый иконостас. В нем сохранились абсолютно все детали – от сени до головок ангелов. Отец Александр считает, что его сделали строгановские мастера, и говорит, что таких иконостасов по всей стране не так уж много. Несколько лет назад на поддержание памятника федерального значения выделили средства. Но их хватило лишь на укрепление крыши и покраску внешних стен. Иконостас вот-вот упадет. Огромные столбы стали проседать, живопись и левкас осыпаются...

ПАМЯТНИКИ СОЛИГАЛИЧА

В маленьком Солигаличе 77 объектов культурного наследия, 16 памятников федерального значения. Надежда Дудина, единственный специалист по туризму, работающая в администрации города, говорит, что москвичи особенно любят пешие прогулки по городу. Смотрят и храмы, и так называемую рядовую застройку. Бросается в глаза, что большая часть церквей некогда богатого города стоят обезглавленные, перестроенные еще с советских времен. Туристам лишь издалека показывают Воскресенский монастырь, с которого и начинался Солигалич. В XVII веке на деньги богатых солеваров монастырские постройки из деревянных перестроили в каменные. Обитель была богатой, вокруг выросла ремесленная слобода. После революции в обеих церквях, Богоявленской и Воскресенской, «поселили»

коррекционную школу, что привело к уничтожению интерьеров. Сейчас вокруг монастыря – заросли крапивы. Проржавели до черноты главы церкви Богоявления...

Центральная площадь города называется Красной. Прежде ее доминантой был огромный Крестовоздвиженский собор с колокольной. Но после революции храм был перестроен

Спасо-Преображенский собор сейчас главный храм, где молятся солигаличане и где служит отец Александр. Собор редкой красоты построен в стиле классицизм в 1821 году на пожертвования паствы

На территории Бальнеологического санатория имени Бородина стоит закрытый деревянной крышей соляной колодец, один из немногих оставшихся в городе

и приспособлен под магазины. По периметру площади когда-то шли деревянные торговые ряды. Они были построены в 1831 году, говорят, образцом для них послужили каменные ряды в Костроме. Это уникальный памятник – таких больше нет в России. Сейчас на площади остались так называемые Старые торговые ряды, они давно закрыты строительной сеткой, памятник федерального значения вот-вот рухнет. Одну линию рядов восстановили, но это призрачная реконструкция. Здесь сдают в аренду магазинчики, туристам предлагают пройти по галерее воссозданного торгового ряда и хотя бы приблизительно представить, как все это выглядело в XIX веке. Тогда купцы также арендовали у города лавочки, позади рядов были склады для товаров. Именно здесь и продавала свои пироги мать Одному.

ВАЛЕНКИ ИЗ СОЛИГАЛИЧА

Градообразующее предприятие в Солигаличе – известковый комбинат. Он имеет даже свою Монзенскую железную дорогу. Второе по величине предприятие – сыроваренная фабрика. Есть частные лесозаготовительные предприятия. И одно уникальное производство.

Примерно с 1920-х годов на улице Вылузгина открылась артель «Красный Октябрь», занимавшаяся производством валенок. Она и сейчас находится здесь – в стареньком здании, где раньше помещалась тюрьма. Документы фабрики утрачены, известно лишь, что во время войны она снабжала валенками фронт. На других производствах, где катают валенки, например в Ярославле, все механизировано. А в Солигаличе – работа ручная и машины, которые сами являются раритетами и по которым скучает экспозиция в музее. Здесь вполне мог бы писать свои картины знаменитый художник Александр Самохвалов – в цеху снуют крепкие деревенские девушки, одетые в ярко-синие халаты и рыжие передники. Процесс начинается с того, что привезенную шерсть обрабатывают и очищают. Затем мастерицы делают заготовки, которые гораздо больше будущих валенок. Заготовки много раз отмачивают в кипятке, затем растягивают на специальных ножницах, выколачивают на колодке, сушат. Валяная шерсть должна стать плотной и однородной.

Фабрика обанкротилась, и год назад ее выкупила Олеся Богачева. Наладила рекламу, открыла в Солигаличе магазин. Туристов обязательно ведут на фабрику, иногда проводят мастер-классы. Думаю, фабрике надо было бы дать статус национального достояния, но местные чиновники не думают об этом. И Олеся тоже – она занята: валенки продаются не очень бойко, а зарплату работникам надо платить.

Фабрика, на которой катают валенки, в 1990-х стала частной. Здесь работают 12 мастериц, среди которых и многодетная мать Олеся Кукушкина

КРЕПОСТНОЙ ГЕНИЙ

В 1973 году на Крымском Валу в Москве прошла выставка «Солигаличские находки», годом позже здесь показали портреты XVIII–XIX веков из Костромской области. На плакате выставки красовался портрет маленькой девочки – Анны Лермонтовой. Эта картина стала символом русской провинциальной живописи, которую только в 1960–1970-е годы начали открывать искусствоведы. Виктор Игнатъев, в то время директор Костромского музея, нашел эти потемневшие от времени картины. Они происходили из усадьбы Нероново, что в 25 километрах от Солигалича. Она принадлежала дворянам Черевиным.

Портрет А.С. Лермонтовой, написанный в 1776 году Григорием Островским

Портрет Лермонтовой был в очень плохом состоянии. На обороте обнаружилась надпись: «Портрет Анны Сергеевны Лермонтовой. От роду пять лет. Писан в 1776. ПГО». Очевидно, «ПГО» расшифровывается как «писал Григорий Островский» (другие работы мастер подписывал полным именем. – Прим. авт.). Портрет отреставрировал в Центре Грабаря Сергей Голушкин. Картины Островского хотели оставить в Москве, но страстный защитник русской провинциальной культуры Савва Ямщиков почти тайно вернул их Солигаличу. Теперь в Солигаличском краеведческом музее имени Г.И. Невельского находятся 14 портретов кисти Островского. Туристов ведут на второй этаж особняка Завьялова, в котором расположен музей. Целый зал занимают картины гения из Неронова. В центре – портрет Анны Лермонтовой, девочки в голубом декольтированном платье с прической, украшенной розовыми лентами. Тонкие нежные краски, очертания лица и фигуры, которые как будто тают – настолько тонко и нежно они написаны. Лермонтовы жили недалеко от Солигалича – в поместье Маслетино. Первый портрет Островский написал в 1741 году, на этой кар-

Татьяна Солдовская, с 1974 года легендарный директор Краеведческого музея имени Невельского. Когда-то музей находился в соборе Рождества Богородицы, именно благодаря Солдовской сохранился барочный иконостас и все интерьеры

тине – Петр Иванович Черевин. Изображение почти плоское, это так называемая парсунная живопись, характерная для русских художников XVII–XVIII веков. Работы, написанные Островским в середине 1770-х, отличаются уже сложившейся манерой. Портреты очень хорошо передают характер персон. Татьяна Солдовская, руководящая музеем уже полвека, говорит, что каждый вечер, уходя с работы, разговаривает с этими портретами: «Наталия Степановна Черевина всегда с такой загадкой на меня смотрит, у нее такой мудрый взгляд». Видно, что у дамы преклонного возраста в чепце, кружева которого Островский написал виртуозно, еще и характер властный. О самом Григории Силовиче Островском известно совсем мало. Провинциальные дворяне Екатерининской эпохи не хотели отставать от столицы и желали иметь портретные галереи всей семьи. «Я придерживаюсь того взгляда, что Островский был крепостным, но не обязательно дворян Черевиных, – говорит Татьяна Солдовская. – Его могли пригласить, заказать работу, это был обычный «обмен» между дворянами. В таком случае деньги платили владельцам, а самому исполнителю полагался только

провиант». Савва Ямщиков был уверен, что Островский учился у иконописца, ведь подписывал он картины на церковнославянском языке. Известно, что Островский расписывал храмы в Великом Устюге, на этом сведения о нем кончаются.

ЛИХАЧЕВЫ

Помимо живописца Николая Лихачева, что расписывал храм Рождества Богородицы, в Солигаличе жило до последнего времени целых шесть семейств, носящих

Г. Островский. Портрет Н.С. Червиной. 1774 год

эту фамилию. Как это нередко бывает, многие энергичные солигаличане уезжали из родных мест в столицу. Один из них, Павел Петрович Лихачев, стал главой петербургской ветви Лихачевых. Вплоть до XX века это было семейство купцов, поставщиков императорского двора, щедрых благотворителей и потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга. Прямым потомком Павла Петровича был и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. «Согласно архивным данным (РГИА. Фонд 1343. Оп. 39. Дело 2777), основатель петербургского рода Лихачевых – Лихачев Павел Петрович – из «детей купеческих Солигаличских», был принят в 1794 г. во вторую гильдию купцов Санкт-Петербурга, – писал Дмитрий Сергеевич в «Воспоминаниях». – Приехал он в Петербург, конечно, раньше и был достаточно богат, ибо вскоре приобрел большой участок на Невском проспекте, где открыл мастерскую золотойшвейного дела на два станка и магазин – прямо против Большого Гостиного двора... На известной панораме Невского проспекта В.С. Садовникова изображен магазин с вывеской «Лихачевъ» (такие вывески с указанием одной только фамилии были приняты для самых известных магазинов). В шести окнах по фасаду выставлены скрещенные сабли и различного рода золотошвейные и позументные изделия». В Солигаличе нам показали дом в три окна, крашенный коричневой краской, который здесь так и зовут: «Дом Лихачевых»...

Сейчас в Солигаличе больше всего экотуристов. Людям показывают фермы, рассказывают о производстве сыра и катании валенок. А недавно в Солигаличе собрались представители городов, история которых связана с солеварением. Помимо Солигалича это Старая Русса, Тотма, село Некрасовское. Говорили о том, что хорошо бы придумать «серебряное кольцо России» – единый туристический маршрут. Но пока это только мечты. 📍

СТРАЖ ЛЕСА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПЛОХИЕ НОВОСТИ ПОВТОРЯЮТСЯ КАЖДОЕ ЛЕТО: СНОВА ПО ВСЕЙ СТРАНЕ ПОЛЫХАЮТ ЛЕСА. И КОТОРЫЙ ГОД В ЛЕСНИЧЕСТВЕ В ПОЙМЕ РЕКИ АЛАТЫРЬ НАДЕЮТСЯ НА ПАВЛА АНТИПОВА. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ОН В ОДИНОЧКУ КАРАУЛИТ МОРДОВСКИЙ ЛЕС ОТ ОГНЯ...

— **В** ОТ ВЕСНОЙ ПЕРЕПЛЫЛИ РЕКУ МАЙДАН-ские, посидели, и трава загорелась. Через маленькую речку Барахманку моста нет, — рассказывает Антипов. — Я по деревьям с берега на берег перебрался. Тушить стал траву. А то пока бы переплывал! Из лесничества пока приедут... А я уже почти все потушил сам. Лесозаводское лесничество хотя бы пачку чая прислало, что ли, в благодарность!

Я слушаю Павла и отмечаю про себя, что на сей раз он гораздо разговорчивее. Мы ведь не первый раз у него в гостях. Наша встреча состоялась еще в прошлом году. И я ее хорошо помню: тогда на кордон нас привез лесничий Большеигнатовского лесничества Евгений Французов...

ФОРПОСТ НА АЛАТЫРЕ

Участок мастера леса Павла Антипова относится к лесничеству Большеигнатовское и граничит с Лесозаводским лесничеством. На этом обширном и безлюдном участке на реке Алатырь у коллег-соседей пунктов наблюдения нет. Зная это, Павел приглядывает за территорией коллег в пожароопас-

ный период. «Майданскими» он называет жителей села Луньгинский Майдан.

В Лесозаводском лесничестве, которое, как и Большеигнатовское, входит в состав Ардатовского, знают об ответственности живущего вдали от селений лесника и полагаются на его сознательность. Но Павлу Антипову такая двойная нагрузка досадна.

— Вы передайте им там в Лесозавод: я им не огородное пугало! Ты соль-то привез? — Так Павел встретил тогда нас и своего непосредственного начальника Евгения Французова.

Французов в который раз выслушивал упреки своего подчиненного в адрес соседей. От дальнейших претензий его спасло только то, что он привез не только соль, но и сахар, и чай, и папиросы, и даже мешок муки.

Участок Антипова находится в глубине хвойных лесов, добраться сюда сложно. Вообще-то Евгению Французову не хотелось ехать с нами в эту глушь. Ему приятнее было бы остаться в конторе, чем трястись в тесном уазике и выслушивать ворчание подчиненного. Французов вздыхал и говорил, что постоянно просит Павла присматривать за территорией чужого лесничества. Ведь если там загорится, то и Павлу пожара на своем участке не избежать.

— Эх, забыл роман какой-нибудь прихватить! У вас книги с собою никакой нет? Для Павла это было бы лучшим подарком! — спохватился Французов, когда уазик уже прыгал по лесным ямам. — Он у нас знаете какой читатель! Раньше в Большеигнатовском лесничестве, насчитывавшем 6,5 тысячи гектаров, работали 11 лесников, два мастера и помощник лесничего. Потом объединили четыре расформиро-

Кто посмеет сказать, что Павел Антипов, всю жизнь посвятивший лесу, в котором родился и вырос, не имеет права носить футболку с волками?

ванных лесничества, и почти 20 тысяч гектаров леса разделили на пять лесничих. У Павла Антипова оказался самый большой участок. А у лесничества всего лишь одна патрульная машина. Летом после дождя не проедешь. Зимой даже на тракторе добраться трудно. Только на лыжах. Так что Павел иногда на полтора-два месяца остается в одиночестве. За продуктами он ходит в село Новое Бавово – за 20 километров. Закупается и идет обратно пешком с рюкзаком за плечами. В жаркие летние дни он со своего участка не отлучается. Даже за продуктами. Иногда лесорубы с ним едой делятся, иногда – соседи-лесники во время обхода передают провиант в условленном месте. Или вот лесничий привозит муку и соль. Евгений предупредил, что Павел на участке отвыкает от людей, может и отказаться от разговора. Ему там больше с волками приходится общаться. Зимой серые разбойники его дом часто в осаду берут. «Он с крыльца стреляет, чтобы их отогнать», – рассказывал Евгений.

...Вода в ковше – из колодца, засыпанного сосновой хвоей и шишками. Сухие иголки и в ковше плавают в избытке, так что приходится их сначала оттуда выловить, а потом уж воду пить. Ее набрал Павел Антипов. И предупредил, что она свежая, он воду регулярно берет из колодца, чтобы не протухала. А то забредут на кордон люди, а вода – несвежая! Павлу стыдно будет.

Пока мы пили воду, успели приглядеться и поняли, что начальство преувеличивало, пугая необщительностью Антипова. Никакой он не дикарь, просто держится с гостями настороженно. Заметив, что я с некоторым удивлением рассматриваю его залатанную одежду с разными пуговицами, Павел усмехнулся: «Обмундирование нам выдают. Но я не знаю, как его шьют! У меня оно долго не выдерживает». Правда, Павлу все равно, как он одет: в лесу-то никто не видит. Когда после объединения лесничеств часть работников сокра-

Следить за колодцем лесника никто не обязывает, но гостей кордона всегда ждет свежая вода

тили, Павел остался в Новой Сосновке в должности мастера леса. Раньше Новая Сосновка была поселком, но сегодня, кроме жителей села Луньгинский Майдан да охотников с рыбаками, здесь мало кто появляется. Правда, иногда Павел находит заплутавших и невесть как забредших сюда людей.

Теперь это – форпост по предотвращению лесных пожаров. На пойменных лугах Алатыря прошлогодняя трава лежит плотным сухим ковром: хватит искры, чтобы все вокруг запылало. Евгений Французов вспоминает, что последнее крупное возгорание было в 2005 году, и, вздыхая, опять говорит, что Антипов спасает в весенний период два лесничества: Большеигнатовское и Лесозаводское. Услышав про последнее,

Павел снова хмурится. И припоминает старые обиды. «Так уж получается или специально он так делает, – ворчит Антипов. – Но деланки Французов как можно дальше от моего дома находит. В благодарности за мою службу, видимо». Делянка – участок леса, по возрасту подходящий для вырубki, на которой мастер леса Антипов должен присутствовать обязательно. Евгений горячо возражает: делянки выделяют согласно картам лесоустройства. Но в спор с Павлом не вступает. Ясно ведь, что тот может обидеться и повторить угрозу уволиться. А кто в эту глушь пойдет? Павел-то остался тут, потому что вырос в этом лесном поселке, здесь похоронены родители и сестра. И где еще такого лесника найдешь, вздыхал Французов...

ПОЖАР

О том, что нынешней весной Павел практически в одиночку спас лес от пожара, нам сообщил заместитель директора Ардатовского территориального лесничества Владимир Козлов. И мы снова собрались в путь.

...Поначалу Антипов был хмурым и молчаливым. Здраваясь, протянул левую руку: правая сильно обожжена. С нашей прошлой встречи он заметно изменился: новый камуфляж, никакой щетины на лице, волосы аккуратно причесаны.

– Камуфляж недавно купил. Старый сгорел! А еще два пары сапог сжег на пожаре, – неохотно объясняет он. – Теперь на месте огня успела вырасти зеленая трава. А Виктору Масленникову никто спасибо до сих пор не сказал! Павел показывает нам березки, елки и ивняк, которые пожелтели от пламени. Вокруг ям и горевшего лесоразделочного цеха уже сделана противопожарная опашка. Но воспоминания о пожаре еще не отпускают лесника. За все время его жизни на кордоне это – первое возгорание на участке. Он-то всегда ждал беды от поймы реки... Вот и 23 апреля после обеда он вернулся с берега Алатыря с

пойманной рыбой. Только поставил баки, чтобы варить рыбу для собак, а тут – звонок по сотовому телефону от соседа Виктора Масленникова. Пилорама горит! Рабочий комбинезон и сапоги Павел снять не успел. Схватил две лопаты и побежал. Пока не добежал до старой конторы лесничества, все надеялся, что сосед ошибся. Но...

За конторой поднимались столбы дыма. Дымили ямы с опилками у фундамента старой пилорамы, горел законсервированный лесоразделочный цех, языки пламени подбирались к краю леса. Виктор Масленников тушил цех. Павел закричал, что цех кирпичный тушить не надо, лес надо спасать, лес! До него огню 2 метра осталось! О том, что за эти 2 метра ему придется сражаться в одиночку, он понял сразу. Помощь от старого и больного соседа была невелика.

Павел засыпал огонь землей, топтал сапогами. Языков пламени, которые по сухой траве подбирались к лесу, было несколько. Там, где росла крапива, огонь поднимался до пояса, а там, где возвышались заросли репейника, пламя вздымалось выше головы. Павлу не нужно было смотреть

Суровый быт лесника напоминает атмосферу караульного помещения погранпоста

на лес. Он и так знал, что там вязы и дубы. Перед ними тухлятые сараи. Через овраг с водой – ольха и ивняк. А по берегу оврага вправо и влево начинается хвойный лес, и тянется он на десятки километров. Над оврагом сухие кроны деревьев сплелись, так что он не был защитой от огня...

Последний язык пламени, рвущийся к лесу, Павел потушил до приезда подмоги. К тому моменту подошвы его сапог уже были прожжены насквозь.

Цех он тушил уже с соседями-лесниками. Они привезли все, что было: мотопомпу, опрыскиватели, брезентовую емкость, лопаты, ведра. Сражались с огнем до 11 часов вечера. Убедившись, что крыше цеха больше огонь не угрожает, коллеги отправились по домам, оставив Павлу опрыскиватель, чтобы тушить тлеющие опилки в ямах. «Справляйся дальше сам, у нас в других местах сигналы!» В ту ночь Павел дважды ходил к лесу – проверить, не подбираются ли снова языки пламени к лесу. А наутро продолжил заливать ямы с опилками водой. Делал он это еще две недели, пока не начались затяжные дожди.

ВОЛКИ УШЛИ

Чтобы порадовать лесника и отвлечь его от воспоминаний о пожаре, я достаю книги, которые привез специально для Павла, заранее узнав, что он – поклонник Джека Лондона и Валентина Пикуля. Помимо Лондона и Пикуля в связке томов – Сетон-Томпсон, Марк Алданов, Дмитрий Мережковский, Владимир Арсеньев, Виктор Астафьев, Олег Куваев и Юрий Казаков. Павел, улыбаясь, бережно перебирает книги, будто здоровается с ними. Понятно, что все они будут прочитаны долгими зимними вечерами. И не беда, что электричество здесь часто отключают. У Павла есть наследство от деда, всю жизнь прожившего в этом лесу: набор фонарей «летучая мышь».

Подарок так расположил Павла, что он предлагает угостить нас ухой. И становится гораздо разговорчивее. Мы спускаемся

к озеру. Павел с грустью рассказывает о гибели своих трех собак прошедшей зимой. Он шел с топором и ружьем на делянку, проверить, убрали ли лесорубы после работы мусор. Рекс, Цыган и Черный привычно убежали вперед. У моста через лесную речку Барахманку пятна крови на снегу заставили Павла остолбенеть. Он ведь ни лая, ни визга не слышал! Оказалось, неподалеку стадо кабанов отдыхало, а под старым бревенчатым мостом их караулила стая волков. Собаки лесника фактически прибежали к ним в пасть. И хотя было у него ружье за спиной, догонять серых разбойников Павел не стал, ведь на делянке ждали лесорубы. Вернувшись домой, всю ночь прислушивался: может, кто-то из собак уцелел и вернется?

На следующий день Павел пошел на делянку пораньше, чтобы было время пройти по следам волчьей стаи вдоль Барахманки. Найденные окровавленные ошейники лишили его всяких надежд. Лесничий Французов, которому он пожаловался по телефону, только посочувствовал. Но направить охотников не смог: истреблять волков в такую глушь никто ехать не собирался. А самостоятельно начинать охоту на волков Павел не захотел: он верит в старую примету о том, что волки, когда узнают, что преследователь живет в зоне их досягаемости, могут начать мстить. Про такие случаи Павел слышался от стариков.

Теперь у Павла пара новых псов, которые путаются у нас под ногами, пока мы идем к озеру. Их ему привез родственник, Андрей Коряков. Он живет в городе. Не так давно умер его сосед, остались собаки без хозяина, вот и попросили их пристроить. Павел говорит, что псы – неплохие, но против прежних... Те в лесу выросли, рыбу сырую ели. И даже малину. «А этим, городским, рыбу варить надо», – ворчит Павел.

А волки, прежде оккупировавшие лес, в последнее время пропали. «Как – пропали?» – удивляемся мы. «А я откуда знаю?» – хмурится Антипов.

Под крестами
Валерий
Павлович и Нина
Григорьевна
Антиповы,
связавшие
судьбу с лесом,
который сейчас
охраняет их сын

ГАДЮКА КАК ОРУЖИЕ

В кустах на берегу спрятана резиновая лодка, из-под мокрого днища которой при нашем приближении метнулись в кусты несколько гадюк.

Если бы не густая листва, то с берега озера можно было бы разглядеть наверху и дом Антипова, и старое сельское кладбище. Весной озеро разлилось так, что вода поднялась почти до крыльца дома Павла. А когда вода спала, то утатила старые кресты с кладбища. Пришлось Антипову сесть в лодку, выловить их и вкопать на прежние места.

Павел накачал резиновую лодку, съездил за рыбой на другой берег озера, вернулся. Положил лодку на плечо и молча пошел к кордону. Мы едва за ним поспевали... Павел предпочитает всегда и везде ходить пешком. Это суровое правило помогает ему досконально каждый день изучать свой участок.

Всем гостям, не соблюдающим правила поведения в лесу, известен особый прием Павла Антипова: для усмирения хулиганов он наматывает гадюку на руку. Если увещевания за разведенный костер или брошенный окурок не действуют на зарвавшегося

ся озорника, то опасная близость гадюки быстро приводит в чувство. Говорят, из-за подобного инцидента Павел и ушел с высокой должности лесничего в Национальном парке: напуганный разрушитель без конца писал жалобы, а Антипов ничего доказывать не стал, просто подал заявление и ушел в Новобаевское лесничество, которое тогда располагалось в Новой Сосновке. Родители его еще были живы. Сюда его взяли работать на должность простого лесника в 1997 году. Дали участок под названием «Десятый обход», от которого все другие лесники отказывались. Не добрую славу он имел потому, что все приезжавшие комиссии начинали осмотр именно с этого участка. Лесные культуры, молодняк, делянки, столбы квартальные – все должно было быть у Павла в идеальном состоянии. Особенно придирались проверяющие из министерства к очистке делянок после вырубок. Лесорубы вырубку сделают, а уберут за собой кое-как. Но с Павлом это не проходило. И в снег, и в дождь, пока лесорубы не приберут за собой, не покидал лесник делянку. Семь лет Антипов проработал на том образцовом участке.

Огромный участок Павла Антипова расположен на берегах рек и озер

А после расформирования лесничества последние жители Новой Сосновки разъехались, и поселок превратился в лесной кордон. Как так вышло, что из 19 981 гектара, которые разделили на пять человек, у Павла оказалось леса больше всех (5388 тысяч гектаров!), он не выяснял. Все его соседи-лесники – Александр Назимкин, Валерий Абушев, Александр Абушев, Иван Абушев – живут в деревнях, с семьями. Один Павел в лесу. Обычно Антипов своих соседей видит на отводе делянок, когда коллеги приходят помогать. «Живой? Волки не съели?» – подшучивают они над отшельником. Собираться всем мастерам леса на отвод делянки заведено еще с тех времен, когда они назывались лесниками. Отводом заниматься лучше всего вчетвером или втроем. Одному не справиться. К тому же большая часть делянок для вырубок выделяется на участке Павла. Он хвойный. А у коллег Павла на участках лес смешанный. И получается, что и живут соседи-лесники с большим комфортом, и нагрузка на них меньше, и семьи рядом. Но Павел не завидует. За последние лет двадцать Антипов только раз не вышел на отвод делянки, ког-

да нога разболелась. Лечился он, прикладывая к больным местам сырую картошку. Этому научила его мать, которая работала в этом же лесничестве сезонной лесокультурницей. А отец на трелевочном тракторе готовил борозды для саженцев. Павел говорит, что родители заболели не от простуд, а из-за вирусов, которые подхватывали от забредавших охотников и рыбаков, когда те просились на постой. Поэтому незваных гостей Павел и в самом деле не любит. За продуктами Павел по-прежнему ходит в селение за 20 километров. Зимой лыжи, зачехленное ружье и валенки ему позволяют оставлять практически в любом дворе. Только достав из запячного мешка ботинки и переобувшись, он отправляется в сельскую лавку. Забирает он продукты и для своего старого соседа Виктора Масленникова. Зимой Павел сам пробивает к соседу тропку, чтобы помочь по хозяйству: снег со двора убрать, дров наколоть. Прошлой зимой сосед пожаловался Павлу, как напугали его волки: по тонкому льду озеро переходили 12 животных. Павел догадался, что это были за волки...

ЛЕС ШУМЕТЬ НЕ ПЕРЕСТАНЕТ

На обратном пути мы долго молчим. Заговариваем лишь тогда, когда машина, натужно урча, выбирается на некое подобие дороги. Заместитель директора Ардатовского территориального лесничества Владимир Козлов говорит, что удивлен разговорчивостью лесника. Родители Козлова работали в Новой Сосновке, с Павлом он знаком с детства, вместе с ним в школе учился. Антипов всегда отличался молчаливостью... Лучи вечернего солнца запутались в кронах сосен. Из чащи выползают сумерки. Машину снова трясет на бездорожье, но мы продолжаем разговор, совершенно не беспокоясь о том, что автомобиль может застрять в лесу. Мы знаем, что Павел Антипов где-то рядом: ориентируясь на шум мотора, он идет по лесу, срезая путь, держит курс параллельно нашему движению. Если вдруг машина застрянет, он обязательно придет на помощь. Так было и в прошлый раз. В своем лесу Павел Антипов отвечает за все. ■

МАРШРУТЫ ПРЕСНИ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПРЕСНЮ НАЧАЛОСЬ НЕОЖИДАННО. БЫЛА ЗИМА 1981 ГОДА. В НАШЕЙ ИНСТИТУТСКОЙ КУРИЛКЕ СРЕДИ МНОГИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ, ПИСАННЫХ ОТ РУКИ, ВЫДЕЛЯЛОСЬ ОДНО, НАПЕЧАТАННОЕ НА МАШИНКЕ: «ВНИМАНИЮ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ! СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ В ШКОЛУ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ. ВРЕМЕННО, НА ПОЛСТАВКИ...» ДАЛЬШЕ ШЕЛ АДРЕС И ТЕЛЕФОН. Я НАЩУПАЛ В КАРМАНЕ ДВУШКУ.

МОСКВИЧИ ЗНАЮТ Пресню с детства. Так, по крайней мере, было во времена СССР. Посещения, причем неоднократные, удивительного Московского зоопарка входили, как говорится, в обязательную программу развития и воспитания ребенка в каждой семье.

Вопрос: «Мама, а когда мы поедem в зоопарк?» – был очень острым. В зоопарк летом хотелось больше, чем в Кремль. Поход в зоопарк с его веселой толчеей у входа, с бубликами, которые продавали тут же, с обязательным маршрутом к слону, льву, тигру и «покататься на пони!», с мороженым и уста-

А сама улица Пресня уходила куда-то вверх, направо. Какая она длинная, веселая и широкая – так мне казалось в детстве. Навстречу катились троллейбусы, рогатые, как антилопы, – в нашем районе троллейбусов почему-то не было.

В десятом классе появился неожиданный урок – «Астрономия».

Учебник такой тоненький... На черной обложке желтели далекие звездочки. Вела астрономии физичка, учительница физики, для которой, как теперь кажется, астрономия тоже оказалась полной неожиданностью.

Очень скоро мы сдали деньги на годовой лекторий – в планетарий. В знаменитый Московский планетарий на Пресне.

Физичка сказала: «Вы уже взрослые. Сами понимаете, что оценка по астрономии входит в аттестат. Засчитывается в средний балл. А значит, влияет на поступление в институт. Первый раз мы поедem в планетарий вместе. В дальнейшем вы будете посещать его самостоятельно. А по итогам лекций вы будете составлять небольшие рефераты и сдавать их мне. Ясно?»

Всем было все предельно ясно. Астрономия стояла в расписании шестым, последним уроком. Выходит, возвращаться в школу в этот день не нужно.

Сколько помнится, я посетил планетарий два раза. Один раз осенью, с физичкой, другой раз в страшный майский ливень с грозой и молниями, когда в планетарии особенно хорошо, тепло и сухо. Рефераты я составлял по учебнику и получал всякий раз стабильную четверку. На целый балл больше, чем за ненавистную физику.

Звезды меня абсолютно не интересовали. Как и ракеты, скафандры, пришельцы, иные миры и прочая фантастика... Зато вот походить-погулять по Пресне и окрестностям, где когда-то ты знал только зоопарк, очень интересно!

лостью вечером, как после футбольного матча, приравнивался к счастью и каникулам.

Моя сестренка так любила эти посещения, что однажды сказала: «А вот я бы хотела тут жить, на Зоологической улице...»

Почти напротив зоопарка находился детский кинотеатр «Баррикады», где мультки показывали целый день. И это тоже было удивительно. Не так удивительно, конечно, как купающийся среди камней белый медведь или жираф, щурящийся на тебя сверху, но тоже...

У нас-то в кинотеатре мультки только по выходным и с утра... Сходить на мультки после зоопарка, как правило, не получалось: уж больно мы уставали от впечатлений, от увиденного, от приобретенного.

А ведь когда-то и домой ехать надо, с пересадкой, по кольцевой линии. Станцию метро «Баррикадная» еще не построили.

Мы шли к прохладному вестибюлю станции метро «Краснопресненская», и в памяти оставались значки: зоопарк, слон, Пресня, праздник...

Главный вход в Московский зоопарк приобрел нынешний вид в ходе масштабной реконструкции в 90-х годах прошлого века

Станция метро «Краснопресненская» открыта в 1954 году. У входа в метро в память о событиях 1905 года в 1955 году установлена фигура рабочего-боевика, дружинника, члена боевой рабочей дружины. Ранее в вестибюле метро стоял памятник Ленину и Сталину. Потом убрали фигуру Сталина. Потом и Ленина

Вот, например, выхожу из метро «Баррикадная» вверх, на Садовое кольцо... Налево – Маяковская, это сразу понятно, а направо? Что там направо? Где тут остановка знаменитого троллейбуса «Б», «букашечки», как сказала нам местная бабушка в смешном чепчике? Проезд – 4 копейки... Поехали.

А напротив метро – знаменитая сталинская высотка. Первый этаж опоясывает гастроном. Это значит, всем войти можно! Конечно, вхожу... Да, не чета нашим районным продмагам... Красиво, как во дворце. Люстры! Прилавки. Продавщицы в таких накрахмаленных белых халатах и белых шапочках, словно только сегодня выдали... Двери массивные, тяжелые, ручки дверей, наверное, бронзовые, сверкают на солнце...

А вот и кафетерий. И цены – как у нас в «Диете» у метро. Ничего страшного. Бутерброд с колбасой «Любительской» – 20 копеек, с сыром голландским – 10 копеек, кофе с молоком и сахаром – 20 копеек. Мраморный столик, салфеточки в вазочке. Потолок где-то там... в космосе. Стараюсь не торопиться.

И почему-то именно здесь, между метро и высоткой – не асфальт под ногами, а булыжник, такой же булыжник, как на Красной площади. Почему здесь булыжник? Может быть, в память о революции 1905 года? Булыжник как оружие пролетариата? Или этот булыжник говорит еще о чем-то важном? Кто ж его знает...

Троллейбусы на булыжнике чуть покачиваются. А вот идет сине-белый тролл – номер 5. От Савеловского вокзала до Лужников... Ого-го, какой маршрутище, это ж пол-Москвы можно увидеть за 4 копейки! Где там моя сдача после перекуса в высотке? Остановка – вон она, рядом.

Однажды, чисто «астрономическим» путем, обходя высоту кругом по часовой стрелке, я обнаружил в ней, в цокольном этаже, кинотеатр «Пламя»

Планетарий на углу Пресни и Садового кольца по-прежнему популярен. Открытый в 1929 году, он пережил несколько реконструкций. Последняя из них проводилась в начале XXI века при большом внимании тогдашнего мэра столицы, Юрия Лужкова

Знаменитые троллейбусные номера в последние годы переданы автобусам. Троллейбусов в Москве остается все меньше и меньше

с двумя залами! Стоит ли говорить, что после этого открытия лекторий в планетарии приобрел в моих глазах еще большую ценность? Ведь в этом кинотеатре показывали сразу четыре фильма и совсем не те, что шли у нас, около дома...

А билетик на сеанс в 14.00 стоил столько же, сколько и везде – 25 копеек. Внутри было прямо роскошно по сравнению с моим родным кинотеатром «Свобода». И публика словно иная... И буфет!

А еще я нашел, почти сразу за метро «Краснопресненская», небольшой стадиончик – «Красная Пресня», где играл дубль «Спартак».

И сразу ожили странички прочитанной и много раз перечитанной книжки Андрея Петровича Старостина, в которой о Пресне рассказывалось как о родине московского, и в частности спартаковского, футбола. Вот из нее небольшой отрывок:

«В день игры с утра – неожиданность. На самом центре поля лежитдохлая лошадь Фан Захарыча. Как она сюда попала? И куда ее девать? Задачу решили просто. Прямо на поле вырыли большую яму и тут же зарыли коня. Как ни старались уложить ко-

были в подрытую яму, подтягивая труп за хвост, все же бугор от вздвнувшегося живота уравнять не удалось. Посреди поля возвышался небольшой холм, и во время матча на глазах у изумленных зрителей вдруг обнажались лошадиные ребра.

Высотка на Кудринской площади возведена в 1948–1954 годах. Архитекторы Михаил Посохин и Ашот Мндоянц. Уже в 1955 году в дом въехали первые жильцы

Осложнения первого матча на этом не кончились. К началу игры пожаловали все обитатели Широковки. Уголовники быстро взгромоздились на футбольные ворота и, свесив ноги, уселись на верхней штанге. – Да чем мы мешаем? – недоумевали они.

Администратор и судьи умоляли их слезть с ворот.

– Это противоречит всем правилам! Пока вы не слезете, мы не начнем матч!

Наконец уголовников уговорили слезть с ворот, матч начался, и, к радости Горючки, хозяева поля выиграли».

У Старостина описываются 20-е годы XX века. И канувшие в Лету «Широковка» и «Горючка» – совсем не там, где ныне стадион «Красная Пресня». Но все же это было рядом, по соседству, в общем пресненском мирке, в знаменитых Грузинах... И эта связь времен чувствовалась, волновала уже тогда, в 70-е... Как изменилась Москва за пятьдесят лет...

Ах, много добра принесла мне наука астрономия... И средний балл не испортила.

Стадион на Красной Пресне не пустует никогда. К примеру, именно здесь разыгрывают свой чемпионат артисты московских театров

Потом, много позже, не раз и не два, пешком, гуляли мы с женой слева и справа от улицы Пресня, единственной в этих местах большой транспортной артерии. Два разных мирка – так нам казалось. Слева, если идти от центра, один край, справа, в сторону Тишинки – совсем иной... Слева – унылые старые хрущевки, справа – уютные зеленые дворы некогда кооперативных домов. Даже названия соответствовали. Слева – улица Замоленова. Справа – Большая Грузинская... Чувствуете разницу?

А вот и Малая Грузинская, дом №28. Кирпичная 14-этажка. Именно здесь в квартире 30, на восьмом этаже, проживал с 1975 по 1980 год Владимир Семенович Высоцкий. Это была его единственная собственная квартира за короткую жизнь. Мемориальная доска на фасаде, цветы, сирень у подъезда... Почти напротив, через дорогу – костел, красивый, как изнутри, так и снаружи...

Собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии на Малой Грузинской улице – крупнейший католический костел в стране. Основан в 1899 году в расчете на 5 тысяч человек. Чем не Краков или Милан?

Мемориальная доска на доме по Малой Грузинской улице, 28. Именно здесь завершил свой земной путь Владимир Высоцкий

Дух рабочей окраины на Пресне неистребим.

Деклассация некогда гордого понятия «пролетариат» здесь очень заметна. Бомжей на Пресне хватает. Когда голливудские звезды – Арнольд Шварценеггер и Сильвестр Сталлоне – приезжали на Пресню открывать очередной сетевой американский

ресторан, бомжей на время несколько зачистили. Чтобы не мешали ковровой дорожке и бликам телекамер у входа. Чтобы не портили голливудского глянца. Чтобы не путались под ногами. Того ресторана давно уже нет – бомжи остались.

Хорош в сквере на Трехгорном Валу памятник сражающемуся рабочему. Он не на виду. Спрятан в низинке. Но по сравнению с монументальной композицией у метро тонок и правдив. Оригинал памятника «Бульжник – оружие пролетариата» хранится в Третьяковке, здесь выставлена копия знаменитой скульптуры Шадра.

Когда-то я расспрашивал в этом сквере одного из лидеров торпедовской фанатской футбольной группировки. Брал очередное интервью для спортивного журнала. По ходу разговора пришла и немудреная мысль о фото, которое должно было иллюстрировать текст. На бронзового рабочего набросили черно-белую торпедовскую «розу», а герой очерка присел рядом... Вышло неплохо.

...Большую Декабрьскую улицу я нашел быстро. А школу рабочей молодежи – еще быстрее. Она мне сразу понравилась. Изящный трехэтажный особнячок красного кирпича, построен, по всей вероятности, в начале века.

Рядом пивной бар, рынок, кладбище – оптимистическая обста-

новка. Вспомнилось, как на лекции профессор Тюкавкин уточнил: «Ваганьковское кладбище появилось в столице после печально знаменитой московской чумы конца XVIII века...» Директор школы Галина Борисовна поинтересовалась: – Пятый курс? Хорошо... Вы раньше работали? Трудовая книжка есть?

Трехэтажный кирпичный домик на Большой Декабрьской, бывшая вечерняя школа рабочей молодежи

– Работал... ночным сторожем. Книжку не заводил.

– Надо бы завести. Если вы все-таки съезжаете к нам...

– Я всерьез... Свадьба вскоре. Из ночных сторожей придется уйти. Жена возражает. То есть невеста.

– Тогда вот что... Наш историк сейчас в декрете. Уже не в первый раз, надо заметить. Вернетесь к метро. Там за памятником героям революции, слева, заборчик. За ним роно. Там вам и выдадут трудовую книжку, а я оформлю. Сейчас записочку напишу... Понятно?

И вот так, как-то так, через заборчик и героев революции 1905 года, стал я обладателем трудовой книжки и временным учителем истории краснопресненской школы рабочей молодежи. Этаким Нестором Петровичем из популярного фильма «Большая перемена».

Впрочем, на фильм жизнь нашей школы была мало похожа. Если в каком-нибудь 9 «Г» в класс вдруг являлись три человека – это был хороший показатель явки. Пять – рекордный!

Трехгорный Вал. Сква. Шадр. Бульжник – оружие пролетариата

Очень часто не являлся никто. Или кто-то один вдруг забредал, или двое... Заполнение журнала требовало большой искусности. Я ею овладел не сразу.

Отношения между учителями и учениками были самые добрые, взаимоуважительные, можно сказать, сердечные. Взрослые кругом люди!

– Представляете, сегодня в 10 «В» – семь человек! Целых семь.

– Ну знаете... В Антарктиде про- рос помидор... Что это с ними случилось?!

Таков был порой диалог в учительской.

Ученики в основном представ- ляли две организации.

Дамы, весьма почему-то сим- патичные, фигуристые и весе- лые – водительницы преснен- ских трамваев.

А мужчины, основательные и с юморком – типогра- фские работники «Московской правды» – большого полигра- фического комплекса, распо- ложенного рядом.

Все они хотели завершить деся- тилетку, а потом, как знать, мо-

Ваганьково – московский некрополь. Здесь у каждого своя тропа...

Бетонный долгострой на Большой Декабрьской, которая куда меньше Малой Грузинской

жет, повышать образование и дальше...

Уже на второй неделе обучения мне предложили посетить на большой перемене пивбар, что на рынке.

– Если вам можно, конечно... А то мы без обеда. От станка, так сказать, сразу за парту. Возь- мем рыбки, бутерброд, еще что- нибудь погорячее. Если вам можно в пивбар, конечно...

Я сходил. Я знал, что на следую- щий урок в 10 «А» совсем никто не пришел. Рыбки съел, пива выпил, а вот от водки отказался. Как выяснилось позже, этот от- каз мне занесли в актив не толь-

ко учителя, но и сами ученики, угощавшие, к слову сказать, сво- его учителя: «Ну, сколько вы там за нас получаете, мы примерно представляем, не обижайте...» Девушки из трамвая охотно расспрашивали про мою лич- ную жизнь и называли барона Врангеля бароном Вранглером. Слушать они умели замечатель- но. Вообще поражали усидчи- востью.

Короче говоря, когда подросло распределение из родного вуза, я превратился уже в опытного преподавателя вечерней шко- лы. В обычную идти как-то и не хотелось. Но Галина Борисовна утешила:

– Я была у вас на уроках, увере- на, у вас и в обычной школе полу- чится. А нашу, мне уже намекали, все равно скоро закроют. По при- чине низкой посещаемости.

И вот в июне, впервые прини- мая выпускные экзамены и мур- лыча про себя «кто-то вякнул в трамвае на Пресне», я собрал ве- щички, получил запись в трудо- вой зелененькой книжке и поки- нул и школу, и Пресню. Покинул с грустью и уважением.

Я еще не знал, не мог знать, что через десять лет вернусь на Пресню в другом качестве на долгие три пятилетки. Что именно здесь встречу новые времена – ваучеры, путч, олигархов, бомжей, бандитов, звезд шоу-бизнеса... Что мне придется забывать старую учительскую профессию и осваивать новую,

журналистскую – в том самом полиграфическом комплексе по адресу улица 1905 года, 7, где работали мои самые первые ученики.

Страна выбирала новый маршрут – в неведомое.

Большинство граждан нашей страны знать не знало, куда этот маршрут приведет. А я осваивал новую профессию. И все это –

Ваганьковское кладбище. Еще недавно мимо ходили трамваи

общее и частное – как-то совместились, переплелось у меня – именно на Пресне.

Трудно было тогда предположить, что количество пресненских трамваев, воспетых Высоцким в одной строке, сначала уменьшится, маршрут их укоротится, а потом, потихоньку, они исчезнут с Пресни и вовсе.

В нашей школе рабочей молодежи вначале разместят педучилище, потом факультет какого-то нового педвуза, потом еще что-то и еще что-то. Ваганьковский рынок, а с ним, естественно, и пивбар, сломают и начнут строить на его месте какую-то серую бетонную громадину, не достроенную, кажется, до сих пор.

Когда мы с женой в очередной раз навещаем Ваганьковское кладбище, Высоцкого, Есенина, Буркова, Даля, Стрельцова, Бескова, Старостина и много кого еще, мы идем Большой Декабрьской улицей, бывшей Ваганьковской дорогой, и я всегда с трепетом посматриваю на старое трехэтажное изящное здание из красного кирпича. Живо ли оно? Живо. **■**

Улица 1905 года, 7.

В советские времена здесь располагалась вся столичная пресса. Ныне в здании в основном офисы всех видов и мастей, на первом этаже, в бывшем вестибюле, есть хинкальная... Но типография пока работает

ОДА К РАДОСТИ ОТ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ДЕСЯТЫЙ РАЗ ПРОШЕЛ КАРНАВАЛ – ДЕНЬ ДОСТОЕВСКОГО.
ПЕРВАЯ СУББОТА ИЮЛЯ КАК ДЕНЬ ТОРЖЕСТВ ВЫБРАНА НЕ СЛУЧАЙНО:
ЭТО СВЯЗАНО НЕ С БИОГРАФИЕЙ ПИСАТЕЛЯ, А СО ВРЕМЕНЕМ ДЕЙСТВИЯ
РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», КОТОРЫЙ НАЧИНАЕТСЯ СЛОВАМИ:
«В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ, В ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЖАРКОЕ ВРЕМЯ...»

НА ВЛАДИМИРСКОЙ площади всегдалюдно и тесно: музыканты поют, пенсионерки торгуют овощами, прохожие мельтешат. И вся эта жизнь пульсирует у двух доминант: Владимирского собора и памятника Достоевскому, возле которого гнездится современный «контингент» его романов – люди сложной судьбы и относительной социальной ответственности.

Раз в году площадь и Кузнечный переулок, где расположен дом, в котором жил и умер писатель, преображается. В полдень у памятника оживает и сам классик, и его герои, и коллеги по перу – и начинается карнавал. Конечно, фантастический, другого в Петербурге быть не может.

– Шестого июля планета отмечает Всемирный день поцелуев! – гремит ведущий и предлагает принять участие во флешмобе «Всемирное братство». – Фактором, служащим объединением, мы считаем великую русскую литературу. В связи с этим мы призываем вас обнять и поцеловать ближнего во имя великой русской литературы. Ура, товарищи!

– Ур-р-ра! – вторит народ.

– Да здравствует Федор Михайлович Достоевский! Да здравствует великая русская литература! Да здравствуют объятия и поцелуи! Обнимемся, друзья!

Обнимемся и пройдем к Дому-музею Федора Михайловича!

Все желающие могут обняться не только друг с другом, но и с Достоевским в цилиндре. Писатель со старухой-процентщицей Аленой Ивановной воплотились в кукол-великанов и ведут шествие по Кузнечному переулку. Переулок украсили растяжками с цитатами Достоевского, а на тротуарах установили фигуры любимых им писателей. Народ стекается к дому писателя и замирает у балкона в ожидании самого виновника торжества. Ведущий бодро скандирует лозунги, вспоминая День любви и верности, который грозит грянуть. Достоевский не заставил себя ждать и гигантской марионеткой выплыл на балкон дома-музея. Пожелал, чтобы этот праздник «прошел волной любви» не только к его произведениям, но и ко всей мировой литературе, и повелел больше читать, размышлять и воображать.

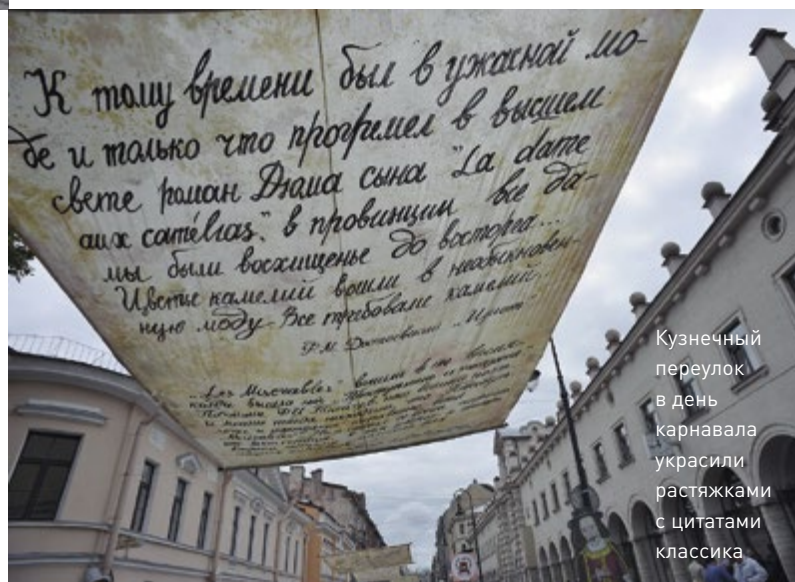
– Пусть литература помогает стать вам творцами своей жизни. Не забывайте, что истинное творчество всегда направлено на мир и созидание. Именно поэтому тема сегодняшнего, десятого, юбилейного Дня Достоевского – всемирное братство. Всемирному всечеловеческому братскому единению сердце русское наиболее предназначено, – возгласил с балкона Федор Михайлович.

ТАНГО С МЫШКИНЫМ И ЗОЛОТАЯ СОНЯ

Воскреснув, Достоевский оживил и своих коллег по цеху, и героев в спектакле «Литературный ассамбляж», в котором оживают классики европейской литературы, оказавшие влияние на творчество писателя. Раз в год артисты петербургских театров собираются вместе, чтобы отметить День Достоевского.

Дюма-сын, отрекомендовавшийся Сан Санычем, выступал под арию из «Травиаты», вспоминал о своей «нетленке» и лихо отплясывал. Когда случился вальс, к Дюма, кружась, присоединились Сервантес, Мольер, Бальзак, Диккенс, Гофман вместе с Достоевским. Когда упорхнули писатели, их сменили герои. Неистовая Лиза из «Бесов» стала блондинкой и станцевала босиком со Ставрогиным. Маргарита Готье с отцом и сыном из «Дамы с камелиями» появится позже, а когда «умрет», ее сменил Настасья Филипповна с князем Мышкиным в танго. Кончился дивный спектакль символично – под оду «К радости» Бетховена. Публика глазет по сторонам, изучает газету «День Достоевского» и аплодирует пляске Федора Михайловича со старухой-процентщицей.

– Это, по ходу, Соня? Из грязи чистая, – уважительно говорит помятый мужчина своему спутнику, рассматривая живые

Кузнечный переулок в день карнавала украсили растяжками с цитатами классика

Федор Михайлович традиционно поприветствовал собравшихся с балкона своего дома

фигуры – героев «Преступления и наказания»: Соню с Евангелием, Раскольникова с топором, Мармеладова с бутылкой, Алену Ивановну с кошельком. Это актеры театра «БИТКОМ». Публика фотографирует гримасы старухи-процентщицы, не забывая золотить ей ручку за фото. Актеры-скульптуры принимают позы, строят рожи и зарабатывают деньги. А вот блондину в толстовке с надписью Russia золотой Раскольников совсем не глянулся. Мужчина несвеж, но пылок и на Роденьку бросился прямо-таки с Достоевским пафосом: «Бабкам не дают торговать редиской! Своей!» Он отчасти прав: из-за праздника пенсионерок у выхода из метро, ежедневно тут продающих овощи-зелень, немного потеснили. Правда, скорее, для виду. Ошарашенный Раскольников ретируется на перекур вместе со своим топориком.

ПОГАДАТЬ С КЛАССИКОМ

У памятника Достоевскому идет сделка: желающие могут обменять современные деньги на «литературный вексель» и погадать на «Преступлении и наказании». Добровольцы спрашивают о важном и личном:

– Поступлю ли в институт? – запинаясь, интересуется юная девушка и тычет пальцем наугад в раскрытый роман.

– «Да зачем же против себя говорить...» – читают ведущие: ну подумайте, ваше ли это поступление?!

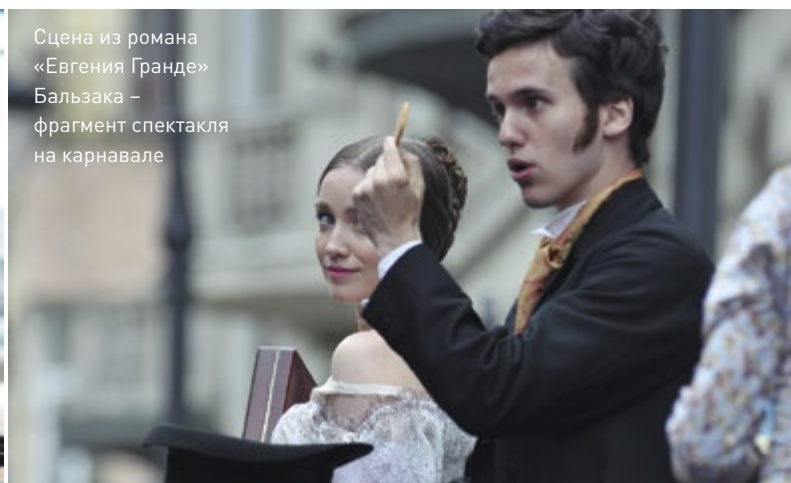
Дама элегантного возраста задала вопрос четко: «Увеличат ли пенсию?» Помощница открывает книгу – а там ответ: «Пожалуйста, попросила, и уж так ей хотелось...» Аплодисменты. Очередь желающих спросить растет, вперед выходит звонкоголосая Юлия с вопросом, как пройдут ее творческие испытания. «Господи-и-и!» – голосит ведущая, читая заветную строчку, видимо, так и скажут строгие педагоги, ознакомившись с работой девушки. Юному Серафиму требуется выяснить, когда ему подарят собаку. Похоже, «после обморока», а может, так назовут пса. Молодой даме не терпится узнать, ког-

Вот уже десятый год в начале июля Федор Михайлович оживает и идет в народ

Карнавала Достоевского без Раскольникова с топором быть не может

Сцена из романа «Евгения Гранде» Бальзака – фрагмент спектакля на карнавале

да она выйдет замуж. Гадание пророчит узнать ответ во сне... от Марфы Петровны. Блондинка Елена в темных очках спрашивает о наболевшем для любого жителя Петербурга: когда зимой исчезнут сосульки в центре города? – Достоевский не мой писатель, – признается Елена, – я очень долго не могла к нему прийти. Он меня ужасно раздражает, но я его хочу понять. Толстой мне ближе – и язык, и взгляды. Люди, однако, понимают и любят – вот аэропорт в его честь назвали! Это самый трудный писатель в моей жизни. «Погружение в серость» – такая ассоциация. Люди любят и чтят Федора Михайловича, а он прожил трудную жизнь, но любил всех нас и жизнь, но прожил ее как мог.

КУМИР И МАНЬЯК

– Достоевский не любимый писатель, читать его непросто, – признается 68-летняя Татьяна Федоровна.

Она не унывает: взяла «Подростка» в библиотеке и хочет осилить «Бесов». На карнавал чествовать Достоевского приходит в четвертый раз. Говорит, праздник подталкивает читать Федора Михайловича, которого она не проходила в школе.

Дамы в панاماх вспоминают установку памятника на площади в 1997 году и рассматривают сувениры на лотке с Достоевским. Пожилая покупательница интересуется, придут ли на праздник потомки классика. А узнав, что самого юного в роду зовут Федором, радуется и задается вопросом: а не пишут ли Достоевские книги? Правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский и его семья в карнавале не участвуют, объясняя так: Федор Михайлович Достоевский не карнавальный писатель. А на площади над медноволосой Екатериной занес топор золоченый Раскольников.

– Достоевский меня очень вдохновил: он пишет очень пронзительно – у других я такого не встречала, – пылко рассуждает 25-летняя девушка. – Его темы актуальны и сейчас, а герои – понятны. Я в нем вижу много положительного и понимаю. В Раскольникове привлекает стойкость, сострадательность, внутренняя честность, он роется в себе, выходит на правду. Я его воспринимаю как более

В спектакле «Литературный ассамбляж» Чарльз Диккенс прогулялся по Лондону со своими персонажами

Двойники: Евгений Анисимов, Богдан Гудыменко (внизу)

Бессмертные Достоевский и его героиня порадовали публику танцем

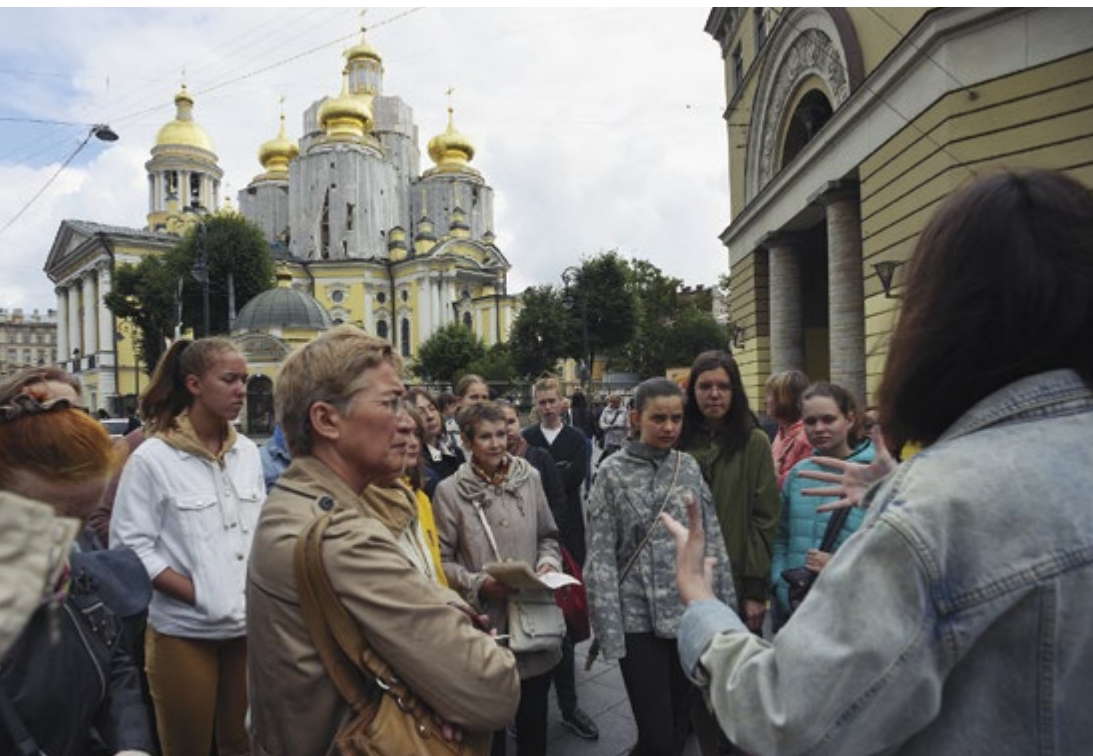
сильную версию себя. Порой мне страшно касаться Достоевского, потому что он затрагивает во мне такие глубины, что это рвет душу. Соня для меня самый пугающий персонаж. Раскольников до конца не понимал, что он делает, а Соня знала, на что идет. Самоубийство честнее, проституция хуже, чем смерть. Не знаю, как бы я жила без этого романа. Я поняла, что не одна. Правда, почему Наполеону можно, а ему нельзя?

– Да маньяк он был! – разрубает пыльную речь Кати проходящий мимо мужчина. Подруга Екатерины музеевед Мария тоже в восторге от праздника. Достоевский ей дается нелегко – слишком тяжело душевно. Симпатий к Раскольникову она не разделяет, как и не поддерживает «подростковый бунт». Ей ближе Алеша Карамазов, а не Родион Раскольников.

– Сонечка – отчаявшаяся девушка, она поступила отвратительно. Да, проституция хуже, чем смерть. Но когда приходится выбирать: голодная смерть семьи или смерть твоей души, понять можно. Другое мнение у самого юного, но опытного экскурсовода праздника – 19-летней Таисии Тихомировой, для которой Раскольников – «человек с огромной внутренней силой и потенциалом веры, которую он в конце и обретает».

Герои «Преступления и наказания» принимали позы у памятника писателю. Желающие могли запечатлеть себя на фото с любимым персонажем

Волонтеры
вели экскурсию
«Владимирская
площадь и ее
окрестности»
в режиме
нон-стоп

Элегантный
ведущий
карнавала

ПОЧУВСТВУЙ СЕБЯ РОДИОНОМ

Елена Курцева окончила филологический факультет РГПУ им. А.И. Герцена. Она – волонтер акции «Молодежь – Достоевскому» при музее писателя вот уже десять лет. Волонтерами становятся молодые люди не старше 30 лет – студенты и выпускники вузов, любители Достоевского. Они проходят курс годового обучения

в музее, разрабатывают собственные экскурсии по музею и городу. В сентябре прошлого года было подано более 200 заявок, отобрали на семинар только 38. В этом году Елена участвовала в проекте «Мой Достоевский: музей создается людьми»: люди рассказывали о своем восприятии писателя и голосовали за любимое произведение. Победили «Братья Карамазовы».

– Охотнее о Достоевском в своей жизни рассказывали люди старшего поколения, – говорит Елена. – Молодые чаще рассказывали о том, как прочувствовали произведения Достоевского. Например, кто-то признавался, что «стал чувствовать себя Раскольниковым». Одна женщина призналась, что полюбила Достоевского и нашла мужа, который тоже любит Достоевского. А вот в жизнь Таисии Тихомировой Достоевский вошел рано. В музей писателя на Кузнецком она приходит с 3 лет. Дедушка (Борис Николаевич Тихомиров – доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского) пять лет назад спросил, хочет ли внучка быть волонтером. Тася согласилась и начала свой волонтерский стаж.

– Подготовки тогда у меня никакой не было, кроме разговоров с дедушкой, которого всегда могла спросить, – вспоминает девушка. – Достоевский в разных ипостасях появлялся в моей жизни. Сначала это был семейный дух, о котором все говорили. Мне было лет десять, когда мы с мамой рисовали портрет Достоевского в подарок дедушке. То есть Достоевский всегда был рядом, но до определенного момента я не понимала, кто это, хотя знала, что им занимается Борис Николаевич. Когда прочитала «Преступление...» – рыдала на монологе Сонечки. Непостижимый героизм. Она мне кажется лучшей девушкой на всем свете. Достоевский один из моих любимых писателей, он смог показать, насколько человек может быть сложным. У Федора Михайловича есть странная особенность доказывать, что лучшее, что ты можешь сделать в жизни, это поверить в Бога. Но это не режет слух. Достоевский мне не кажется мрачным, он – настоящий. Таисия окончила первый курс факультета свободных искусств и наук СПбГУ, очень любит волонтерскую команду, но связывать свою жизнь с Музеем Достоевского пока не планирует,

несмотря на влияние деда-достоеведа. В этом году вела экскурсию на Владимирской, рассказывала о том, как открывался музей. Рассказывать требуется кратко, потому что слушатели нередко ей советуют почитать... Бориса Тихомирова. Тася кивает. После того как один раз призналась, что она его внучка, женщина стала просить адрес деда. Достоевского Тася называет самым петербургским писа-

телем, восхищена праздником и рада, что экскурсантов становится больше. Одна слушательница огорчилась, узнав, что не сможет стать волонтером, – возрастной ценз.

Но на празднике грустить не пришлось. Экскурсии «Раскольников в городе» и «Владимирская площадь и ее окрестности» шли в режиме нон-стоп: каждые 10–15 минут группа отправлялась от стартовой точки. Музеи

Таисия Тихомирова – волонтер очень юный, но с большим стажем

Охотнее о Достоевском в своей жизни рассказывали люди старшего поколения

и библиотеки Петербурга тоже присоединились к торжественным мероприятиям на своих площадках. Те, кто уже изучил Владимирскую и предпочитает прогрессивные способы получения информации, могли метнуться на Сенную с квестом «По следам Раскольникова»: считать шаги, искать дом старухи и прислушиваться, не зазвенит ли колокольчик...

– Пятьдесят рублей, мальчики, девочки! Берем на праздник Достоевского! – чернокудрая торговка трясет пластмассовыми пистолетами с мыльными пузырями на углу Кузнечного переулка.

Пузыри разлетаются перламутровыми брызгами, ода «К радости», завершая «Литературный ассамбляж», гремит второй раз. И артистический батальон появляется с цветами у памятника писателю. Через год карнавал повторится, Достоевский снова выйдет в народ, и литературная магия оживит его героев. Хотя зачем ждать год, ведь Петербург Достоевского жив, пока его охраняет гений места. Главное, зорко всмотреться...

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru